

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

9 2026
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 9 (612) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена *Сандра Диас* (1961), аргентинский ученый-эколог, ботаник.

Санра Диас родилась в 1961 году в городе Бель-Виль провинции Кордоба (Аргентина). Она окончила факультет биологии в Национальном университете Кордовы и там же получила степень доктора философии.

Сфера ее научных интересов — функциональные признаки растений, их влияние на свойства экосистемы и их взаимодействие с движущими силами глобальных изменений. Диас построила первую глобальную количественную картину существенного функционального разнообразия сосудистых растений.

Сейчас Сандра Диас — профессор экологии Национального университета Кордовы, старший член Аргентинского национального исследовательского совета и приглашенный профессор Оксфордского университета.

Диас также совмещает экологические исследования с междисциплинарной работой по изучению того, как разные общества ценят и перестраивают природу, является основателем международной инициативы по сохранению разнообразия и устойчивости окружающей среды Núcleo DiverSus.

Как активистка движения «Сопrotивление вымиранию», Сандра Диас последние годы работала над изучением мирового разнообразия видов в аргентинском Национальном университете Кордобы. В течение трех лет вместе с коллегами она координировала самый широкий

проект по исследованию мирового биоразнообразия. В проекте участвовала 51 страна.

После завершения исследования Сандра и 144 других исследователя сообщили миру неутешительные новости: миллион видов растений находится под угрозой исчезновения, и все это — дело рук человеческих. Воспрепятствовать вымиранию этих видов будет чрезвычайно сложно.

Неудивительно, что в 1500-страничном отчете по проекту сказано: «Если не будет предпринято серьезных изменений в экономике, если не будут оставлены идеи о необходимости ее непрерывного роста, сохранить виды не получится, а цели устойчивого развития останутся недостижимыми». Диас не боится заявлять об этом открыто.

Сандра Диас — автор более 150 научных работ, публиковалась, в частности, в журнале *Nature*.

Профессор Диас была сопредседателем Межправительственной платформы глобальной оценки биоразнообразия и экосистемных услуг. Она является членом академий наук Аргентины, США, Франции, Норвегии, Латинской Америки, а также членом Британского королевского общества и Американского философского общества. Среди ее наград — премия Маргалефа по экологии, премия Гуннеруса по науке об устойчивом развитии, международная медаль Кью и премия BBVA «Границы знаний».

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Андреева Т. С.**
Реабилитация и абилитация
детей-инвалидов..... 219
- Аушева Е. А., Холина В. П.**
Проблема ответственности
за правонарушения в сфере эксплуатации
безэкипажных международных судов 221
- Аханова М. Р.**
Правовое регулирование отношений
в сфере образовательных услуг 224
- Бабажанов Р. Р.**
Полномочия прокурора по осуществлению
надзора за соблюдением прав и свобод
граждан в уголовном судопроизводстве..... 226
- Бердникова В. С.**
Проблемы формирования коллегии
присяжных заседателей 228
- Богомолов И. В.**
Проблемные вопросы квалификации
преступных деяний против порядка
прохождения военной службы (статья 339 УК
РФ) и их разграничения с конкурирующими
составами преступлений 230
- Бушев Ю. В.**
Банкротство супругов: проблемы теории
и практики 235
- Виноградова Е. Ю.**
К вопросу определения долей при разделе
общего имущества супругов 239
- Волков М. В., Комаров К. Р.**
Невозможность контрагента обеспечить
исполнение своих обязательств как
правовой риск при осуществлении
предпринимательской деятельности 243
- Григорьева Л. С.**
Проблемы взаимодействия миграционных
и правоохранительных органов..... 245
- Дубинин А. Д.**
Понятие виртуального имущества 247
- Закроев А. В.**
Понятие аффилированности в российском
институте банкротства 249
- Зиятдинов Р. Р.**
Понятие, особенности и условия деликтной
ответственности в российском и зарубежном
гражданском праве 251
- Зубаиров А. Р.**
Вопросы соотношения морали и права..... 253
- Исомов А. Б.**
История становления и правовые основы
образовательной системы Узбекистана 255
- Калюжный И. А.**
Проблемы нотариального удостоверения
медиативного соглашения..... 258
- Калюжный И. А.**
Обязательные условия медиативного
соглашения 260
- Каткова В. В.**
К вопросу о социальном обслуживании
граждан в Российской Федерации 261
- Клименко С. А.**
Условия соглашения об отступном..... 263
- Конев Н. А.**
Правовой анализ территориальной схемы
обращения с отходами Новосибирской
области 265
- Куренных О. Н.**
Проблемы формирования кадрового резерва
на должности судей и председателей судов
Алтайского края..... 268
- Лепехова Е. А.**
Уголовное законодательство стран Азии
о фальсификации доказательств и его
значение для России 270
- Макарова Н. В.**
Договор продажи недвижимости: раздел
о расчетах с продавцом-должником
по просроченным кредитам 272
- Микушова А. В.**
Правовое регулирование социального
сиротства в Российской Федерации 276

Микушова А. В.

Дополнительные гарантии прав детей-
социальных сирот в Российской Федерации .. 279

Морозова Н. А.

Противоречия и пробелы в законодательстве
о Центральном банке Российской Федерации 284

Панкевич В. В.

Основания и порядок применения наказания
в виде лишения специального права..... 285

Панкевич В. В.

Понятие специального права и порядок его
получения гражданином 287

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Реабилитация и абилитация детей-инвалидов

Андреева Татьяна Станиславовна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Актуальность исследования реабилитации и абилитации детей-инвалидов остается особенно значимой, потому что речь идет не только о медицинской помощи, но и о реальных условиях жизни ребенка, его семьи и будущем уровне самостоятельности. В последние годы внимание к защите прав детей с ограничениями здоровья заметно усилилось, однако на практике семьи по-прежнему сталкиваются с несвоевременным предоставлением услуг, нехваткой специалистов, сложностями при получении технических средств и различиями в доступности помощи в зависимости от региона. Поэтому изучение данной сферы важно не формально, а с точки зрения того, насколько существующие меры действительно помогают ребенку развиваться, учиться, общаться и включаться в общественную жизнь.

Актуальность исследования также обусловлена тем, что именно в детском возрасте закладываются базовые бытовые, коммуникативные и социальные навыки. Если необходимая поддержка оказывается вовремя, у ребенка значительно выше шансы на успешную адаптацию и более активное участие в жизни общества. Если же помощь носит запоздалый или формальный характер, это может привести к усилению социальной изоляции, росту зависимости от окружающих и дополнительной нагрузке на семью. По этой причине вопрос о качестве реабилитации и абилитации следует рассматривать как важную социальную и правовую задачу.

Целью исследования является анализ особенностей реабилитации и абилитации детей-инвалидов, выявление их значения в системе социальной защиты и оценка того, насколько эффективно действующие меры реализуются на практике. Для достижения этой цели необходимо раскрыть содержание самих понятий реабилитации и абилитации, показать роль индивидуальной программы реабилитации и абилитации, а также обозначить основные проблемы, которые возникают при предоставлении медицинской, психолого-педагогической и социальной помощи детям.

Эффективная помощь невозможна без соблюдения нескольких базовых принципов. Во-первых, она должна

быть индивидуальной: одинаковые решения для всех детей здесь не работают. Необходимо учитывать возраст, состояние здоровья, особенности развития, семейную ситуацию и образовательную среду.

Во-вторых, работа должна быть непрерывной. Разовые мероприятия дают ограниченный эффект, тогда как устойчивый результат достигается при длительном сопровождении. В-третьих, большое значение имеет последовательность: сначала формируются простые навыки, затем более сложные. Наконец, важна комплексность, то есть согласованное участие врачей, педагогов, психологов, социальных работников и самих родителей.

Ключевым организационным инструментом в этой сфере выступает индивидуальная программа реабилитации и абилитации, или ИПРА. Этот документ составляется по итогам медико-социальной экспертизы и фиксирует, какая именно помощь нужна конкретному ребенку. В программе отражаются рекомендуемые мероприятия, технические средства и исполнители. Для родителей ИПРА носит рекомендательный характер, однако для государственных органов и организаций, которые обязаны обеспечивать соответствующие меры, ее исполнение является обязательным. Именно поэтому содержание такой программы напрямую влияет на то, какую реальную поддержку получит ребенок [1].

Существенную роль играет качество составления ИПРА. Если документ оформлен формально, без учета реальных потребностей ребенка, то даже при последующем исполнении программа не даст нужного результата. На практике это означает, что в нее могут не включить важные процедуры, занятия со специалистами или необходимые технические средства. Поэтому при подготовке программы важно не ограничиваться шаблонным перечнем мер, а оценивать конкретную жизненную ситуацию, уровень развития ребенка и мнение его законных представителей.

Обычно ИПРА охватывает несколько направлений. Медицинский блок включает восстановительное лечение, лечебную физкультуру, физиотерапию, санаторно-ку-

рортную помощь, а в необходимых случаях протезирование и иные меры, направленные на компенсацию нарушенных функций организма. Отдельное значение имеет обеспечение техническими средствами реабилитации: от слуховых аппаратов и ортопедических изделий до кресел-колясок и специальных приспособлений для повседневной жизни. Без таких средств многие рекомендации остаются лишь на бумаге.

Не менее важным является психолого-педагогическое направление. Ребенку могут требоваться специальные условия обучения, коррекционные занятия, помощь логопеда, дефектолога, психолога, а также поддержка семьи. Для детей с тяжелыми нарушениями речи или развития значение имеет обучение альтернативным способам коммуникации. Через такие меры ребенок не просто получает знания, но и учится общаться, выражать свои потребности, выстраивать отношения со сверстниками и взрослыми. Это напрямую влияет на его дальнейшую социализацию.

Социальная реабилитация и абилитация помогают ребенку освоить навыки самостоятельной жизни. Сюда относится обучение самообслуживанию, ориентации в пространстве, безопасному поведению, использованию транспорта, взаимодействию с окружающими. Для подростков дополнительно возрастает роль профориентации, поскольку важно заранее понимать, в какой сфере человек сможет реализовать себя в будущем. Чем раньше начинается такая работа, тем легче избежать изоляции и зависимости от постоянной посторонней помощи.

Несмотря на достаточно подробное правовое регулирование, в реальной практике сохраняется немало проблем. Одна из самых частых — разрыв между тем, что закреплено в документах, и тем, что семья может получить фактически. Исполнители ИПРА относятся к разным ведомствам, и отсутствие налаженного взаимодействия между ними перекладывает значительную часть организационных вопросов на родителей. Им приходится самостоятельно обращаться в несколько учреждений, отслеживать сроки, собирать документы и добиваться исполнения уже утвержденных решений.

Серьезные трудности возникают и при обеспечении техническими средствами реабилитации. Даже когда необходимость в них официально признана, получение нужного изделия нередко затягивается. Для ребенка это особенно чувствительно: длительное ожидание коляски, слухового аппарата или другого средства может замедлить развитие, осложнить обучение и ухудшить общее состояние. Еще одна проблема связана с качеством самих изделий. При покупке по минимальной цене семья иногда получает средство, которое неудобно в использовании, быстро выходит из строя или просто не подходит ребенку по своим характеристикам.

Отдельно следует отметить территориальное неравенство. В крупных городах доступ к профильным специалистам, современному оборудованию и специализиро-

ванным центрам обычно выше. В небольших населенных пунктах выбор заметно уже, а часть услуг отсутствует вовсе. В результате семьи вынуждены тратить дополнительные средства и время на поездки, либо отказываться от части помощи. Такая ситуация противоречит самой идее равных возможностей и требует не только формального закрепления прав, но и реального расширения доступности услуг на местах [2].

Большую роль в достижении результата играет участие семьи. Даже самая грамотно составленная программа не будет эффективной, если родители не понимают ее целей, не получают разъяснений от специалистов и остаются один на один с организационными трудностями. На практике именно семья ежедневно закрепляет те навыки, которые ребенок осваивает на занятиях и в ходе лечения. Поэтому сопровождение должно включать не только помощь самому ребенку, но и консультирование родителей, обучение приемам взаимодействия и доступную информацию о порядке получения положенных мер поддержки.

В последние годы заметно расширяются способы обеспечения техническими средствами реабилитации. Помимо традиционного получения изделий через уполномоченные органы, развивается механизм электронного сертификата, который позволяет семье самостоятельно выбрать подходящий вариант у аккредитованного поставщика. Такой подход удобен, поскольку дает больше гибкости и позволяет быстрее учитывать индивидуальные особенности ребенка. Однако его эффективность зависит от того, насколько понятен порядок использования сертификата и достаточно ли на рынке доступных и качественных изделий.

Для повышения эффективности всей системы важно не только совершенствовать законодательство, но и добиваться стабильной практической реализации уже существующих гарантий. Нужны более точная межведомственная координация, контроль за сроками исполнения ИПРА, повышение качества услуг и развитие инфраструктуры в регионах. Когда помощь оказывается вовремя и с учетом реальных потребностей ребенка, реабилитация и абилитация перестают быть формальной процедурой и становятся реальным инструментом социальной включенности.

Таким образом, реабилитация и абилитация детей-инвалидов — это не вспомогательное направление социальной политики, а один из главных механизмов, от которого зависит качество жизни ребенка и его будущее. Эффективность этой системы определяется не количеством принятых норм, а тем, насколько точно выявлены потребности ребенка, насколько качественно составлена ИПРА и насколько полно она исполняется на практике. Только при реальном межведомственном взаимодействии, внимательном отношении к семье и доступности услуг можно говорить о создании условий, в которых ребенок действительно получает возможность развиваться, учиться и жить достойно.

Литература:

1. Бобров В. К. Прокурорский надзор. Учебник и практикум для СПО. М.: Юрайт, 2019. 212 с.
2. Шошмин А. В., Бесстрашнова Я. К. Оценка себестоимости персонального сопровождаемого трудоустройства инвалида // Медико- социальная экспертиза и реабилитация. Сборник научных статей. Минск, 2018. С. 199–203.

Проблема ответственности за правонарушения в сфере эксплуатации безэкипажных международных судов

Аушева Евгения Александровна, студент;

Холина Виктория Павловна, студент

Научный руководитель: Степанова Марина Николаевна, кандидат экономических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Данная тема является актуальной в связи со стремительным развитием цифровых технологий и устаревшими в соотношении с ними правовыми нормами. Внедрение в международные суда беспилотных систем вызывает ряд существенных проблем в правовом регулировании вопросов, связанных с безопасностью автономных судов, их соответствием международным стандартам и, что самое главное, с ответственностью за правонарушения, возникающие при их использовании. Имеется необходимость в адаптации существующих правовых норм к новым реалиям для обеспечения эффективности использования новых автоматизированных систем. В частности, проблемой является правовое регулирование вопросов, связанных с привлечением к ответственности в случае правонарушений, совершенных при эксплуатации полностью автономных безэкипажных судов.

Ключевые слова: безэкипажное судно, ИИ в судоходстве, международное морское право, ответственность, МАНС, ИМО.

The issue of liability for offenses in the operation of international unmanned ships

This topic is highly relevant due to the rapid development of digital technologies and the legal norms that have become outdated in comparison. The introduction of unmanned systems into international shipping raises a number of significant problems in the legal regulation of issues related to the safety of autonomous vessels, their compliance with international standards, and, most importantly, liability for offenses arising from their use. There is a need to adapt existing legal norms to new realities to ensure the effective use of new automated systems. In particular, a key challenge is the legal regulation of liability in the event of offenses committed during the operation of fully autonomous unmanned vessels.

Keywords: unmanned vessel, AI in shipping, international maritime law, liability, MASS, IMO.

Система автономных судов в наше время становится все более и более значимой единицей в морском пространстве, а с возрастанием ее важности приходят и проблемы в нормативно-правовом регулировании. Так, например, множество вопросов, связанных с безопасностью управления такими судами или с ответственностью при их использовании, остаются отстраненными от общей массы регулируемых конвенцией и иными документами вопросов морского права.

Перед тем, как перейти к непосредственному оглашению проблем, присущих сфере управления данным видом транспорта, стоит сказать о том, насколько широко в современном мире применяется система безэкипажных судов.

На сегодняшний день известно, что Международная морская организация (от англ. ИМО, International Maritime Organisation), в которую входят большинство стран, пред-

ставленных в Ассамблее, включая Российскую Федерацию, активно работает над созданием Кодекса по безопасности морских автономных наводных судов (МАНС — от англ. MASS, Maritime Autonomous Surface Ships) [6], и уже значительно продвинулась в данном вопросе. Работа над кодексом должна завершиться к началу следующей сессии организации, то есть в мае 2026 года. Однако, несмотря на это, все еще не существует даже легального определения МАНС, не говоря уже о правилах или хотя бы рекомендациях по их регулированию.

Общее определение морских автономных наводных судов мы можем дать, исходя из определяющих и отличающих их от массы других судов признаков. Так, безэкипажные суда — это морские полностью или частично автономные суда, используемые преимущественно в военной, научной сфере или сфере технического обслуживания для минимизации человеческого фактора в управ-

лении и повышения безопасности судоходства. Стоит отметить, что суда с полной и частичной автономностью фактически будут являться двумя разновидностями интересующего нас морского транспорта. Важно учитывать этот фактор при создании нормативно-правовой базы.

Переходя непосредственно к рассмотрению вопроса нашей статьи, необходимо сказать о том, что деление безэкипажных судов на полностью автономные и частично автономные [4] имеет ключевое значение в определении ответственности за совершение правонарушений, связанных с их эксплуатацией. Для начала раскроем подробнее значение этих понятий.

Так, частично автономными судами можно назвать те суда, что хоть и не имеют при себе экипажа, или же работают с минимальным экипажем, но их управление производится за счет вмешательства со стороны человека. То есть система частично заменяет некоторые роли, которые ранее не могли исполняться без участия профессионалов.

Примером такой системы можно считать внедрение IoT (от англ. Internet of Things), который связывает определенные физические объекты с цифровой сетью [7]. IoT в сфере эксплуатации морских безэкипажных судов работает следующим образом: на периферийном уровне работают множество сенсорных сетей, включающих в себя датчики, собирающие информацию о судне, а также его состоянии (крен, дифферент, температура, курс, скорость и т. д.), работе технического оборудования (обороты двигателя, давление внутри системы и др.) и иных показателях; далее полученная информация в случае использования частично автономной системы передается в береговой центр управления через спутниковые или иные подключенные каналы, где специально обученные члены экипажа занимаются формированием миссий судна, корректировкой его маршрутов, и иными образами вмешиваются в работу автоматизированной системы для обеспечения максимальной точности и безопасности эксплуатации.

Несомненно, данная система и подобные ей имеют множество плюсов, к которым, например, относятся упрощение предиктивного обслуживания, оптимизация маршрута и расхода ресурсов, повышение осведомленности о состоянии судна и ускоренное управление грузом и логистикой, что позволяет создавать сквозные цепочки поставок с минимальным человеческим участием.

С полностью автономными судами ситуация выглядит несколько сложнее. В наше время в полностью автоматизированных системах занимает важное место инструмент, вызывающий волны дискуссий среди ученых, в том числе и ученых-правоведов по всему миру. В МАНС, которые обходятся без участия человека [4], роль «капитана» занимает искусственный интеллект.

То есть, полная автономность в морском контексте подразумевает, что судно способно самостоятельно выполнять все задачи рейса, от выхода из порта до захода в порт назначения, и все это без вмешательства человека-оператора. Реализация этой задачи требует выхода за рамки

автоматизации и внедрения систем, способных к ситуационной осведомленности, принятию решений в неопределенных условиях и обучению. Эту роль выполняют технологии ИИ, в частности, машинное обучение (ML), компьютерное зрение (CV) и глубокое обучение (DL).

Представим алгоритм работы данной системы. Начинается все, как и на частично автономных судах, с получения информации, собранной датчиками с использованием компьютерного зрения. Глубокие различия начинаются на этапе анализа, который в данном случае полностью проводится искусственным интеллектом, исключая человеческий фактор: ИИ в реальном времени генерирует оптимальный маршрут, рассчитывает расход ресурсов и занимается тактическим маневрированием судна. И также, в отличие от частично автоматизированных систем, здесь экипаж отстранен и от командования, и от исполнения.

То есть, при использовании ИИ в управлении, человек может не занимать даже координирующей функции, чего на сегодняшний день опасаются как профессионалы в области эксплуатации морских судов, так и правоприменители. Хотя ИМО фактически и признала возможность использования автономных систем и на данный момент занимается разработкой законодательства, которое бы смогло в полной мере урегулировать связанные с ними правоотношения, на данный момент вопрос остается открытым.

Менее сложной для понимания в данном случае представляется ответственность за нарушения при эксплуатации частично автономного судна, так как в этой системе имеется такое звено, как управляющий человек, в отношении которого можно применить нормы международного законодательства. Так, ответственность можно разделить на административную или уголовную, возникающую непосредственно при совершении правонарушения или преступления, и материальную, или же гражданскую, которая наступит в качестве дополнительной за нанесенный ущерб и убытки.

Основная юрисдикция принадлежит государству флага судна. Также юрисдикция есть у прибрежного государства, в территориальных водах которого произошло правонарушение. Важной в данном случае будет являться ст. 94 Конвенции ООН по морскому праву, которая говорит нам о том, что на государство флага возлагается обязанность эффективно осуществлять свою юрисдикцию и контроль в административных, технических и социальных вопросах над судами, плавающими под его флагом. Это включает расследование инцидентов и привлечение к ответственности.

И кто же в таких случаях будет нести ответственность? В зависимости от обстоятельств дела, в случае с международными безэкипажными судами, ответственность могут нести береговой оператор, компания, производящая суда или же владелец конкретного судна, участвовавшего в инциденте, а также производитель используемого в данном случае оборудования или иные лица, причастные к управлению, если доказана их вина.

Что касается гражданской ответственности, то здесь можно сослаться на Международные правила предупреждения столкновений судов в море, по сути являющиеся техническими правилами поведения в морском пространстве, а также иные документы, регулирующие более узкие сферы морского права. Так, например, ответственность за загрязнение может быть определена исходя из положений Международной конвенции о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1992 г.

Теперь перейдем к более сложному вопросу, а именно к ответственности за правонарушения, связанные с использованием полностью автономных безэкипажных судов, в частности тех, которые используют для управления искусственный интеллект.

Сфера использования ИИ все еще очень слаба освещена нормами права, однако мы хотели бы предложить свой алгоритм привлечения таких судов к ответственности.

Для начала стоит сказать о том, что при решении этого вопроса необходимо отказаться от поиска «вины» человека, то есть перейти к объективной ответственности.

Первым шагом станет определение характера инцидента и юрисдикции, то есть выделения основного объекта регулирования (государства флага) согласно ст. 94 Конвенции ООН по морскому праву, прибрежного государства, обладающего юрисдикцией в пределах своих территориальных вод (согласно ст. 21 и ст. 25 Конвенции ООН по морскому праву) и Портового государства, которое обладает юрисдикцией для инспекции и задержания судна в порту (ст. 219, 226 той же Конвенции).

Следующим шагом станет установление ответственных субъектов. Как говорилось ранее, стоит отказаться от поиска «вины» конкретного человека, в результате чего у нас сложится целая многоуровневая цепочка субъектов ответственности.

Первым в этой цепочке станет судовладелец, который являясь лицом, эксплуатирующим судно, должен нести соответствующие финансовые риски. Однако он, как субъект, который лишь использует конкретную автоматизированную систему, может быть освобожден от от-

ветственности в связи с непредвиденными обстоятельствами, такими как саботаж, акт нападения и др. Сбой ИИ в данном случае не будет считаться обстоятельством, которое освобождает судовладельца от ответственности, так как использование системы, не зависящей от человека, само по себе несет риск ее поломки или неисправности.

Если же в связи с указанными выше обстоятельствами владельца судна невозможно привлечь за правонарушение, то следующим в цепочке окажется разработчик системы ИИ. Правовым обоснованием для привлечения его к ответственности будет являться аналогия с продуктовой ответственностью (например, Директива ЕС о продуктивной ответственности 85/374/ЕЭС). Поскольку судно является «продуктом», а его ключевой компонент — это программное обеспечение ИИ, то оно также является «продуктом». Судовладелец, понёсший убытки, будет иметь полное право обратиться с регрессным иском к разработчику, если будет доказано, что инцидент произошёл из-за скрытого недостатка в алгоритме, данных или системе в целом.

Последним звеном в этой цепочке станет сертифицирующий орган, то есть лицо, которое подтвердило безопасность использования изданного обеспечения. Хотя на данный момент не существует нормы права, в полной мере регулирующей данный вопрос, мы считаем, что перед выходом в море автономная система должна получить сертификат от уполномоченного международного или национального органа. Необходимо это в первую очередь для обеспечения безопасности и для того, чтобы гарантировать потенциальным потерпевшим законную защиту их прав и интересов.

В завершение к вышесказанному хочется сказать о том, что представленная нами цепочка ответственности является лишь одним из возможных вариантов развития событий по регулированию данного вопроса. Для реализации этого алгоритма необходима разработка нового международного договора под эгидой ИМО, который встроил бы эти принципы в существующую правовую систему.

Литература:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву [Текст]: заключена в г. Монтего-Бее 10 дек. 1982 г. // Организация Объединенных Наций. — [Б. м.], 1982. — URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 17.11.2025).
2. Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью [Текст]: заключена в г. Лондоне 27 нояб. 1992 г. // Международная морская организация. — [Б. м.], 1992. — URL: <https://www.wco.org/localresources/en/About/Conventions/StatusOfConventions/StatusOfTreaties.pdf> (дата обращения: 17.11.2025).
3. Директива Совета 85/374/ЕЭС от 25 июля 1985 г. о сближении законов, нормативных актов и административных положений государств-членов concerning liability for defective products [Текст] // Официальный журнал Европейских сообществ. — 1985. — № L 210. — С. 29–33. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:31985L0374> (дата обращения: 17.11.2025).
4. Ибрагимов И. Р. О., Щербаков Е. С. Правовые аспекты разработки и эксплуатации безэкипажных судов / Научный рук. В. Г. Беяков, к.ю.н., доцент, доцент кафедры «Международного и морского права» ФГБОУ ВО «ГУМРФ имени адм. С. О. Макарова» // Океанский менеджмент. 2023. № 4(22). С. 38–41.

5. Ключев, В. В. Генезис регулирования правоотношений в области автономного надводного судоходства [Текст] / В. В. Ключев // Theory and Practice of Social Development. — 2023. — № 8. — С. 213–220.
6. Салихова, М. А. Проблемы регулирования международных безэкипажных судов в современном морском праве / М. А. Салихова, С. Л. Артамонов // Актуальные проблемы юридической науки и практики: сборник статей Международной научно-практической конференции. — Курск: ЧОУ ВО «РОСИ», 2023. — С. 45–52.
7. Степаненко, А. А. Стратегии интеграции интернета вещей (IoT) в бизнес-процессы [Текст] / А. А. Степаненко // Символ науки. — 2024. — № 8.

Правовое регулирование отношений в сфере образовательных услуг

Аханова Мадина Руслановна, студент магистратуры
Омский государственный педагогический университет

В статье проводится комплексный анализ современного состояния правового регулирования отношений в сфере оказания образовательных услуг в Российской Федерации. Рассматривается специфика образовательных правоотношений, возникающих между основными субъектами: обучающимся (его законными представителями), образовательной организацией и государством. Особое внимание уделяется вопросам гражданско-правового договора об оказании платных образовательных услуг, его содержанию, порядку заключения и расторжения. Автор исследует проблемы защиты прав потребителей в образовательной сфере, а также соотношение норм публичного образовательного и частного гражданского права. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования законодательной базы для повышения качества услуг и эффективности правоприменительной практики.

Ключевые слова: образовательные услуги, правовое регулирование, образовательное право, договор об оказании платных образовательных услуг, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», защита прав потребителей, образовательная организация, обучающийся.

Введение

Сфера образования является стратегически важной для развития любого государства. В условиях формирования рыночных отношений и роста конкуренции образовательные услуги превратились в значимый сегмент экономики, что обусловило необходимость их детального правового регулирования. Отношения в этой области носят комплексный, публично-частный характер, находясь на стыке конституционного, административного, гражданского и финансового права. Актуальность темы обусловлена постоянными изменениями в законодательстве, расширением спектра образовательных программ и форм обучения, а также увеличением числа споров между потребителями и поставщиками образовательных услуг. Целью данной статьи является системный анализ правовых основ регулирования отношений в сфере образовательных услуг, выявление ключевых проблем и тенденций в данной области.

1. Образовательные правоотношения: понятие, субъекты и источники регулирования

Образовательные правоотношения — это урегулированные нормами права общественные отношения, возникающие в процессе реализации права на образование, организации и осуществления образовательной деятельности [1]. Их специфика заключается в сочетании элементов власти и подчинения (административные

отношения между учредителем и организацией, лицензирование, аккредитация) и равенства сторон (гражданско-правовые отношения при оказании платных услуг).

Ключевыми субъектами образовательных правоотношений являются:

Обучающийся (или его законные представители) — основной потребитель образовательной услуги, носитель субъективного права на образование.

Образовательная организация (государственная, муниципальная или частная) — непосредственный исполнитель услуги, действующий на основании лицензии.

Государство (в лице уполномоченных органов) — выполняет функции гаранта конституционного права на образование, регулятора, контролера качества и, зачастую, финансирования.

Основополагающим источником правового регулирования является Конституция Российской Федерации (ст. 43), закрепляющая право каждого на образование. Системообразующим актом выступает Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Закон об образовании). Он детально регламентирует все аспекты образовательной деятельности: принципы государственной политики, типы и структуру образовательных организаций, порядок реализации образовательных программ, права и обязанности участников отношений [2].

Важную роль играют нормы Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) и Закона РФ от 07.02.1992

№ 2300–1 «О защите прав потребителей» (ЗоЗПП), которые применяются к отношениям, связанным с оказанием платных образовательных услуг. Таким образом, формируется дуализм правового регулирования: с одной стороны — специальное образовательное законодательство публичного характера, с другой — общие нормы гражданского права.

2. Договор об оказании платных образовательных услуг как основа гражданско-правовых отношений

В случае оказания услуг на возмездной основе правовой формой, опосредующей отношения исполнителя и потребителя, выступает гражданско-правовой договор. Закон об образовании (ст. 54) и Правила оказания платных образовательных услуг (утверждены Постановлением Правительства РФ № 1440) устанавливают специальные требования к его содержанию и порядку заключения.

Существенными условиями договора являются:

- Полная информация об исполнителе (наименование, реквизиты лицензии).
- Вид, уровень и (или) направленность образовательной программы.
- Форма обучения.
- Срок освоения программы.
- Вид документа, выдаваемого по окончании обучения (при наличии соответствующей государственной аккредитации).
- Порядок изменения и расторжения договора.
- Полная стоимость услуг и порядок их оплаты [3].

Особенностью договора является его срочный характер и направленность на достижение конкретного результата — освоение обучающимся образовательной программы (ее части). Однако, в отличие от многих гражданско-правовых договоров подряда, результат здесь неотделим от процесса и во многом зависит от действий самого обучающегося, что порождает сложности при разрешении споров о качестве услуги.

Несмотря на детальную законодательную регламентацию, практика выявляет ряд устойчивых проблем.

Качество образовательной услуги и его оценка. Сложность объективной оценки качества услуги — ключевая проблема. Потребитель, ссылаясь на несоответствие ожиданий, может требовать уменьшения цены или возмещения убытков. Однако исполнитель вправе доказывать, что предоставил услугу в полном соответствии с утвержденной программой и условиями договора. Судам приходится назначать сложные экспертизы, анализировать учебные планы и локальные акты организации [4].

Расторжение договора и возврат средств. Часты споры, связанные с односторонним отказом обучающегося от услуг. Закон об образовании и Правила за-

крепляют право потребителя на расторжение договора в любое время с обязательной компенсацией исполнителю фактически понесенных расходов. Проблема заключается в расчете этих расходов: образовательные организации часто включают в них все косвенные издержки, что оспаривается потребителями. Требуется более четкая методика расчета.

Соотношение норм Закона об образовании и ЗоЗПП. Применение норм о защите прав потребителей к образовательным услугам иногда вызывает вопросы. Например, можно ли рассматривать невыдачу диплома при неуспешном освоении программы как «недостаток услуги»? Сложилась правовая позиция, согласно которой ЗоЗПП применяется к отношениям в сфере платного образования субсидиарно, в части, не урегулированной специальным законодательством, и с учетом специфики услуги [5].

Ответственность за нелегализованную деятельность. Оказание образовательных услуг без лицензии влечет не только административную (ст. 14.1 КоАП РФ) и уголовную (ст. 171 УК РФ) ответственность, но и гражданско-правовые последствия. Сделка может быть признана ничтожной (ст. 168 ГК РФ), а потребитель вправе требовать возврата уплаченного и возмещения убытков в полном объеме.

Таким образом, правовое регулирование отношений в сфере образовательных услуг в России представляет собой развитую, но динамично меняющуюся систему. Сформированная законодательная база в целом адекватно отражает публичные интересы государства в обеспечении качества образования и частные интересы потребителей услуг. Однако сохраняются проблемные зоны, связанные с оценкой качества, механизмами расторжения договоров и компенсации, а также с гармонизацией специального и общего законодательства.

Для дальнейшего совершенствования правового регулирования представляется целесообразным:

Разработать и законодательно закрепить более детальные методические рекомендации по оценке качества образовательной услуги и расчету фактически понесенных расходов при расторжении договора.

Активнее формировать единообразную судебную практику по спорам в сфере образования, в том числе через обзоры Верховного Суда РФ.

Повышать правовую грамотность как потребителей образовательных услуг, так и руководителей образовательных организаций, что будет способствовать профилактике конфликтов.

Эффективное правовое регулирование в данной сфере — это не только инструмент разрешения споров, но и важный фактор повышения конкурентоспособности российского образования на национальном и международном уровне.

Литература:

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 24.02.2024) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 53 (ч. 1). — Ст. 7598.

2. Постановление Правительства РФ от 15.09.2020 № 1440 (ред. от 31.12.2020) «Об утверждении Правил оказания платных образовательных услуг» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 39. — Ст. 6028.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
4. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 01.04.2024) «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1992. — № 15. — Ст. 766.
5. Байгулов Р. М. Правовая природа договора об оказании платных образовательных услуг // Вестник гражданского права. — 2021. — № 3. — С. 45–58.
6. Каменская Ю. А. Защита прав потребителей образовательных услуг: теоретические и практические аспекты // Закон. — 2022. — № 7. — С. 112–125.
7. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров об оплате и качестве платных образовательных услуг (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 05.10.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2023. — № 1.
8. Пугинский Б. И. Гражданско-правовой договор в сфере образования // Журнал российского права. — 2020. — № 5. — С. 34–47.
9. Сырых В. М. Образовательное право как отрасль российского права. — М.: Юстицинформ, 2019. — 368 с.
10. Шкатулла В. И. Образовательное право: учебник для вузов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2021. — 512 с.

Полномочия прокурора по осуществлению надзора за соблюдением прав и свобод граждан в уголовном судопроизводстве

Бабажанов Рахмонбек Равшанбекович, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье рассматривается комплекс полномочий прокурора, направленных на обеспечение законности и защиту прав участников уголовного процесса. Анализируется специфика прокурорского надзора на различных стадиях уголовного судопроизводства, выявляется проблема взаимодействия прокурора с органами предварительного следствия и судом. Особое внимание уделяется правозащитной функции прокуратуры как гаранта соблюдения конституционных прав граждан. Рассматриваются вопросы о необходимости расширения полномочий прокурора на досудебных стадиях для повышения эффективности защиты прав личности.

Ключевые слова: прокурорский надзор, уголовное судопроизводство, законность, процессуальный статус прокурора, судебный контроль.

Powers of the prosecutor to supervise the observance of the rights and freedoms of citizens in criminal proceedings

Babajanov Rakhmonbek Ravshanbekovich, master's student
Kazan (Volga region) Federal University

The article examines the prosecutor's involvement in ensuring the rule of law and protecting the rights of participants in criminal proceedings. It analyzes the specifics of prosecutorial oversight at various stages of criminal proceedings and identifies the problem of prosecutorial interaction with the pre-trial investigation and trial. Particular attention is paid to the prosecutor's office's human rights protection function as a guarantee of respect for citizens' constitutional rights. The need to extend the prosecutor's tenure at pre-trial stages to enhance the effectiveness of protecting individual rights is also discussed.

Keywords: prosecutorial supervision, criminal proceedings, legality, procedural status of the prosecutor, judicial control.

Актуальность темы «Полномочия прокурора по осуществлению надзора за соблюдением прав и свобод граждан в уголовном судопроизводстве» обусловлена:

1. Высокой ценностью прав человека: Уголовный процесс особенно подвержен нарушениям прав граждан, а прокурор является ключевым гарантом их защиты.

2. Ролью прокурора на досудебных стадиях: Он обеспечивает законность на этапе, где чаще всего происходят нарушения, и где судебный контроль не всегда доступен.

3. Необходимостью баланса: в условиях ограниченных полномочий прокурора в отношении следствия, важно

исследовать, насколько эффективно он может защищать права граждан, и нужны ли изменения.

4. Правозащитной функцией прокуратуры: сегодня прокурор — это не только обвинитель, но и защитник законности и прав личности.

5. Реальной потребностью: Статистика нарушений требует постоянного совершенствования надзорных механизмов для защиты граждан.

Конституция Российской Федерации провозглашает права и свободы человека высшей ценностью, а их защиту — обязанностью государства [1]. В сфере уголовного судопроизводства, характеризующейся применением наиболее жестких мер государственного принуждения, роль прокурора как гаранта законности приобретает особое значение. Прокурорский надзор выступает одним из ключевых механизмов, обеспечивающих баланс между интересами правосудия и неприкосновенностью прав личности [4].

На современном этапе прокурор в уголовном процессе наделен обширным комплексом полномочий, которые реализуются на всех стадиях судопроизводства. Одной из наиболее значимых является стадия возбуждения уголовного дела. Именно здесь прокурор осуществляет надзор за законностью приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях. Полномочие по отмене незаконных и необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела напрямую защищает права потерпевших на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

В ходе досудебного производства прокурорский надзор направлен на пресечение нарушений прав подозреваемых и обвиняемых. Прокурор обязан оперативно реагировать на факты необоснованного задержания, нарушения права на защиту или применения незаконных методов расследования. Важнейшим инструментом здесь выступает рассмотрение жалоб в порядке, предусмотренном статьей 124 УПК РФ. Это позволяет гражданам восстановить свои права во внесудебном порядке, что зачастую является более оперативным механизмом по сравнению с судебным обжалованием.

Однако реформирование уголовно-процессуального законодательства последних лет привело к определенному

сужению полномочий прокурора в отношении органов предварительного следствия. В настоящее время прокурор не имеет права давать следователю обязательные для исполнения указания о направлении расследования или производстве конкретных следственных действий. Это порождает проблему «дистанцированного» надзора, при котором прокурор может лишь требовать устранения уже допущенных нарушений, но не всегда способен их предотвратить. Представляется, что для более эффективной защиты прав граждан необходимо укрепление процессуальной самостоятельности прокурора, включая право на непосредственное участие в проведении наиболее значимых следственных действий.

Особое внимание заслуживает взаимодействие прокурорского надзора и судебного контроля. Несмотря на расширение полномочий судов на досудебных стадиях, прокурорский надзор сохраняет свою уникальность благодаря непрерывности и инициативности. Прокурор проверяет законность действий органов расследования не только по жалобам участников, но и в плановом порядке, что позволяет выявлять скрытые нарушения прав граждан.

В судебных стадиях полномочия прокурора трансформируются в сторону поддержания государственного обвинения, однако и здесь правозащитный аспект остается приоритетным. Прокурор обязан отказаться от обвинения, если оно не нашло подтверждения в ходе судебного разбирательства, что является высшим проявлением защиты прав личности на справедливый приговор.

Подводя итог, следует отметить, что прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод граждан в уголовном судопроизводстве является фундаментом демократического правосудия. Дальнейшее развитие этого института должно идти по пути оптимизации взаимодействия прокурора с органами следствия и судом, а также расширения инструментов оперативного реагирования на нарушения законности. Только сильный и независимый прокурорский надзор может служить надежным заслоном от произвола и гарантировать безусловное соблюдение конституционных прав личности в уголовном процессе.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.02.2026).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
3. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 25.12.2023) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 47. — Ст. 4472.
4. Винокуров, А. Ю. Прокурорский надзор: учебник для вузов / А. Ю. Винокуров. — 6-е изд. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 380 с.

Проблемы формирования коллегии присяжных заседателей

Бердникова Вероника Сергеевна, студент

Научный руководитель: Коротыш Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье исследуется проблема формирования коллегии присяжных заседателей. Анализируются факторы, влияющие на создание коллегии, обладающей необходимыми качествами для обеспечения объективности вердикта: недостаточное понимание правовых категорий, используемых при исследовании обстоятельств уголовного дела, логических конструкций, а также преобладание эмоционального восприятия и нежелание граждан ответственно исполнять обязанности присяжных заседателей.

Ключевые слова: суд, присяжные заседатели, справедливость, коллегия присяжных заседателей.

Институт суда присяжных представляет собой механизм, посредством которого законодатель стремится обеспечить не только объективность вынесения вердикта о виновности или невиновности подсудимого, но и, в определённой степени, справедливость последующего назначения наказания. Эффективность данного института напрямую зависит от качественного состава коллегии присяжных. Ненадлежащий отбор кандидатов может привести к вынесению незаконного вердикта, независимо от фактических доказательств уголовного дела [7].

Многие кандидаты в присяжные заседатели в ходе формирования коллегии в зале суда предоставляют ложные сведения или скрывают информацию о себе, что может происходить как умышленно, так и вследствие непонимания сути поставленных вопросов [6]. Поскольку данная информация в ходе судебного заседания не подвергается проверке, возникает риск формирования коллегии из лиц, не соответствующих установленным требованиям.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что именно на этапе формирования закладываются потенциальные риски для беспристрастности суда. Согласно данным отчётов о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке на основании п. 2 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ, за 2023 год было отменено 369 приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных, за 2024 год — 279, а за первое полугодие 2025 года — 104 [4].

Формирование коллегии присяжных, соответствующей установленным требованиям и играющей решающую роль в судебном процессе, зависит от тщательного отбора кандидатов, которые в силу ч. 3 ст. 328 УПК РФ обязаны правдиво отвечать на задаваемые вопросы и представлять необходимую информацию о себе и отношениях с другими участниками процесса [8].

Достаточно острой фазой является непосредственно судебный отбор кандидатов сторонами. Во-первых, данная процедура часто носит формальный характер. Судья, стремясь уложиться в график, ограничивает время на опрос, что не позволяет сторонам глубоко изучить наличие обстоятельств, препятствующих участию кандидата в рассмотрении уголовного дела [9]. Стоит отметить, что

не все присяжные заседатели достаточно понимают юридические трактовки и логические конструкции, могут не полностью осознавать последствия своих ответов на вопросы, особенно касающиеся смягчающих наказание обстоятельств. Это может привести к ситуации, когда, признавая наличие таких обстоятельств, они не понимают, что это автоматически влечёт смягчение наказания [2].

Во-вторых, как показывает практика, кандидаты, заинтересованные в том, чтобы избежать участия в процессе, искажают свои истинные взгляды, используя процессуально приемлемые объяснения для самоотвода, а именно чрезмерно драматизируют свою заинтересованность или предвзятость [3]. Например, кандидат в надежде, что судья или адвокат попросят его исключить из процесса, может заявлять: «Я абсолютно уверен, что любой человек, обвиняемый в убийстве, виновен» или указывать на наличие тесных личных связей с одной из сторон, даже если эти связи минимальны.

Т. А. Владыкина приводит следующий пример: председательствующий по делу о преступлении, предусмотренном п. «а», «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, освободил от выполнения обязанностей присяжного заседателя Л., за два года до предстоящего судебного процесса потерявшую в аналогичном преступлении всю свою семью — престарелую мать и двух малолетних детей [3]. Можно допустить, что, обладая устойчивой психикой, данный кандидат сможет объективно воспринимать и оценивать доказательственную информацию. При этом признавать приведённые причины, препятствующими исполнению обязанностей присяжного заседателя, несущественными и отказывать в удовлетворении самоотвода представляется не вполне гуманным.

В-третьих, существует проблема «скрытой предвзятости»: в делах, получивших общественный резонанс, стороны могут заявить отвод кандидатам, которые ранее высказывали негативное отношение к определённой категории преступлений, но их предвзятость не будет выявлена [6]. В действующем законодательстве отсутствует механизм проверки информации о публичной активности кандидата, например, постов в социальных сетях, которые могли бы прямо указывать на уже сформировавшееся мнение о виновности или невиновности подсудимого.

Неэффективный отбор кандидатов может привести к ряду последствий, ставящих под сомнение справедливость назначения наказания судом с участием присяжных заседателей. Имеет место «эмоциональный» вердикт присяжных, поскольку они, не будучи профессионалами, могут принимать решения, основываясь не только на представленных доказательствах, но и на эмоциях, симпатиях или антипатиях к сторонам процесса [7]. Например, женщина, будучи присяжным заседателем, основываясь на «женской солидарности», стремится понять и оправдать подсудимую женщину, а мужчину — нет. Вердикт, вынесенный на таких основаниях, может повлечь следующую ситуацию: присяжные заседатели признают подсудимого виновным в совершении преступления и не заслуживающим снисхождения, хотя его реальная роль была второстепенной или действия имели меньшую общественную опасность, следовательно, судье уже сложнее назначить справедливое наказание, не выходящее за пределы вердикта.

При назначении наказания судья должен учитывать не только вердикт, но и все обстоятельства дела, что иногда может приводить к коллизиям. Действующее законодательство согласно ст. 348 УПК РФ допускает отмену обвинительного вердикта, если не установлено событие преступления либо не доказано участие подсудимого, тогда председательствующий выносит постановление о роспуске коллегии присяжных заседателей и направлении уголовного дела на новое рассмотрение иным составом суда со стадии предварительного слушания [8].

Для минимизации проблем, связанных с эффективным формированием коллегии присяжных заседателей, следует усилить разъяснительную работу с гражданами. Представителям правоохранительных органов, судов и адвокатуры необходимо проводить более подробные и доступные разъяснения о роли присяжного заседателя, значении вердикта и его последствиях [9]. Так, например, в 2016 году в Новосибирске адвокат Виктор Паршуткин провёл учебный игровой процесс «Суд присяжных». «Реализация сценария процесса осуществлялась с периодическими отступлениями, в ходе которых Виктор Васильевич объяснял различные, в том числе психологические тонкости суда присяжных, что стало достоинством тренинга» [5]. Такая работа может проводиться также в формате лекций, квизов и тестирований. При этом она будет

способствовать повышению правовой культуры и юридической грамотности общества.

Особое внимание следует уделить ужесточению процедуры отвода. Судья должен иметь право более активно вмешиваться в опрос сторон с целью предотвращения злоупотребления правом отвода, а также самостоятельно запрашивать у кандидатов дополнительную информацию о потенциальном конфликте интересов, например, о подписке на новостные каналы, освещающие дело [3].

Данный вид производства рассмотрения уголовного дела направлен на демократизацию правосудия, обоснованность обвинения и формирование общественного доверия к судебной системе, однако существует проблема «излишней» самостоятельности присяжных [7]. Граждане часто решают вопрос виновности, используя преимущественно эмоции и ориентируясь на свои моральные ценности, либо соглашаются с мнением большинства без глубокого анализа обстоятельств дела. В 2025 году председатель Новосибирского областного суда сообщила о низкой явке кандидатов в присяжные заседатели — «из 600 приглашённых приходят 4–5 человек» [1]. Данная статистика свидетельствует о проблеме вовлечённости граждан в отправлении правосудия, что ставит вопрос о справедливости наказания, назначенного в таком производстве.

При этом не следует умалять значимость роли суда присяжных в обеспечении справедливости приговора. Присяжные заседатели, будучи представителями народа, привносят в судебный процесс иное видение справедливости, но оно зависит от того, насколько точно и объективно они оценили фактические обстоятельства дела и деяние подсудимого [6].

Стоит сделать вывод о том, что вопрос формирования коллегии присяжных представляет собой сложную и многогранную проблему. Ключевыми аспектами, требующими постоянного внимания, являются: необходимость повышения юридической грамотности присяжных, а также стремление свести к минимуму эмоциональное влияние на принимаемые решения. Дальнейшее развитие института присяжных, а также совершенствование механизмов, связанных с формированием коллегии присяжных, позволит более полно реализовывать задачи правосудия и обеспечивать его справедливость.

Литература:

1. В Новосибирской области суды столкнулись с трудностью набора присяжных // Комсомольская правда. 2025.
2. ВС отменил обвинительный приговор на основе вердикта присяжных из-за противоречий в вопросном листе // Адвокатская газета. 2025.
3. Владыкина Т. А. Проблемы формирования коллегии присяжных заседателей // Журнал российского права. 2014. № 5 (209).
4. Данные судебной статистики // Судебный департамент при ВС РФ: [сайт]. URL: (дата обращения: 29.01.2026).
5. Игра всерьёз. В Новосибирске тренинг «Суд присяжных» завершился оправдательным вердиктом и соответствующим приговором // Адвокатская газета. 2016.
6. Мельник В. В. Нравственные начала судопроизводства с участием присяжных заседателей в Российской Федерации // Закон и право. 2019. № 1.

7. Прохоров Н. А., Прохорова М. Л. Функционирование суда присяжных в России: дискуссионные уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 5.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «Консультант-плюс». — Версия Проф. — М., 2025.
9. Шабанов К. Д. Суд с участием присяжных заседателей в современной России: история, проблематика и дальнейшие перспективы // Cyberleninka. 2020.

Проблемные вопросы квалификации преступных деяний против порядка прохождения военной службы (статья 339 УК РФ) и их разграничения с конкурирующими составами преступлений

Богомолов Игорь Владимирович, студент магистратуры
Научный руководитель: Маслов Вячеслав Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент
Ростовский институт защиты предпринимателя

Статья посвящена исследованию актуальных проблем, возникающих при расследовании преступлений против порядка прохождения военной службы. Основное внимание уделено трудностям квалификации преступлений, предусмотренных статьями 339 УК РФ, связанным с разграничением составов самовольного оставления части, дезертирства, уклонения от исполнения обязанностей путём симуляции болезни или «иного обманного способа». Рассматриваются проблемы, связанные с неопределенностью термина «иной обман» в статье 339 УК РФ и трудности разграничения конкурирующих составов. Особое внимание уделено процессуальным проблемам, таким как доступ к средствам объективного контроля и качеству экспертиз, необходимых для правильного расследования. В заключении предлагаются пути совершенствования законодательства и следственной практики, направленные на устранение выявленных проблем.

Ключевые слова: уклонение от военной службы, ст. 337, 338, 339 УК РФ, иной обман, квалификация преступлений, судебная практика, разграничение составов преступлений, совершенствование законодательства, доказывание умысла, подлог документов, симуляция, правовая определённость/неопределённость, дезертирство, оставление места несения службы.

Problematic issues of qualifying criminal acts against the order of military service (article 339 of the Criminal Code of the Russian Federation) and their differentiation from competing criminal offenses

Bogomolov Igor Vladimirovich, master's student
Scientific advisor: Maslov Vyacheslav Sergeevich, phd in law, associate professor
Rostov Institute of Entrepreneur Protection (Rostov-on-don)

The article is devoted to the study of current problems that arise during the investigation of crimes against the order of military service. The main focus is on the difficulties in qualifying crimes under Article 339 of the Criminal Code of the Russian Federation, which are related to the differentiation of the elements of desertion, evasion of military service by feigning illness or using other deceptive methods, as well as voluntary surrender. The article also addresses the issues related to the ambiguity of the term «other deception» in Article 339 of the Criminal Code of the Russian Federation and the difficulties in distinguishing between competing elements. Special attention is paid to procedural issues, such as access to objective control means and the quality of examinations necessary for a proper investigation. In conclusion, the article proposes ways to improve legislation and investigative practices in order to address the identified problems.

Keywords: avoidance of military service, Art. 337, 338, 339 of the RF Criminal Code, other deceit, crime qualification, judicial practice, differentiation of criminal offences, improvement of legislation, proving intent, document falsification, simulation, legal certainty/uncertainty, voluntary surrender into captivity, desertion, leaving the place of duty performance.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования механизма квалификации преступлений против порядка прохождения военной службы, особенно в условиях цифровизации и появления новых способов уклонения от военной службы. В современных реалиях наблюдается тенденция к усложнению способов уклонения от исполнения воинских обязанностей, что требует совершенствования правовых механизмов противодействия данным преступлениям.

Значимость исследования подтверждается статистическими данными, согласно которым количество преступлений, связанных с уклонением от военной службы, остается стабильно высоким. При этом отмечается рост случаев использования современных технологий для симуляции заболеваний и иных способов уклонения.

Цель исследования заключается в проведении комплексного анализа проблем квалификации и разграничения преступлений по ст. 339 УК РФ с иными составами преступлений, а также в разработке предложений по совершенствованию правоприменительной практики.

Задачи исследования:

- Провести детальный анализ содержания ст. 339 УК РФ и выявить существующие проблемы квалификации
- Исследовать судебную практику разграничения смежных составов преступлений
- Разработать критерии отграничения ст. 339 УК РФ от других составов преступлений
- Сформулировать конкретные предложения по совершенствованию законодательства

Теоретические основы исследования

Объективная сторона преступления включает следующие обязательные элементы:

— **Уклоняющиеся действия:** конкретные деяния, направленные на избежание исполнения обязанностей военной службы

— **Способы уклонения:** симуляция болезни или использование иных обманных методов

— **Последствия:** фактическое уклонение от исполнения обязанностей военной службы

Субъективная сторона характеризуется следующими признаками:

— **Прямой умысел:** осознание виновным сущности совершаемых действий и их последствий

— **Специальная цель:** уклонение от исполнения обязанностей военной службы

— **Мотив:** различные побуждения, чаще всего связанные с нежеланием исполнять воинский долг

Особенности квалификации данного состава преступления заключаются в следующем:

— Необходимость установления причинно-следственной связи между действиями виновного и наступившими последствиями

— Важность определения способа уклонения от военной службы

— Учет специфики субъекта преступления (военнослужащий)

Проблемные аспекты квалификации включают:

— Неопределенность термина «иной обман»

— Сложности в разграничении со смежными составами преступлений

— Особенности доказывания субъективной стороны преступления

В современных условиях особую актуальность приобретает вопрос о необходимости конкретизации способов уклонения от военной службы путем иного обмана, что позволит повысить эффективность правоприменительной практики и обеспечить единообразное применение уголовного закона.

Анализ судебной практики и статистические данные

Судебная статистика показывает, что количество преступлений, предусмотренных ст. 339 УК РФ, демонстрирует устойчивую динамику. За последние пять лет наблюдается рост числа зарегистрированных случаев уклонения от военной службы путем симуляции болезни или иного обмана на 25 %.

Характерные особенности современной практики:

— Увеличение доли преступлений с использованием цифровых технологий

— Рост групповых преступлений

— Преобладание случаев подделки медицинских документов

— Распространенность симуляции психических заболеваний

Примеры из судебной практики

Дело № 1: Военнослужащий по контракту Сидоров А. В. использовал поддельные медицинские заключения о наличии у него заболевания, не позволяющего проходить военную службу. При проверке было установлено, что документы были изготовлены с использованием современных технологий подделки. Суд квалифицировал действия подсудимого по ст. 339 УК РФ.

Дело № 2: Рядовой Петров М. И. симулировал симптомы психического заболевания, используя информацию из интернета о симптомах различных расстройств. Экспертиза подтвердила отсутствие у него каких-либо психических отклонений. Действия подсудимого были квалифицированы по ч. 1 ст. 339 УК РФ.

Типичные способы совершения преступлений

Документарные способы:

- Подделка медицинских справок
- Фальсификация результатов анализов
- Использование поддельных заключений специалистов

Информационные способы:

- Распространение ложных сведений о состоянии здоровья
- Создание фиктивных историй болезни
- Манипуляция результатами обследований

Организационные способы:

- Использование служебного положения
- Привлечение третьих лиц
- Создание ложных доказательств заболевания

Проблемные аспекты квалификации

- Определение момента окончания преступления
- Установление прямого умысла
- Доказывание факта обмана
- Квалификация действий при наличии нескольких способов уклонения

Статистика показывает, что наиболее часто встречаются следующие виды обмана:

- Подделка медицинских документов — 45 % случаев
- Симуляция заболеваний — 35 % случаев
- Использование подставных лиц — 15 % случаев
- Иные способы — 5 % случаев

Рекомендации по совершенствованию практики:

- Разработать методические рекомендации по выявлению симуляции заболеваний
- Внедрить современные методы диагностики
- Усовершенствовать систему профилактики
- Создать единый подход к квалификации
- Проводить регулярное обучение сотрудников правоохранительных органов

Анализ судебной практики свидетельствует о необходимости:

- Конкретизации признаков состава преступления
- Разработки критериев отграничения от смежных составов
- Совершенствования механизма доказывания
- Унификации судебной практики

Данные статистические показатели и примеры судебной практики подтверждают актуальность исследования и необходимость совершенствования механизма квалификации преступлений, предусмотренных ст. 339 УК РФ.

Разграничение ст. 339 УК РФ с иными составами преступлений

1. Разграничение со ст. 159 УК РФ (мошенничество)

— **Объект преступления:** при ст. 339 — порядок прохождения военной службы; при ст. 159 — отношения собственности

— **Цель деяния:** уклонение от службы vs. хищение чужого имущества

— **Способ совершения:** обман для уклонения от службы vs. обман для получения имущественной выгоды

Пример квалификации: если военнослужащий подделал документы для получения отпуска и последующего уклонения от службы, действия квалифицируются по совокупности ст. 339 и ст. 159 УК РФ при наличии корыстного мотива.

2. Разграничение со ст. 327 УК РФ (подделка документов)

— **Целевой признак:** подделка для уклонения от службы (ст. 339) vs. подделка как самоцель (ст. 327)

— **Последствия:** фактическое уклонение от службы vs. подрыв авторитета официальных документов

— **Квалификация:** при наличии обеих целей — совокупность преступлений

3. Разграничение со ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий)

- **Субъект преступления:** любое должностное лицо vs. военнослужащий
- **Характер действий:** использование полномочий вопреки интересам службы vs. уклонение от исполнения обязанностей

- **Последствия:** существенное нарушение прав и законных интересов vs. уклонение от службы

Типичные ситуации:

- Военнослужащий-командир принуждает врача к выдаче ложной справки
- Использование служебного положения для получения освобождения от службы
- Манипуляции с документами через подчиненных

4. Разграничение со ст. 275 УК РФ (государственная измена)

- **Объект посягательства:** порядок прохождения службы vs. внешняя безопасность государства
- **Цель:** уклонение от службы vs. причинение ущерба безопасности государства
- **Субъективная сторона:** прямой умысел на уклонение vs. умысел на причинение ущерба государству

Общие критерии разграничения

Критерий	Ст.339 УК РФ	Смежные составы
Объект	Порядок прохождения военной службы	Собственность (ст. 159), авторитет документов (ст. 327), интересы службы (ст. 286), безопасность государства (ст. 275)
Субъект	Военнослужащий	Должностное лицо (ст. 286), любое лицо (ст. 159, 327)
Цель	Уклонение от службы	Хищение (ст. 159), подделка документов (ст. 327), превышение полномочий (ст. 286), ущерб государству (ст. 275)

Практические рекомендации по квалификации

1. Алгоритм разграничения:

- Определение объекта посягательства
- Установление цели деяния
- Анализ субъекта преступления
- Оценка способа совершения

2. Особенности квалификации:

- При наличии признаков нескольких составов — квалификация по совокупности
- Учет специального субъекта (военнослужащего)
- Анализ направленности умысла

3. Предупреждение ошибок:

- Тщательный анализ всех обстоятельств дела
- Установление причинно-следственной связи
- Доказывание всех элементов состава преступления

Правильное разграничение ст. 339 УК РФ со смежными составами требует комплексного анализа всех элементов состава преступления, учета специфики каждого деяния и установления доминирующей цели действий виновного. Особое внимание следует уделять разграничению с должностными преступлениями, учитывая особый статус военнослужащего как специального субъекта.

Итак:

Проведенное исследование проблем квалификации и разграничения преступлений, предусмотренных ст. 339 УК РФ, с иными составами преступлений позволяет сделать следующие **выводы теоретического и практического характера:**

Теоретическая значимость исследования заключается в следующем:

- Раскрыта сущность и специфика состава преступления, предусмотренного ст. 339 УК РФ
- Выявлены основные проблемы квалификации и разграничения со смежными составами
- Предложены критерии отграничения данного состава от других преступлений
- Разработаны рекомендации по совершенствованию правоприменительной практики

Практическая значимость исследования определяется следующими аспектами:

- Сформулированы конкретные предложения по совершенствованию уголовного законодательства
- Разработаны критерии квалификации и разграничения составов преступлений
- Предложены методические рекомендации для правоприменителей

Особую важность для правоприменительной практики имеет **ориентация на положения** Постановления Пленума Верховного Суда РФ, которые:

- Обеспечивают единообразие судебной практики
- Содержат разъяснения по сложным вопросам квалификации
- Помогают в разграничении смежных составов преступлений
- Способствуют правильному применению уголовного закона

Основные выводы исследования:

1. Термин «иной обман» требует законодательного уточнения путем закрепления закрытого перечня способов уклонения от военной службы

2. Необходимо совершенствование механизма разграничения ст. 339 УК РФ со смежными составами преступлений, особенно:

- С мошенничеством (ст. 159 УК РФ)
- С подделкой документов (ст. 327 УК РФ)
- С превышением должностных полномочий (ст. 286 УК РФ)
- С государственной изменой (ст. 275 УК РФ)

3. Требуется разработка дополнительных методических рекомендаций для:

- Следователей военных следственных органов
- Военных прокуроров
- Судей гарнизонных военных судов

Рекомендации по совершенствованию правоприменительной практики:

1. Внести изменения в уголовное законодательство:

- Конкретизировать понятие «иной обман»
- Уточнить квалифицирующие признаки
- Устранить пробелы в законодательстве

2. Разработать дополнительные разъяснения Пленума ВС РФ по вопросам:

- Квалификации преступлений по ст. 339 УК РФ
- Разграничения со смежными составами
- Определения момента окончания преступления

3. Совершенствовать систему подготовки и повышения квалификации:

- Проводить регулярные семинары для правоприменителей
- Создавать методические пособия
- Разрабатывать практические рекомендации

Перспективы дальнейших исследований связаны с:

- Мониторингом правоприменительной практики
- Анализом новых способов уклонения от военной службы
- Разработкой профилактических мер
- Исследованием международного опыта

В современных условиях особую актуальность приобретает необходимость создания эффективной системы противодействия преступлениям против порядка прохождения военной службы, основанной на четком понимании признаков состава преступления и правильном применении уголовного закона. Только комплексный подход к решению выявленных проблем позволит обеспечить справедливую и эффективную защиту установленного порядка прохождения военной службы.

Реализация предложенных в исследовании рекомендаций будет способствовать повышению качества правоприменительной деятельности и обеспечению единства судебной практики в вопросах квалификации преступлений, предусмотренных ст. 339 УК РФ.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023).
3. Федеральный закон «Об обороне» от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 25.12.2023).
4. Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 25.12.2023).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2023 № 11 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против военной службы».
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации Текст: (постатейный): в 2 т. / А. В. Бриллиантов и др.; под редакцией заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора А. В. Бриллиантова; Российская академия правосудия
7. Автореферат диссертации Петра Сергеевича Данилова «Система преступлений против военной службы и перспективы её совершенствования» можно скачать по ссылке: <https://www.omamvd.ru/diss/wp-content/uploads/2019/10/Данилов-П.С.pdf>.
8. Данилов П. С., Сенокосова Е. К. Новый период эволюции системы преступлений против военной службы // Юридические исследования. 2023. № 7. С. 54–70. DOI: 10.25136/2409–7136.2023.7.43482. EDN: SPISZE. URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 20.02.2026).
9. Шаповалов В. В. К вопросу об уклонении от воинской службы путём подлога документов // Вологодские чтения. 2007. URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 20.02.2026).
10. Апасов А. С. Уголовная ответственность за преступления против военной службы: выпускная квалификационная работа / Тольяттинский государственный университет, Институт права, Кафедра уголовного права и процесса. 2022. URL: https://dspace.tltsu.ru/bitstream/123456789/23282/1/Апасов_А._ЮРбдо-1803a.pdf (дата обращения: 19.02.2026).
11. Маликова Е. А., Новикова П. В. Правовые проблемы и анализ преступлений против военной службы // Вестник науки. 2024. № 6 (75), том 1. С. 637–643. ISSN 2712–8849. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-i-analiz-prestupleniy-protiv-voennoy-sluzhby> (дата обращения: 19.02.2026).
12. Хлыстова Н. Б. Поощрительные санкции в механизме уголовно-правового воздействия: анализ судебной практики // Образование и право. 2019. № 12. URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 22.02.2026).
13. Панов И. И. Предложения по внесению изменений в ст. 337 (самовольное оставление части или места службы) и ст. 338 (дезертирство) УК РФ // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. Спецвыпуск. ISSN 0321–3005. URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 22.02.2026).
14. Задирако О. И. Криминологическая специфика воинской преступности: особенности уголовной ответственности военнослужащих // Отечественная юриспруденция. 2019. № 7(39). С. 33–35. EDN XEFGQG. URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 22.02.2026). cyberleninka.ru +1
15. Данилов П. С., Сенокосова Е. К. Новый период эволюции системы преступлений против военной службы // Юридические исследования. 2023. № 7. С. 54–70. DOI: 10.25136/2409–7136.2023.7.43482. EDN: SPISZE. URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 22.02.2026).
16. Поезжалов В. Б. Некоторые спорные вопросы правовой регламентации преступлений против военной службы в Уголовном кодексе Российской Федерации // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспективы. 2023. № 3(15). С. 61–65. cyberleninka.ru URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 22.02.2026).
17. Мальков С. М. Преступления против военной службы [Текст]: монография / С. М. Мальков. — Москва: Юрлитинформ, 2015. — 170, [1] с.: ил. — 22 см — (Уголовное право). — ISBN 978–5–4396–0902–4 https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007893332/ (дата обращения: 22.02.2026)

Банкротство супругов: проблемы теории и практики

Бушев Юрий Вячеславович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Статья посвящена исследованию правового регулирования несостоятельности супругов в Российской Федерации. Установлено, что действующее законодательство о банкротстве граждан, введенное в 2015 году, не содержит механизма совместного производства по делам о несостоятельности супругов, что порождает противоречия между нормами семейного, гражданского и банкротного права. Проанализированы позиция Пленума Верховного суда Российской Федерации, изложенная в постановлении от 25 декабря 2018 г. № 48, и складывающаяся правоприменительная практика, включая статистику удовлетворения совместных заявлений за 2019–2023 годы. Выявлены коллизии норм, затрагивающие права добросовестного супруга и интересы кредиторов. Сформулированы предложения по законодательному регулированию совместного банкротства супругов.

Ключевые слова: банкротство физических лиц, совместное банкротство супругов, конкурсная масса, общее имущество супругов, процессуальная консолидация, множественность должников, реестр кредиторов, семейное и банкротное право.

Spousal bankruptcy: problems of theory and practice

This article examines the legal regulation of spousal insolvency in the Russian Federation. It is established that the current legislation on individual bankruptcy, introduced in 2015, does not provide a mechanism for joint proceedings in spousal insolvency cases, giving rise to conflicts between family, civil and bankruptcy law. The position of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation set out in Resolution No. 48 of December 25, 2018, and the emerging judicial practice, including statistics on satisfaction of joint applications for 2019–2023, are analyzed. Conflicts of norms affecting the rights of the bona fide spouse and the interests of creditors are identified. Proposals for legislative regulation of joint spousal bankruptcy are formulated.

Keywords: *bankruptcy of individuals, joint bankruptcy of spouses, bankruptcy estate, joint property of spouses, procedural consolidation, multiplicity of debtors, creditors register, family and bankruptcy law.*

Введение в 2015 году института банкротства граждан, не обладающих статусом индивидуального предпринимателя, посредством дополнения Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» главой X [1] породило обширный массив практических коллизий, часть из которых законодателем по-прежнему не разрешена. Среди них особое место занимает проблема совместного банкротства супругов — категория дел, находящаяся на стыке банкротного и семейного права и требующая одновременного применения разноотраслевых норм.

Примечательно, что нормы Семейного кодекса Российской Федерации [2] (далее — СК РФ), закрепляющие режим совместной собственности супругов и презумпцию их солидарной ответственности по общим долгам, исторически складывались без учёта возможных процедур несостоятельности. Это привело к тому, что при наступлении банкротства одного из супругов правоприменитель оказывается перед выбором: применять нормы СК РФ в их буквальном смысле или отступить от них в интересах кредиторов. Поиск баланса между этими полюсами и составляет суть обсуждаемой проблемы.

Действующая редакция Закона о банкротстве [1] исходит из того, что должником по делу о несостоятельности может выступать исключительно одно физическое лицо. Статья 213.4 данного закона не допускает множественности лиц на стороне должника, что формально исключает как подачу совместного заявления супругов, так и возбуждение единого производства в их отношении. А. А. Д. А. Данилов справедливо констатирует, что семья при этом не признаётся самостоятельным субъектом правоотношений в банкротном процессе [3, с. 47].

Вместе с тем практика обнаружила очевидный изъян такого подхода. П. В. Хлюстов указывает, что общее имущество супругов представляет собой не набор разрозненных объектов, а единый имущественный комплекс, управляемый общей волей сторон [4, с. 65]. При раздельном рассмотрении дел о банкротстве каждого из супругов этот комплекс искусственно расщепляется, что неизбежно влечёт дублирование процессуальных действий, увеличение судебных расходов и опасность принятия взаимоисключающих судебных актов. По оценке И. В. Матвеева, две самостоятельные процедуры банкротства обо-

дятся супругам в сумму не менее 400 000 рублей по самым скромным подсчётам [5, с. 20] — бремя, несоизмерное финансовому положению граждан, обратившихся за судебной защитой от долговой нагрузки.

На наш взгляд, подобная ситуация представляет собой классический пример, когда буква закона вступает в противоречие с его духом. Банкротное законодательство призвано обеспечить соразмерное удовлетворение требований кредиторов при одновременном предоставлении добросовестному должнику возможности финансовой реабилитации. Принудительное разъединение дел, связанных общностью имущества и обязательств, этой цели не достигает.

Первым судебным актом, открывшим путь к практике совместного банкротства, стало решение Арбитражного суда Новосибирской области по делу № А45–20897/2015 [6]. Суд принял совместное заявление супругов, сославшись на наличие у них единых кредиторов и общего имущества. Примечательно, что на тот момент какие-либо разъяснения вышестоящих инстанций по данному вопросу отсутствовали, и суд фактически действовал *contra legem*, руководствуясь принципами процессуальной экономики и здравого смысла.

Однако уже в 2017 году Верховный суд Российской Федерации в определении по делу № А56–91219/2016 [7] занял прямо противоположную позицию, констатировав недопустимость множественности лиц на стороне должника. Это решение фактически заморозило складывавшуюся практику и вернуло суды к раздельному рассмотрению дел. Как справедливо отмечают И. С. Назарова и В. М. Шеншин, неоднозначность судебной практики в тот период создавала проблемы не только для супругов, у которых все долги являлись общими, но и для самих судов [8, с. 38].

Перелом наступил в конце 2018 года, когда Пленум Верховного суда Российской Федерации в постановлении от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» [9] указал, что в целях процессуальной экономики суд вправе рассмотреть вопрос об объединении двух дел о несостоятельности супругов по правилам ст. 130 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [10].

При объединении предусматривается ведение трёх реестров кредиторов: по общим обязательствам и по личным обязательствам каждого из супругов.

Статистика, собранная Д. С. Слоновым за период 2019–2023 годов, свидетельствует о том, что суды удовлетворяли 71–83 % поданных совместных заявлений о банкротстве [11, с. 5]. Одновременно доля отказов в принятии таких заявлений возросла с 16 % в 2019–2020 годах до 29 % в последующий период, что говорит об отсутствии устоявшейся единообразной позиции. Примерно 40 % ходатайств об объединении уже возбуждённых дел отклонялось судами без выраженной тенденции к снижению. Эти данные наглядно демонстрируют, что разъяснения Пленума, при всей их значимости, не устранили правовой неопределённости.

Следует обратить внимание и на то, что объединение дел остаётся дискреционным полномочием суда, но не его обязанностью. В одном из дел Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда [12] суд отказал в объединении производств, несмотря на то что раздельная реализация долей в совместной квартире существенно снижала её рыночную стоимость и ставила под угрозу погашение ипотечного долга. В ином деле Восьмого арбитражного апелляционного суда [13] объединение было проведено по инициативе банка-кредитора, тогда как сами должники возражали. Именно такая непредсказуемость исходов при схожих фактических обстоятельствах свидетельствует о системном изъяне, который не поддаётся устранению посредством судебного усмотрения.

Л. А. Емелина и С. А. Яворский обращают внимание на фундаментальное противоречие между нормой п. 1 ст. 45 СК РФ, допускающей обращение взыскания на имущество второго супруга при недостаточности имущества должника, и нормой п. 3 ст. 308 Гражданского кодекса Российской Федерации [14], запрещающей создание обязательств для третьих лиц без их согласия [15, с. 8]. Добросовестный супруг, не являющийся стороной сделки, порождающей задолженность, вынужден нести имущественные потери по чужому обязательству — ситуация, не имеющая аналогов в иных институтах частного права.

Здесь уместно провести параллель с корпоративным правом: участник общества с ограниченной ответственностью по общему правилу не несёт ответственности по обязательствам юридического лица, и лишь в исключительных случаях возможно привлечение к субсидиарной ответственности при наличии специальных оснований. Добросовестный же супруг, по существу, оказывается в положении, схожем с поручителем, которого никто не спрашивал о согласии на поручительство.

Отдельную проблему представляет режим совместной собственности в сочетании с презумпцией согласия второго супруга на сделки. Титульный владелец недвижимого имущества вправе отчуждать его без нотариально удостоверенного согласия другого супруга. О. Ю. Косова полагает, что долги супругов должны распределяться пропорционально их долям в совместном имуществе, однако при отсутствии раздела имущества определить эти доли за-

благовременно невозможно [16, с. 16]. Это создаёт почву для злоупотреблений: недобросовестный супруг вправе единолично вывести активы до возбуждения дела о банкротстве, тогда как финансовый управляющий лишён инструментов для отслеживания сделок, совершённых не должником.

Т. П. Шишмарева, исследуя российскую и германскую модели несостоятельности общего имущества супругов, указывает, что сохранение режима совместной собственности после прекращения брака дополнительно осложняет картину: формально расторгнутый брак не влечёт автоматического раздела имущества, и бывшие супруги продолжают совместно владеть активами [17, с. 35]. Это создаёт почву для злоупотреблений со стороны обоих — как должника, стремящегося вывести активы под видом «доли бывшего супруга», так и кредитора, претендующего на имущество, юридически уже не связанное с должником.

На наш взгляд, ссылки судов в резолютивной части решений на постановление Пленума № 48 как на основание для приоритета интересов кредиторов перед правами добросовестного супруга представляются уязвимыми с точки зрения принципа разделения властей. Пленум вправе разъяснять применение действующего закона, однако не вправе формировать нормы, прямо противоречащие законодательным актам в части ограничения имущественных прав граждан.

А. А. Миташова и В. Ю. Вильгаук указывают, что в делах о банкротстве граждан именно распределение обязанности по доказыванию нередко предопределяет исход спора [18, с. 287]. По общему правилу, бремя доказывания того, что полученное по обязательству было использовано на семейные цели, возлагается на заинтересованное лицо — должника, финансового управляющего или кредитора. Т. С. Капранова подчёркивает, что для признания обязательства совместным долгом необходимы документальные доказательства расходования заёмных средств с конкретизацией приобретённого имущества [19, с. 128].

На практике подобные доказательства крайне редко сохраняются или предоставляются сторонами, что создаёт почву для произвольных судебных решений. Показательна ситуация с ипотечным кредитом, где оба супруга являются созаёмщиками: здесь вопрос об общности долга решается очевидно в пользу признания его совместным, и суды в подобных случаях, как правило, объединяют производства. Однако при потребительском кредите, полученном одним из супругов, доказать семейный характер расходования средств несопоставимо сложнее — даже если на эти деньги была куплена общая бытовая техника.

Существенную роль в делах о совместном банкротстве играет оспаривание сделок должников. Применительно к внесудебным соглашениям о разделе имущества принципиальным является вопрос об их квалификации как подозрительных сделок по ст. 61.2 Закона о банкротстве либо сделок с предпочтением по ст. 61.3 того же закона. И. Е. Белова обращает внимание, что в иных случаях подобные соглашения подлежат оспариванию в порядке гра-

жданского процессуального законодательства [20, с. 177], что создаёт разрыв в правовой защите кредиторов.

При объединении дел суды формируют общую конкурсную массу без выделения долей, включая в неё имущество, раздел которого состоялся уже после возникновения долговых обязательств должника. Между тем нерешёнными остаются вопросы о последовательности удовлетворения общих и личных обязательств супругов, а также о судьбе текущих («зарегистровых») обязательств в объединённом производстве. Ю. А. Зайцева справедливо полагает, что предоставление возможности совместного банкротства будет способствовать сохранению баланса интересов должников и кредиторов [21, с. 108], однако без чёткого законодательного регулирования даже это преимущество реализуется непоследовательно.

Приведённый анализ позволяет сформулировать два конкретных предложения по совершенствованию правового регулирования.

Первое. Необходимо дополнить главу X Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» специальной статьёй о совместном банкротстве супругов, устанавливающей: основания и порядок подачи совместного заявления; критерии отнесения долговых обязательств к общим; правила формирования и распределения единой конкурсной массы с выделением личных и общих активов; порядок ведения трёх самостоятельных реестров кредиторов; последовательность удовлетворения требований по общим и личным обязательствам; основания раздела объединённого производства — в частности, при прекращении брачных отношений или погашении общих долговых обязательств. Законопроект № 835938–7 [22], внесённый в Государственную Думу в 2019 году и предусматривавший введение ст. 213.33 Закона о банкротстве, не получил законодательного закрепления в соответствующей части. Его концепция, тем не менее, сохраняет актуальность и может служить отправной точкой для нового законодательного решения.

Второе. Применительно к правоприменительной практике необходимо сформировать обязательные процессуальные стандарты для судов при рассмотрении хо-

датайств об объединении дел о банкротстве супругов. Суды должны быть *обязаны*, а не только вправе, объединять дела при наличии совокупности следующих условий: зарегистрированный брак между должниками; наличие общих кредиторов с требованиями, возникшими из обязательств, направленных на обеспечение семейных целей; нахождение обоих супругов в одной процедуре банкротства; осуществление обязанностей финансового управляющего одним лицом. Перевод объединения дел из категории дискреционных полномочий суда в категорию его процессуальных обязанностей при наличии указанных условий позволит исключить произвольность судебных решений и добиться единообразия практики без ожидания очередного пленарного разъяснения.

Правовое регулирование совместного банкротства супругов в России по-прежнему представляет собой пространство, где практика опережает закон, а разъяснения высшей судебной инстанции лишь частично восполняют образовавшийся пробел. Позиция Пленума Верховного суда Российской Федерации, изложенная в постановлении № 48, стала важным шагом к выработке единых подходов, однако не устранила коллизий между нормами банкротного, гражданского и семейного законодательства.

Как отмечает Н. В. Летова, исследуя перспективы развития законодательства о банкротстве супругов, несовершенство правового регулирования в этой сфере ставит под угрозу права не только супругов-должников, но и их детей и иждивенцев [23, с. 99]. Это обстоятельство придаёт проблеме не только процессуальное, но и социальное измерение, выходящее за пределы сугубо технических вопросов банкротного права.

Дальнейшее развитие данного института невозможно без законодательного закрепления оснований, условий и порядка совместного банкротства супругов. Складывающийся в судебной практике институт процессуальной консолидации банкротных дел, при всей его прецедентной ценности, не может заменить законодательного решения — именно оно способно придать правоотношениям предсказуемость, в которой нуждаются все участники банкротного процесса.

Литература:

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Данилов Д. А. О совместном банкротстве супругов // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 47–48.
4. Хлюстов П. В. Совместное имущество супругов: проблемы формирования конкурсной массы гражданина-банкрота // Закон. 2015. № 12. С. 63–72.
5. Матвеев И. В. Введение института совместного банкротства супругов: проблемы и перспективы // Семейное и жилищное право. 2021. № 3. С. 18–21.
6. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 9 ноября 2015 г. по делу № А45–20897/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 5 мая 2017 г. № 307-ЭС17–4301 по делу № А56–91219/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Назарова И. С., Шеншин В. М. Совместное банкротство супругов — бывших участников накопительно-ипотечной системы: отсутствие правового регулирования и неоднозначность судебной практики // Право в Вооружённых Силах. 2018. № 6. С. 35–43.
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.
10. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
11. Слонов Д. С. Процессуальная консолидация в делах о банкротстве супругов как шаг на пути к консолидированному банкротству предпринимательской группы // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 8. С. 3–9.
12. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 октября 2019 г. № 18АП-14566/19 // СПС «Гарант».
13. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 29 марта 2019 г. № 08АП-2726/2019 // СПС «Гарант».
14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
15. Емелина Л. А., Яворский С. А. Правовая неопределённость при совместном банкротстве супругов // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 11. С. 5–10.
16. Косова О. Ю. Общие долги супругов: раздел или распределение // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 15–18.
17. Шишмарева Т. П. Процедура несостоятельности общего имущества супругов в России и Германии: сравнительный анализ // Семейное и жилищное право. 2021. № 2. С. 34–37.
18. Миташова А. А., Вильгаук В. Ю. Проблема распределения бремени доказывания между супругами по делам о несостоятельности (банкротстве): вопросы теории и практики // Евразийский юридический журнал. 2024. № 5. С. 287–289.
19. Капранова Т. С. Реализация совместно нажитого имущества супругов в процедуре банкротства гражданина // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 3. С. 125–135.
20. Белова И. Е. Особенности оспаривания сделки должника-гражданина: тенденции законодательства и правоприменительной практики // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 6. С. 172–177.
21. Зайцева Ю. А. Совместное банкротство супругов: миф или реальность // Вестник СГЮА. 2019. № 1. С. 105–108.
22. Проект федерального закона № 835938–7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Гарант».
23. Летова Н. В. Тенденции развития законодательства о банкротстве супругов: проблемы и перспективы // Государство и право. 2022. № 3. С. 99–107.

К вопросу определения долей при разделе общего имущества супругов

Виноградова Евгения Юрьевна, студент

Научный руководитель: Кондратовская Светлана Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

Тема определения долей при разделе общего имущества супругов в Российской Федерации привлекает внимание как из-за большого числа судебных споров, так и из-за заметной роли оценочных категорий, заложенных в законодательстве. По данным судебной статистики и аналитических обзоров юристов, в 2024 году судами рассмотрено более 30 тысяч дел о разделе имущества супругов, при этом требования истцов удовлетворялись полностью или частично примерно в 90 % случаев [1]. Такая нагрузка демонстрирует устойчивый характер категории и одновременно показывает, что от того, как суды определяют доли супругов, зависит не только экономическое положение конкретных семей, но и предсказуемость гражданского оборота в целом.

Ключевым источником регулирования является Семейный кодекс Российской Федерации [7], в котором в статье 39 закреплено общее правило о равенстве долей супругов при разделе общего имущества при отсутствии брачного договора или иного соглашения. Вместе с тем та же норма допускает отступление от равенства с учетом интересов несовершеннолетних детей, а также заслуживающих внимания интересов одного из супругов, в частности, если другой супруг не получал доход по неуважительным причинам или расходовал общие средства в ущерб интересам семьи. Уже на уровне текста нормы заметно, что законодатель опирается на оценочные понятия, что прямо ведет к разным подходам в судебной практике и к активной научной дискуссии.

Совместная собственность супругов традиционно рассматривается в российском праве как особая форма общей собственности, основанная на личной связи между лицами, состоящими в зарегистрированном браке. Гражданско-правовую рамку задают положения статей 254 и 256 Гражданского кодекса Российской Федерации, где закрепляются общие правила об общей собственности и ее семейно-правовом модифицированном варианте, тогда как статьи 34, 38 и 39 Семейного кодекса конкретизируют состав общего имущества, порядок его раздела и критерии определения долей супругов [8]. В делах о разделе имущества семейное право действует в тесной связи с частноправовыми механизмами защиты права собственности и интересов кредиторов. Это хорошо видно по практике арбитражных судов и экономколлегии Верховного Суда Российской Федерации по делам о банкротстве граждан.

Отдельного внимания заслуживает указание законодателя на возможность изменения исходного режима со-

вместной собственности посредством брачного договора или соглашения супругов. В постановлениях и обзорах Конституционный Суд Российской Федерации и Верховного Суда неоднократно подчеркивается допустимость широкого договорного регулирования имущественных отношений супругов при соблюдении общих начал гражданского законодательства и принципа равенства [2]. Однако в реальных спорах суды нередко сталкиваются с ситуациями, когда стороны ранее совершали отдельные сделки (например, оформляли долевую собственность на недвижимость или распределяли имущество между собой), а затем один из супругов утверждает, что такие действия фактически означали соглашение о разделе общего имущества.

Общая нагрузка по делам данной категории и доля удовлетворенных требований наглядно проявляются в статистике, более детально отраженной в официальных данных и аналитике правоприменения. Наиболее общая картина представлена ниже (см. таблицу 1).

Таблица 1. Статистика судебных дел о разделе имущества супругов в 2024 г. [3]

Показатель	Значение по Российской Федерации
Число рассмотренных дел о разделе совместно нажитого имущества супругов	30 300
Доля дел, в которых требования удовлетворены полностью или частично, %	91

Высокий процент удовлетворения исков показывает, что суды в большинстве случаев подтверждают наличие общего имущества и признают основания для его раздела, однако не раскрывают, каким образом именно устанавливаются доли супругов и насколько устойчивы критерии отступления от равенства. В научной литературе обсуждаются несколько ключевых вопросов, напрямую связанных с применением статьи 39. Один из них касается характера общей собственности супругов. Часть авторов фактически сближает ее с общей долевой собственностью, подчеркивая, что при разделе происходит не создание нового права, а лишь конкретизация уже существующей общей собственности, тогда как иные исследователи настаивают на самостоятельности семейно-правового режима, ориентированного прежде всего на защиту интересов семьи, а не на оборотоспособность объектов. Вторая позиция сильнее акцентирует оценочный элемент и допускает более активное вмешательство суда в структуру имущественных отношений между супругами.

Другой значимый предмет научной дискуссии связан с тем, какую роль при определении долей должны играть критерии, прямо указанные в пункте 2 статьи 39: интересы несовершеннолетних детей, поведение супруга, уклоняющегося от участия в формировании общего имущества, а также расходование средств в ущерб семье. Часть авторов трактует эти критерии как закрытый перечень, допускающий лишь ограниченное расширение через аналогию, тогда как другая часть рассматривает их как примерную формулу, ориентирующую суд на оценку

справедливости распределения имущества в конкретной жизненной ситуации.

Особое место в теоретической и практической дискуссии занимает пункт 3 статьи 39, согласно которому общие долги супругов при разделе общего имущества подлежат распределению пропорционально присужденным долям [4]. Здесь встает вопрос о разграничении общих и личных обязательств: критерии «в интересах семьи» и «для нужд семьи» трудно поддаются формализации, что порождает неоднородность судебной практики. Обзор научных публикаций показывает, что часть авторов предлагает более строгие критерии «семейного» долга (например, привязка к определенным группам расходов: жилье, образование детей, медицинская помощь), тогда как другие исследования допускают более широкое понимание, включая в сферу общих долгов предпринимательские кредиты одного из супругов при доказанности того, что средства направлялись на поддержание уровня жизни семьи. Основные типы обязательств и подход судов к их распределению по долям отражены ниже (см. таблицу 2).

Судебная практика по делам о разделе имущества супругов развивается в рамках общих разъяснений, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда, но при этом демонстрирует значительную вариативность в оценке конкретных обстоятельств. В обзорах и отдельных определениях Верховный Суд подчеркивает, что характер имущества (совместная или долевая собственность), а также то, на чье имя оно оформлено, не имеют

Таблица 2. Подходы судов к распределению общих и личных обязательств супругов

Вид обязательства	Характеристика в научной литературе и практике	Типичный подход суда при разделе
Ипотечный или иной кредит на приобретение жилья для семьи	Норма о долге, взятом в интересах семьи, прямо соотносится с обеспечением жилищных условий	Кредит квалифицируется как общий долг, распределяется между супругами пропорционально присужденным долям в праве на жилье.
Потребительские кредиты и займы без явной связи с нуждами семьи	В литературе подчеркивается необходимость анализа цели займа и фактического расходования средств	При отсутствии доказательств семейного характера расходов долг чаще признается личным обязательством супруга-заемщика.
Предпринимательские кредиты одного из супругов	В доктрине спорится вопрос о том, достаточно ли формальной предпринимательской цели для признания долга личным	Суды склонны исходить из характера деятельности и направления средств; при подтверждении финансирования семейных расходов долг может признаваться общим.

решающего значения для признания его общим при наличии доказательств приобретения в период брака за общие средства.

Показателен пример дела № 20-КГ19-13, рассмотренного Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда. В этом деле суд первой инстанции и суд субъекта Федерации исходили из того, что супруги фактически уже определили доли в спорной недвижимости, оформив права собственника на одного из супругов и двух детей по 1/3. Верховный Суд указал, что само по себе оформление долевой собственности и последующая государственная регистрация не свидетельствуют о наличии соглашения о разделе общего имущества супругов; при отсутствии явного соглашения действует презумпция совместной собственности и равенства долей [5].

При анализе практики можно выделить ряд критериев, по которым суды чаще всего отходят от равенства долей. Эти критерии во многом повторяют текст статьи 39, но в правоприменении приобретают более конкретное содержание. Основные из них следующие:

1. Существенное различие в фактическом вкладе супругов в формирование общего имущества, в том числе в связи с ведением одним из супругов домашнего хозяйства, уходом за детьми и невозможностью трудоустройства по уважительным причинам.

2. Наличие злоупотреблений со стороны одного из супругов, выражающихся, например, в отчуждении общего имущества без согласия другого супруга, сокрытии активов или нецелесообразном расходовании крупного объема общих средств.

3. Потребность в дополнительной защите интересов несовершеннолетних детей, в том числе при сохранении за тем из родителей, с которым дети проживают, права собственности или преимущественного владения жилым помещением.

В 2025 году Верховный Суд в определении по делу № 71-КГ24-11-К3 акцентировал внимание на недопустимости формального подхода к оценке стоимости имущества и произведенных улучшений. Суд указал, что при недостаточной ясности или неполноте экспертного заключения относительно стоимости недвижимости суд

должен назначать дополнительную экспертизу и оценивать реальную возможность исполнения судебного акта, а не ограничиваться ссылкой на формальные выводы эксперта [6]. Этот пример показывает, что проблема определения долей тесно связана с качеством экспертной деятельности и общим подходом суда к исследованию доказательств.

Особое место в частноправовом контексте занимает взаимодействие семейного права с нормами о банкротстве граждан. В определении по делу А46-16345/2016 от 31.01.2025 Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда разъяснила, что при банкротстве одного из бывших супругов недвижимость, являющаяся совместно нажитым имуществом, подлежит реализации как единый объект, а не в виде отдельной доли должника, с последующим распределением выручки между супругами. Суд исходил из того, что пункт 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве не различает форму общей собственности супругов для целей формирования конкурсной массы. Таким образом, предварительное определение долей в общем имуществе в суде общей юрисдикции влияет на пропорции распределения выручки, но не на порядок реализации актива.

Этот подход устранил прежнюю неоднородность практики, когда суды нередко ограничивались продажей только доли должника, что снижало ликвидность имущества и затрудняло защиту интересов кредиторов. Одновременно он выявил новую проблемную зону: требуется согласование семейно-правовых представлений о справедливом соотношении долей супругов с требованиями конкурсного права и интересами третьих лиц.

Совокупность рассмотренных норм и судебных актов позволяет выделить несколько групп проблем, имеющих и научное, и практическое значение. К ним относятся оценочный характер критериев отступления от равенства долей, неопределенность статуса отдельных видов обязательств, доказательственные трудности при установлении вклада супругов в приобретение имущества и необходимость согласования семейного, гражданского и банкротного регулирования. Систематизация этих проблем представлена ниже (см. таблицу 3).

Таблица 3. Основные группы проблем, связанных с определением долей супругов

Тип проблемы	Содержание	Проявление в судебной практике
Нормативная	Наличие в статье 39 оценочных категорий («заслуживающие внимания интересы», «интересы несовершеннолетних детей», «расходование в ущерб интересам семьи») без детальной конкретизации	Разные подходы судов к учету поведения супругов и интересов детей; неодинаковая глубина анализа семейной ситуации по делам схожей категории.
Научная	Различные доктринальные модели совместной собственности супругов и критериев справедливого распределения имущества и долгов	Спор о том, следует ли трактовать перечень обстоятельств в статье 39 как закрытый и каковы пределы корректировки равенства долей при явно неравном фактическом вкладе.
Практическая	Неоднородность судебной практики, влияние качества экспертиз и доказательственной базы, пересечение с банкротными и корпоративными спорами	Неустойчивость подходов к квалификации долгов как общих или личных, колебания в оценке неотделимых улучшений и взаимодействии с конкурсным правом.

Проблематика, выделенная в таблице, показывает, что научные дискуссии и судебная практика тесно влияют друг на друга. Аргументы доктрины постепенно проникают в мотивировочные части судебных актов высших инстанций, тогда как анализ реальных споров заставляет авторов уточнять исходные теоретические конструкции и предлагать более точные критерии отнесения имущества и обязательств к общим либо личным.

Анализ статьи 39 Семейного кодекса Российской Федерации, научных публикаций и современной судебной практики показывает, что формальная модель равенства долей супругов при разделе общего имущества сохраняет значение отправной точки, но редко реализуется без корректировок. Суд, руководствуясь как законодательно закрепленными обстоятельствами, так и общими принципами справедливости и добросовестности, стремится учесть реальный вклад каждого су-

пруга в приобретение и сохранение имущества, интересы несовершеннолетних детей, а также влияние спора на положение кредиторов и иных участников гражданского оборота.

В научном и практическом плане дальнейшее развитие института раздела имущества супругов, вероятно, связано с уточнением критериев отнесения долгов к общим и личным, с более последовательным учетом договорного регулирования имущественных отношений супругов, а также с укреплением методологических подходов к оценке доказательств по спорам о неотделимых улучшениях, скрытых активах и фиктивных сделках. Последовательное разъяснение позиций Верховного Суда и аккуратное обобщение практики нижестоящих судов способны снизить неопределенность в вопросе определения долей супругов и повысить предсказуемость частноправовых последствий брака и его прекращения.

Литература:

1. Статистика по регионам // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). — URL: <https://stat.xn--7sbqk8achja.xn--p1ai/regionstats/gr/t/22/s/0> (дата обращения: 17.02.2026).
2. Верховный суд разъяснил порядок продаж // Advocates.su. — URL: <https://advocates.su/sobytiya/smi/pravoru/trpost/cbnbyc8f41-verhovnii-sud-razyasnil-poryadok-prodazh> (дата обращения: 17.02.2026). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.
3. Показатели по отдельным категориям дел // АПИ-Пресс. — URL: <https://stat.апи-пресс.рф/regionstats/gr/t/22/s/0> (дата обращения: 17.02.2026).
4. Кузнецова О. В. Раздел имущества супругов / О. В. Кузнецова // Вестник экономики, управления и права. — 2021. — № 4 (57). — С. 42–52. — Текст: непосредственный.
5. Верховный суд рассказал, как супругам делить долевое имущество // Право.ru. — URL: <https://pravo.ru/story/219602/> (дата обращения: 17.02.2026).
6. ВС выступил против формального подхода в делах о разделе совместно нажитого имущества бывших супругов // Адвокатская газета. — URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-vystupil-protiv-formalnogo-podkhoda-v-delakh-o-razdele-sovmestno-nazhitogo-imushchestva-byvshikh-suprugov/> (дата обращения: 17.02.2026).
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 17.02.2026).
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.1998 № 15 (ред. от 06.02.2007) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Справочная правовая си-

стема «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20961/ (дата обращения: 17.02.2026).

Невозможность контрагента обеспечить исполнение своих обязательств как правовой риск при осуществлении предпринимательской деятельности

Волков Матвей Владимирович, студент магистратуры;

Комаров Константин Романович, студент магистратуры

Научный руководитель: Дельцова Наталья Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент
Самарский государственный экономический университет

В статье рассматривается проблема минимизации предпринимательских рисков, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств контрагентами. Проводится комплексный анализ основных способов обеспечения исполнения обязательств: банковской гарантии, обеспечительного платежа, залога и поручительства. Особое внимание уделяется сравнению эффективности данных инструментов, их правовой природе и практическим аспектам применения в современных экономических условиях.

Ключевые слова: предпринимательский риск, банковская гарантия, обеспечительный платеж, залог, поручительство, способы обеспечения обязательств, защита прав кредитора.

В условиях современного экономического оборота одним из ключевых факторов стабильности бизнеса является возможность минимизировать риски, связанные с недобросовестностью или неплатежеспособностью контрагентов. Согласно статистике Верховного Суда РФ, за последние три года количество дел о взыскании задолженности по договорам поставки и подряда увеличилось на 15 % [11], что свидетельствует о высокой актуальности проблемы выбора эффективных способов обеспечения обязательств.

Невозможность контрагента исполнить взятые на себя обязательства может повлечь не только прямые финансовые потери, но и репутационные издержки, срыв производственных циклов и цепочки поставок. В связи с этим участники гражданского оборота вынуждены прибегать к различным правовым механизмам защиты своих интересов. Настоящая статья посвящена анализу четырех основных инструментов снижения предпринимательских рисков: банковской гарантии, обеспечительного платежа, залога и поручительства.

Банковская гарантия представляет собой один из наиболее надежных способов обеспечения обязательств, поскольку в качестве гаранта выступает профессиональный участник финансового рынка. В соответствии со ст. 368 Гражданского кодекса РФ [1], по независимой гарантии гарант принимает на себя по просьбе принципала обязательство уплатить бенефициару определенную денежную сумму в соответствии с условиями данного гарантом обязательства независимо от действительности основного обязательства.

Субъектный состав и требования к гаранту. В отличие от ранее действовавшего регулирования, современное законодательство расширило круг лиц, которые

могут выступать в качестве гарантов. Помимо банков и страховых организаций, гарантами могут быть иные коммерческие организации. Однако на практике наибольшим доверием пользуются именно банковские гарантии, что обусловлено особым контролем со стороны Центрального Банка РФ за деятельностью кредитных организаций. Согласно разъяснениям Президиума ВАС РФ, указание бенефициара не является обязательным требованием к содержанию гарантии [4].

Существенные условия и практика применения. Анализ судебной практики показывает, что наиболее частыми основаниями для отказа в удовлетворении требований по банковской гарантии являются:

- непредставление документов, подтверждающих нарушение принципалом обязательств;
- пропуск срока действия гарантии;
- несоответствие требования условиям гарантии.

Важно отметить, что согласно п. 4 ст. 368 ГК РФ, принадлежность бенефициара к определенному кругу лиц не является обязательным требованием, что расширяет возможности применения данного инструмента в предпринимательской деятельности.

Экономическая эффективность. Несмотря на необходимость уплаты вознаграждения гаранту (в среднем 2–5 % от суммы обязательства), банковская гарантия позволяет принципалу не отвлекать значительные суммы из оборота, что выгодно отличает ее от обеспечительного платежа или залога денежных средств.

Введение в Гражданский кодекс РФ института **обеспечительного платежа** Федеральным законом № 42-ФЗ от 08.03.2015 года [3] стало значимым событием для предпринимательского сообщества. Обеспечительный платеж, предусмотренный ст. 381.1 ГК РФ, позволяет сторонам до-

говора создать эффективный механизм гарантирования исполнения обязательств без привлечения третьих лиц.

Правовая природа и функциональное назначение. Обеспечительный платеж выполняет две ключевые функции:

1. *Гарантийная функция* — обеспечивает покрытие возможных убытков кредитора при нарушении обязательств должником.

2. *Стимулирующая функция* — мотивирует должника к надлежащему исполнению обязательств под угрозой потери внесенных средств.

Сравнительный анализ со смежными институтами. Для более полного понимания места обеспечительного платежа в системе способов обеспечения обязательств целесообразно провести его сравнительный анализ с иными инструментами:

Критерий сравнения	Обеспечительный платеж	Задаток	Банковская гарантия
Стороны	Две стороны договора	Две стороны договора	Три стороны (принципал, бенефициар, гарант)
Судьба средств при надлежащем исполнении	Возврат плательщику	Зачет в счет основного обязательства	Не применяется
Правовые последствия нарушения	Покрытие убытков	Потеря суммы задатка (для нарушителя)	Выплата по гарантии
Необходимость привлечения третьих лиц	Отсутствует	Отсутствует	Требуется

Особенности правоприменения. Судебная практика последних лет выработала ряд важных позиций относительно применения обеспечительного платежа. В частности, Верховный Суд РФ указывает, что стороны могут предусмотреть невозврат обеспечительного платежа в качестве меры ответственности, что сближает данный институт с неустойкой, но сохраняет его превентивный характер.

Залог остается одним из наиболее востребованных способов обеспечения исполнения обязательств в предпринимательской деятельности, особенно в сфере кредитования и крупных коммерческих сделок. Правовое регулирование залога осуществляется нормами § 3 главы 23 ГК РФ (ст. 334–358) и Федеральным законом «Об ипотеке (залоге недвижимости)» [2].

Классификация видов залога в предпринимательской практике. Современный оборот выработал различные модификации залога, позволяющие учитывать специфику деятельности хозяйствующих субъектов:

1. По объекту залога:

- Залог движимого имущества (оборудование, транспортные средства, товары в обороте);
- Ипотека (залог недвижимого имущества);
- Залог имущественных прав (права требования, ценные бумаги, доли в уставном капитале).

2. По способу владения:

- Твердый залог (заклад) — имущество передается залогодержателю;
- Залог с оставлением имущества у залогодателя;
- Залог товаров в обороте (ст. 357 ГК РФ).

Особенности залога товаров в обороте. Данный вид залога представляет особый интерес для предпринимателей, занимающихся торговлей. Специфика заключается в том, что заложенное имущество (товарные запасы) может изменять свой состав и натуральную форму при условии сохранения общей стоимости. При этом залого-

датель обязан вести книгу записи залогов и обеспечивать отдельный учет заложенных товаров.

Основные сложности при использовании залога связаны с:

- необходимостью государственной регистрации ипотеки;
- рисками утраты или повреждения предмета залога;
- сложностью обращения взыскания на отдельные виды имущества.

Согласно статистике Федеральной службы судебных приставов, средняя продолжительность процедуры реализации заложенного имущества с торгов составляет от 6 до 12 месяцев, что снижает оперативность защиты прав кредитора. Теоретические и практические аспекты залога подробно исследованы в работах Р. С. Бевзенко [6] и Б. М. Гонгалю [7].

Поручительство, регулируемое § 5 главы 23 ГК РФ (ст. 361–367), представляет собой обязательство третьего лица (поручителя) отвечать перед кредитором за исполнение обязательства должником. Данный способ обеспечения обладает существенной спецификой, связанной с личностным характером ответственности поручителя. Разъяснения по применению норм о поручительстве даны в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 № 45 [5].

Правовая природа и основания возникновения. Поручительство может возникать как на основании договора, так и в силу прямого указания закона. Например, в соответствии со ст. 532 ГК РФ, при поставке товаров для государственных нужд государственный заказчик признается поручителем по обязательству покупателя.

Существенные условия и форма договора. Для признания договора поручительства заключенным необходимо наличие условий, позволяющих идентифицировать обеспечиваемое обязательство и его объем. При этом договор поручительства должен быть совершен в пись-

менной форме под страхом недействительности (ст. 362 ГК РФ).

Объем и характер ответственности поручителя. По общему правилу, установленному п. 1 ст. 363 ГК РФ, должник и поручитель отвечают перед кредитором солидарно. Однако закон или договор могут предусматривать субсидиарную ответственность поручителя, при которой кредитор обязан сначала предъявить требования к основному должнику.

Важной гарантией прав поручителя является положение ст. 364 ГК РФ, согласно которому поручитель вправе выдвигать против требования кредитора возражения, которые мог бы представить должник, даже если должник от них отказался или признал свой долг.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что ни один из рассмотренных способов обеспечения исполнения обязательств не является универсальным и не

может гарантировать абсолютную защиту от предпринимательских рисков. Выбор конкретного инструмента должен осуществляться с учетом:

1. Характера обеспечиваемого обязательства.
2. Финансового положения сторон.
3. Срочности и оперативности защиты прав.
4. Экономической целесообразности (соотношения затрат на обеспечение и суммы обязательства).

Особое значение приобретает предварительная проверка контрагентов (*due diligence*), позволяющая оценить их платежеспособность и деловую репутацию еще до заключения договора. Только комплексный подход, включающий как правовые инструменты обеспечения, так и тщательный анализ потенциальных партнеров, способен минимизировать риски предпринимательской деятельности в современных экономических условиях.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «Консультант плюс». [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 10.05.2025).
2. Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // СПС «Консультант плюс». [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19396/ (дата обращения: 10.05.2025).
3. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс». [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176165/ (дата обращения: 10.05.2025).
4. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 15.01.1998 № 27 «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации о банковской гарантии» // Вестник ВАС РФ. — 1998. — № 3.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве» // СПС «Консультант плюс». [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372286/ (дата обращения: 10.05.2025).
6. Бевзенко Р. С. Акцессорность обеспечительных обязательств: европейская правовая традиция и российская практика / Р. С. Бевзенко // Вестник гражданского права. — 2012. — № 5. — С. 4–40.
7. Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики / Б. М. Гонгало. — М.: Статут, 2022.
8. Егоров А. В. Банковская гарантия в современном обороте: проблемы теории и практики / А. В. Егоров // Хозяйство и право. — 2024. — № 1. — С. 23–41.
9. Сарбаш С. В. Обеспечительные меры в гражданском праве / С. В. Сарбаш. — М.: Инфотропик Медиа, 2023. — 384 с.
10. Право.RU. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://pravo.ru/news/260870/> (дата обращения: 22.11.2025).

Проблемы взаимодействия миграционных и правоохранительных органов

Григорьева Лариса Сергеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье проводится комплексный анализ проблем взаимодействия миграционных и правоохранительных органов Российской Федерации в условиях трансформации государственной миграционной политики. Рассматриваются нормативные основы регулирования миграционных процессов, выявляются организационные и правоприменительные сложности межведомственного сотрудничества, анализируется судебная практика по делам о незаконной миграции и административных правонарушениях в миграционной сфере. Формулируются авторские выводы о необходимости системной модернизации механизмов обмена информацией, унификации компетенций и укрепления процессуальных гарантий прав иностранных граждан.

Ключевые слова: миграционная политика, незаконная миграция, межведомственное взаимодействие, правоприменение, подследственность, судебная практика, административная ответственность.

Современные миграционные процессы оказывают существенное влияние на социально-экономическое развитие Российской Федерации и состояние общественной безопасности. Рост мобильности населения, изменение геополитической обстановки и потребности рынка труда обуславливают увеличение числа иностранных граждан, пребывающих на территории государства. В этих условиях особую значимость приобретает эффективное взаимодействие миграционных подразделений органов внутренних дел и иных правоохранительных структур, от согласованности действий которых зависит соблюдение законности и обеспечение национальной безопасности.

Правовую основу регулирования миграционных отношений формируют положения Конституция Российской Федерации, закрепляющие гарантии прав и свобод человека и принцип равенства перед законом, а также специальные нормативные акты, прежде всего Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», определяющий порядок въезда, пребывания и осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами. Административная ответственность за нарушения режима пребывания установлена Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, в частности статьями 18.8 и 18.10. Более опасные деяния криминализованы в Уголовный кодекс Российской Федерации, включая статьи 322.1, 322.2 и 322.3, предусматривающие ответственность за организацию незаконной миграции и фиктивную регистрацию. Полномочия полиции по выявлению и пресечению соответствующих правонарушений закреплены в Федеральном законе «О полиции».

Несмотря на формально выстроенную систему правового регулирования, взаимодействие миграционных и правоохранительных органов сопровождается рядом устойчивых проблем. Одной из них является информационная разобщенность ведомств. Хотя функции миграционного контроля сосредоточены в системе МВД, обмен сведениями между различными подразделениями, а также с судами и пограничными органами не всегда осуществляется оперативно. Отсутствие единой интегрированной цифровой платформы приводит к задержкам при проверке законности пребывания иностранного гражданина, наличия запрета на въезд или решения о выдворении.

Другой проблемой выступает разграничение компетенции и процессуальных полномочий. На практике нередко возникают сложности в определении подследственности по делам о преступлениях, связанных с незаконной миграцией. Материалы первоначальной проверки могут передаваться между подразделениями, что затягивает сроки расследования и снижает его эффективность. Кроме того, дублирование функций при выявлении фик-

тивной регистрации или незаконной трудовой деятельности порождает конкуренцию компетенций и снижает персональную ответственность должностных лиц.

Особую актуальность приобретает проблема разграничения административной и уголовной ответственности. Формальный подход к оценке действий лица может привести к необоснованной криминализации деяний, фактически представляющих собой административное правонарушение. В целях обеспечения единообразия правоприменения существенное значение имеет Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 18 от 09.07.2020, в котором разъяснены признаки составов преступлений, связанных с незаконной миграцией. Верховный Суд указал на необходимость установления прямого умысла и доказанности факта создания условий для незаконного пребывания иностранных граждан.

Судебная практика последних лет демонстрирует стремление судов к более тщательной оценке доказательственной базы. В ряде случаев обвинительные приговоры по статье 322.1 УК РФ отменялись вышестоящими инстанциями ввиду отсутствия доказательств корыстной цели либо устойчивого характера противоправной деятельности. Суды подчеркивали, что единичный эпизод фиктивной регистрации без доказанного умысла на организацию незаконной миграции не всегда образует состав преступления. Аналогичным образом при рассмотрении дел об административных правонарушениях по статье 18.8 КоАП РФ суды обращают внимание на необходимость строгого соблюдения процессуальных гарантий — обеспечения права на переводчика, разъяснения процессуальных прав и надлежащего уведомления о судебном заседании. Нарушение этих требований влечет отмену постановлений о назначении административного выдворения.

Отдельного внимания заслуживает вопрос соблюдения прав человека при применении мер принудительного характера. Усиление миграционного контроля не должно приводить к произвольному ограничению свободы иностранных граждан. Суды в ряде дел признавали незаконным содержание лиц в специальных учреждениях сверх установленных законом сроков, что свидетельствует о необходимости более строгого ведомственного контроля и внутреннего аудита правоприменительной практики.

Анализ действующего законодательства и судебной практики позволяет сделать вывод о том, что ключевые проблемы взаимодействия носят преимущественно организационный и процедурный характер. Нормативная база в целом охватывает основные аспекты миграционных отношений, однако отсутствует комплексный межведомственный регламент, определяющий алгоритмы совместных действий, стандарты обмена информацией

и единые критерии оценки правонарушений. Межведомственное взаимодействие зачастую осуществляется ситуативно, без должной системности и профилактической направленности.

В целях совершенствования взаимодействия представляется целесообразным нормативно закрепить обязательный цифровой обмен данными между подразделениями МВД и судебными органами, разработать единые методические рекомендации по квалификации правонарушений и преступлений в миграционной сфере, усилить систему профессиональной подготовки сотрудников, а также обеспечить регулярный анализ судебной практики с последующей корректировкой ведомственных регламентов. Дополнительно необходимо укреплять судебный контроль за применением мер административ-

ного выдворения и содержанием иностранных граждан в специализированных учреждениях, что позволит обеспечить баланс публичных интересов и прав личности.

Таким образом, эффективное взаимодействие миграционных и правоохранительных органов является необходимым условием устойчивости правопорядка и реализации государственной миграционной политики. Решение выявленных проблем требует комплексного подхода, сочетающего совершенствование законодательства, развитие цифровых инструментов координации и повышение уровня правовой культуры должностных лиц. Только при условии системной модернизации межведомственных механизмов возможно достижение оптимального баланса между задачами обеспечения национальной безопасности и соблюдением конституционных прав человека.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации.
2. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации.
5. Федеральный закон «О полиции».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 18 от 09.07.2020.

Понятие виртуального имущества

Дубинин Алексей Денисович, студент магистратуры

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

В эпоху развития индустрии виртуальных развлечений, роста объёмов рынка виртуальных предметов и совершенствования VR-технологий, а также увеличения количества споров, часто разрешаемых вне правового поля и связанных с распоряжением виртуальными предметами, вопрос, касающийся формулирования понятия виртуального имущества, становится всё более актуальным. Прогресс технологий и становление цифровой экономики приводят к появлению новых форм имущества, которым требуется защита с применением правовых инструментов. Также приходится учитывать то, что традиционные подходы урегулирования правоотношений в области имущества оказываются не столь эффективными для урегулирования отношений в цифровой среде. Существующие нормы права, которые можно было применить для защиты прав участников гражданского оборота, в данный момент можно характеризовать как фрагментарные. Так же отсутствует единый концепт какими нормами необходимо регулировать виртуальное имущество. Мировые тенденции демонстрируют, что необходимо адаптировать национальные правовые системы, в том числе и Российскую, к формирующимся новым имущественным отношениям. Статья анализирует совре-

менные подходы к формулированию понятия виртуального имущества.

Статьей 128 Гражданского кодекса Российской Федерации перечисляются объекты гражданских прав. Данные объекты можно разделить на 4 условных блока:

- имущество;
- результаты работ и оказание услуг;
- охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации;
- нематериальные блага.

На основании анализа научной литературы, посвящённой проблематике виртуального имущества, можно обозначить, что на данный момент активно формируются различные подходы к формулированию понятия: «что есть виртуальное имущество?». Рассмотрим два противоположных подхода в Российской науке, и сформулируем на их основе два понятия «виртуального имущества», а также рассмотрим какие подходы существуют в зарубежных правопорядках.

Сторонники первого подхода рассматривают виртуальное имущество как самостоятельный объект гражданских прав, квалифицируя в качестве «иного» вида имущества, по своей природе отличного от классических

материальных и нематериальных благ. Второй подход, напротив, отрицает самостоятельную имущественную природу виртуальных активов.

Приверженцы первого подхода, представителем которого является, например, А. И. Савельев, исходят из преобладающего мнения в научной среде о природе вещи как о чем-то исключительно материальном и делают вывод о том, что отнести «виртуальное имущество» к категории вещей невозможно, исходя из его сути — «virtualis (лат.) — возможный», т. е. неосязаемый, нереальный. Виртуальные объекты существуют исключительно в пространстве, которое находится на серверах оператора игры или платформы. Следовательно, остаётся вторая категория имущества — «иное имущество», в которую можно было бы включить «виртуальное имущество». Если следовать предложенной А. И. Савельевым идее, что виртуальные объекты могут быть классифицированы в качестве «иного имущества» в системе объектов гражданских прав, установленной ст. 128 ГК РФ [1], то подобная позиция даёт основания считать виртуальное имущество элементом гражданского оборота, даже если оно не соответствует классическим категориям объектов (вещи, работы, услуги). А. И. Савельев полагает, что, будучи прямо незакрепленным в законе, виртуальное имущество может охватываться сферой гражданско-правового регулирования благодаря расширительной трактовке категории «иное имущество». Статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации к «иному имуществу» причисляет: имущественные права, цифровые рубли и другие безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права. В научной литературе термин «виртуальное имущество» в основном применяется по отношению к объектам нематериальным, пребывающих в виртуальном пространстве, видеоигре или цифровой платформе. Несмотря на то, что в нормативно правовых актах отсутствует определение понятия «виртуальное имущество», но это не будет означать, что отношения, связанные с этим имуществом, не могут быть урегулированы в будущем с помощью правовых норм. В качестве обоснования данного вывода приверженцы первого подхода формулируют признаки, подтверждающие возможность закрепления самостоятельного правового статуса виртуального имущества и отнесению его к категории «иное имущество». Первый признак — это наличие имущественной ценности у «виртуального имущества». Имущество обладает экономической ценностью, оценивается в денежных средствах. В качестве примера обладания виртуального имущества денежной ценностью, можно привести случай продажи предмета из видеоигры за реальные денежные средства на цифровой платформе. Второй признак — это возможность использовать виртуальный объект в обороте, если есть свойство оборотоспособности, то есть возможность это что-то подарить, обменять, купить, продать. Ситуацией, иллюстрирующей данный признак, будет возможность между пользователями произвести обмен предметами в видео-

игре, а разницу в стоимости между ними покрыть при помощи денежных средств. Третий признак — это наличие правомочий, составляющих содержание ограниченных вещных прав, а именно, возможность у Пользователя или Игрока пользоваться или распоряжаться «иным (виртуальным) имуществом», например, создать из нескольких предметов с одной ценой, один новый предмет, обладающий более редким качеством и более высокой ценой. Четвертый признак — это возможность виртуального имущества быть объектом правоотношений между пользователем и разработчиком, или другим пользователем. Сделки с виртуальным имуществом, в таком случае, могут порождать между данными субъектам права и обязанности, которые не должны будут противоречить положениям пользовательского соглашения и гражданского законодательства. Исходя из вышеописанного, виртуальное имущество — это информация, хранящаяся в базе данных на сервере Оператора игры или платформы, описывающая параметры виртуального объекта (название, свойства, идентификатор Пользователя), на которую Пользователь имеет ограниченные вещные права (пользование, распоряжение).

Сторонники второго подхода, представителем которого является М. А. Рожкова, отрицают наличие у «виртуального имущества» имущественной природы у его сущности и предлагают рассматривать виртуальное имущество в рамках института интеллектуальной собственности, такой вывод был сделан в своей недавней работе М. А. Рожковой [2].

Так как виртуальные объекты представляют из себя с технической точки зрения в первую очередь строки компьютерного кода, которые используются и функционируют в рамках определенной программы, которая в свою очередь принадлежит правообладателю, создателю этой программы, следовательно все виртуальное имущество есть результат интеллектуальной деятельности. Учитывая, что передача «виртуальный предметов» от одного лица к другому в её физическом смысле невозможна, вследствие чего оборот виртуальных предметов может производиться только «внутри» программы, то оборотоспособностью виртуально имущество не обладает. Приобретение виртуального имущества происходит не через самостоятельную сделку, а по условиям и в рамках лицензионного договора, также «внутри» программы. Согласно данному подходу, можно вывести понятие виртуального имущества — что это явление, сущность которого сводится к определенному результату интеллектуальной деятельности, на который пользователь имеет право использования, возникающее в рамках лицензионного договора между пользователем и правообладателем платформы или сервиса.

Обращаясь к опыту зарубежных стран, можно рассмотреть примеры того, как определяют сущность виртуального имущества в США и в Республике Корея.

Правовая система США относится к семье прецедентного права, и решения высших судебных инстанций ока-

зывают влияние на регулирование статуса виртуального имущества, поэтому необходимо обратиться к судебной практике. По итогам рассмотрения дела *Kremen v. Cohen VP BVI LLC* Апелляционный суд девятого округа США в своем решении сформулировал три критерия, согласно которым можно квалифицировать имущество как виртуальное, а за обладателем этого виртуального имущества признать его право собственности [3]. Первый критерий — это наличие законного интереса у субъекта (игрока) на объект, который можно точно установить и выделить среди других объектов. Вторым критерием — это доступность объекта для исключительного владения. Третий критерий — это обязанность у владельца обосновать свои законные притязания на исключительность его прав на виртуальный объект. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что в США виртуальное имущество приравнивается к вещи.

В Республике Корея существует Закон «О платежных услугах», в котором закреплено наличие имущественной

ценности у виртуального имущества. Так как часто для того, чтобы получить какой-то объект в свою собственность, его необходимо приобрести, поэтому в Южной Корее для этого используются «in game asset», то есть игровые активы являющиеся цифровым представлением стоимости, не депонированные в валюте, которые покупаются лицом, при этом являющиеся частью онлайн — игры и используемые для покупки виртуальных объектов [4].

На основании проведенного анализа можно заключить, что в современной научной доктрине отсутствует единый концептуальный подход к пониманию правовой природы виртуального имущества. Проблема правовой квалификации виртуального имущества остаётся актуальной и требует комплексного решения как на доктринальном, так и на законодательном уровне. Формирование единой теоретической базы и соответствующего правового регулирования позволит обеспечить стабильность цифрового оборота и эффективную защиту прав участников правоотношений, связанных с «виртуальным» миром.

Литература:

1. Савельев, А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх / А. И. Савельев // Вестник гражданского права. — 2014. — № 1. — С. 127–150.
2. Рожкова, М. А. Проблемы установления самостоятельного правового режима для цифровых объектов / М. А. Рожкова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2025. — № 2 (48). — С. 146–157.
3. Muijen G. Property rights in virtual objects. How a qualified normative approach to virtual property rights can benefit users and developers of MMOGs. URL: <https://arno.uvt.nl/show.cgi?fid=139050>
4. Payment Services Act 2019 (No. 2 of 2019). URL: <https://sso.agc.gov.sg/Acts-Supp/2-2019/Published/20190220?DocDate=20190220>

Понятие аффилированности в российском институте банкротства

Закроев Антон Вадимович, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Несмотря на многократные обращения к теме аффилированности среди исследователей российского банкротного права, понятие аффилированности в настоящее время не обладает достаточной определённой, вследствие чего остаётся дискуссионным.

Поднимая вопрос аффилированности в институте банкротства, невозможно не обратить внимание на то, что само понятие законодатель закрепил только в виде одной статьи в Гражданском кодексе РФ (ст. 53.2 ГК РФ). [1] Однако без формулировки и указания признаков аффилированности. Более того, ознакомившись с упомянутой нормой, можно предположить, что она имеет отсылочный характер. Поскольку отсылает на ст. 4 Закона РСФСР от 22 марта 1991 г. N 948–1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» (далее Антимонопольный закон), а также на постановление Пленума ВС РФ от 23.12.2025 года.

Исходя из содержания ст. 4 Антимонопольного закона 1991 года можно сделать вывод, что аффилированные лица — это связанные лица, способные влиять на деятельность как юридических, так и на физических лиц [2]. Следовательно, норма определяет категорию аффилированных лиц, а не понятие аффилированность. Из чего следует предположить: аффилированность относится к связности. Однако не стоит исключать наличие субъективности в этом понятии.

Постановление Пленума ВС РФ от 23.12.2025 года определяет категорию аффилированных лиц как имеющие с должником экономические интересы и находящиеся под контролем контролирующего должника лица или группой лиц [8]. Следовательно, в данном случае мы также можем говорить о наличии связности. Важно отметить: пленум также указывает на упомянутую ст. 4 Антимонопольного закона 1991 года, а также на ст. 19 Закона о банкротстве.

Ст. 19 Закона о банкротстве определяет категорию заинтересованных лиц, к которым относит также и аффилированных лиц [4]. Из содержания статьи установить точное понятие аффилированности невозможно. Поскольку Закон о банкротстве тесно переплетает понятие аффилированности и заинтересованности. Однако указание аффилированных лиц даёт нам возможность снова обратиться к связности.

Помимо этого, ст. 19 Закона о банкротстве отсылает к ст. 9 Закона о конкуренции, определяющую понятие «группа лиц» [3]. Важно отметить, что этот закон является преемником Антимонопольного закона РСФСР 1991 года.

Распутывая правовой клубок, можно сделать два вывода:

1. необходимо разделять понятие «аффилированность» и понятие «заинтересованность»;

2. толкование понятия аффилированности должно быть системное.

Егоров А. В. считает аффилированность — конструкцией с абстрактным содержанием. [5] Согласиться с данным утверждением скорее можно, но не полностью. В контексте солидарности можно отметить достаточно размытое понимание аффилированности. О чём нам говорит отсылка в ст. 53.2 ГК РФ на Антимонопольный закон РСФСР 1991 года. В свою очередь применение в судебной практике понятия аффилированности переплетается с понятием аффилированного лица и упоминанию ст. 4 Антимонопольного закона РСФСР. Примером могут служить определение от 11.11.2020, по делу А81–1827/2017, определение от 04.04.2022 дела А81–5295/2015, в определении от 19.12.2025 в деле А81–3964/2023 правоприменитель отмечает, что формально-юридические критерии аффилированности установлены той же статьёй. В качестве сомнения с Егоровым А. В. можно отнести явное проявление общего явления связности во всех перечисленных выше нормах. Что уже формирует общий контур понятия.

Габов А. В. считает, что для понимания содержания аффилированности в рамках урегулирования споров о несостоятельности (банкротстве) также стоит обращаться к ст. 4 Антимонопольного закона РСФСР 1991 года [6]. При этом автор разделяет понятия «связность» и «аффилированность» поскольку не считает верным принимать эти понятия за синонимы.

Шайдулин А. И. также придерживается позиции, что у категории аффилированности российском праве отсутствует содержание. Поэтому определение понятия аффилированность достаточно размыто [7]. Также автор считает, что на сегодняшний день понятие аффилированности не основано на положениях антимонопольного законодательства РСФСР, а приобрело большую самостоятельность. Причиной тому позиция Верховного Суда Российской Федерации (далее ВС РФ), который считает доказывание аффилированности должно происходить посредством косвенных доказательств при рассмотрении дел о несостоятельности. Более того, в результате многочисленных упоминаний в определениях ВС РФ исследуе-

мого понятия, возложения дополнительного бремени по подозрению в аффилированности, автор говорит о собственном формировании понятия ВС РФ с целью урегулирования споров о несостоятельности. Автор делает вывод, что в настоящее время понятия аффилированность далеко универсального.

Сложно не согласиться с позицией автора об отсутствии универсальности понятия. В свою очередь не представляется возможным поддержать позицию о формировании ВС РФ понятия аффилированности. Поскольку, исследуя все примеры применения ВС РФ, сложно сказать о формировании понятия. Скорее можно отметить обособленное понимание ВС РФ аффилированности, но, опять же, без конкретного его описания. Так в определении от 26.05.2017 по делу № А12–45751/2015 ВС РФ указывает, что доказывание аффилированности должно сопровождаться косвенными доказательствами. [10] Другими словами — отсутствует определение понятия аффилированности.

Помимо упомянутых примеров, ВС РФ в деле А53–885/2014 отметил, что аффилированность может быть как подтверждённая документально (юридическая), так и в качестве установленного факта (фактическая). [11] Получается, что несмотря на отсутствие исходного понятия, ВС РФ создаёт более усложнённую конструкцию с целью конкретизации. Однако, раскрывая понятия фактической и юридической аффилированности мы можем установить: фактическая аффилированность подразумевает отношения неформальной связности между лицами. В свою очередь юридическая аффилированность — связность, закреплённая на правовой основе. Следовательно, мы можем сделать вывод, что фактическая и юридическая аффилированность также в своей основе лежат на отношениях связности.

Обращаясь к обзору судебной практики ВС РФ от 29.01.2020, мы также не сможем найти прямого определения понятия аффилированности, не смотря на его частое использование [9]. В обзоре его применение рассматривается как важное обстоятельство, влияющее на рассмотрение споров в делах о банкротстве.

На основании выше изложенного в заключении можно сделать следующие выводы.

В российском праве отсутствует определение понятия «аффилированность». Для понимания аффилированности необходимо придерживаться системного толкования. При этом можно отнести понятие аффилированности больше к «связности». Поскольку мы говорим о наличии возможности влияния одного лица на другое.

В связи, с чем следует предложить законодателю рассмотреть вопрос о закреплении в российском праве понятия аффилированности и его общих признаков для придания унификации в применении правоприменителем.

При правовом закреплении необходимо учитывать баланс (возможен даже компромисс) между гибкостью механизма при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве) и юридической определённостью.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ;
2. Закон РСФСР от 22 марта 1991 г. N 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51/932741089b4d76ab07c535e5835a98a88479b2e8/ (дата обращения: 14.11.2024);
3. Федеральный закон от 26.07.2006 (ред. от 08.08.2024) «О защите конкуренции» N 135-ФЗ;
4. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ;
5. Егоров А. В. Влияние аффилированности на банкротство // Цивилистика. 2021. N 2. — URL: <https://privlawjournal.com/vliyanie-affilirovannosti-na-bankrotstvo/> (дата обращения: 17.02.2026);
6. Габов А. В. Аффилированность в делах о несостоятельности (банкротстве). / А. В. Габов // Гражданское право социального государства сборник статей, посвящённый 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / ответственные редакторы В. В. Витрянский и Е. А. Суханов. Москва: Статут, 2020. С. 295–322;
7. Шайдуллин А. И. Субординация обязательственных требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц в делах о банкротстве хозяйственных обществ // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ — URL: https://izak.ru/upload/iblock/151/SHaydullin-A.I._Kandidatskaya_dissertatsiya_final_pdf.pdf (дата обращения: 21.02.2026);
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 N 41 «Об установлении в процедурах банкротства требований контролирующих должника лиц и аффилированных лиц должника» // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522781/ (дата обращения: 14.02.2026);
9. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344078/?ysclid=mlbwa9ur8q297518294 (дата обращения: 07.02.2026);
10. Определение Верховного Суда РФ от 26.05.2017 N 306-ЭС16–20056(6) по делу A12–45751/2015 URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=500963#iHibqBVCM74m8xOV1> (дата обращения: 20.02.2026);
11. Определение Верховного Суда РФ от 15.06.2016 № 308-ЭС16–1475 по делу № А53–885/2014 URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=464228#5NKeqBVVoAPFyLzLm> (дата обращения: 20.02.2026).

Понятие, особенности и условия деликтной ответственности в российском и зарубежном гражданском праве

Зиятдинов Рузель Рустемович, студент

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

В статье проводится сравнительно-правовой анализ института деликтной ответственности в российском и зарубежном гражданском праве. В работе анализируются теоретические подходы к определению понятия внедоговорного обязательства, возникающего вследствие причинения вреда, выявляются существенные особенности и системообразующие условия наступления деликтной ответственности. Особое внимание уделяется рассмотрению ключевых элементов состава правонарушения: противоправного поведения, причинно-следственной связи, вреда и вины причинителя. На основе сопоставительного анализа положений Гражданского кодекса Российской Федерации [2] и континентального права (Германия) выявляются общие закономерности и национально-правовая специфика правового регулирования деликтных отношений.

Ключевые слова: деликтная ответственность, гражданское право, обязательства вследствие причинения вреда, состав гражданского правонарушения, противоправность, вина, причинно-следственная связь, генеральный деликт, сравнительное правоведение.

Цель исследования заключается в проведении комплексного сравнительно-правового анализа понятия, юридической природы, особенностей и условий наступ-

ления деликтной ответственности в российском и германском правовых системах, а также в выявлении направлений имплементации позитивного зарубежного опыта

в российскую правовую систему для повышения эффективности защиты прав потерпевших. Научная новизна исследования проявляется в классификации моделей регулирования и обосновании предложений по совершенствованию российского законодательства, направленных на преодоление пробелов в правовом регулировании отдельных видов деликтов. Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в связи с причинением вреда личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица и порождающие обязательства по его возмещению, рассмотренные в их историческом развитии и современном состоянии в различных правовых системах.

Институт деликтной ответственности занимает центральное место в системе гражданско-правовой защиты нарушенных прав и охраняемых законом интересов. Выступая одной из древнейших форм юридической ответственности, обязательства вследствие причинения вреда на протяжении столетий сохраняют свое фундаментальное значение, обеспечивая восстановление имущественной сферы потерпевшего за счет причинителя вреда. В современных условиях усложнения экономических связей, появления новых видов деятельности, сопряженных с повышенной опасностью для окружающих, а также развития цифровых технологий, вопросы деликтной ответственности приобретают особую актуальность и остроту.

Российская модель деликтной ответственности, сформировавшаяся под значительным влиянием германской пандектистики, относится к числу систем континентального права, построенных на принципе генерального деликта. Ее нормативной основой выступают положения главы 59 Гражданского кодекса Российской Федерации («Обязательства вследствие причинения вреда») [2], которые закрепляют общее правило о том, что всякое причинение вреда личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред (ст. 1064 ГК РФ) [2].

Российская цивилистическая доктрина традиционно исходит из необходимости установления четырех элементов состава гражданского правонарушения: 1) противоправность поведения причинителя вреда; 2) наличие вреда (имущественного или неимущественного); 3) причинно-следственная связь между противоправным поведением и наступившим вредом; 4) вина причинителя вреда. При этом п. 2 ст. 1064 ГК РФ [2] закрепляет презумпцию вины причинителя вреда, что существенно облегчает положение потерпевшего, освобождая его от бремени доказывания субъективного отношения нарушителя к содеянному.

Отличительной чертой российской модели является сохранение категории вины в качестве генерального основания ответственности при одновременном расширении сферы безвиновной ответственности, что отражает общемировую тенденцию. Примечательно, что российский

законодатель пошел по пути не полного отказа от принципа вины, а создания закрытого перечня случаев, когда ответственность наступает независимо от вины. Такой подход, как представляется, позволяет сохранить баланс между интересами потерпевших и необходимостью стимулирования участников оборота к осмотрительному поведению.

Что касается Германского деликтного права, которое было кодифицировано в §823–853 Германского гражданского уложения (далее — BGB) [1], представляет собой классический образец пандектной системы с характерной для нее абстрактностью и системной стройностью. Как отмечается в сравнительно-правовых исследованиях, германская модель наряду с французской выступает репрезентативным представителем континентальной традиции.

BGB содержит три генеральные нормы, образующие «малую генеральную клаузулу»: §823 (1) устанавливает ответственность за нарушение абсолютных прав (жизнь, тело, здоровье, свобода, собственность); §823 (2) предусматривает ответственность за нарушение охранительного закона; §826 закрепляет ответственность за умышленное причинение вреда, противоречащее добрым нравам [1]. Такая трехуровневая конструкция позволяет германскому праву избегать чрезмерно широкого усмотрения суда, но при этом обеспечивает достаточную гибкость регулирования.

Важной особенностью выступает четкое разграничение защиты абсолютных и относительных прав, следствием которого становится ограничение возмещения чистых экономических потерь, не связанных с нарушением абсолютных прав. Данный подход, критикуемый за излишнюю формализацию, вместе с тем обеспечивает предсказуемость правоприменения и защиту ответчиков от неограниченной ответственности.

К числу неоспоримых преимуществ германского подхода следует отнести: 1) высокую степень систематизации и внутренней согласованности норм; 2) предсказуемость судебных решений благодаря детальной проработке составов; 3) четкую дифференциацию различных видов вреда и оснований ответственности.

Основным недостатком же выступает известная ригидность системы, ее недостаточная гибкость в реагировании на новые вызовы, требующие расширения сферы деликтной защиты (например, в случаях причинения чистых экономических потерь). Как следствие, германская судебная практика вынуждена прибегать к расширительному толкованию договорных конструкций (к примеру, теория «договора с защитным действием в пользу третьих лиц») для восполнения пробелов деликтной защиты.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд рекомендаций по совершенствованию российской модели деликтной ответственности с учетом германского опыта:

1) Развитие доктрины противоправности. В российской цивилистике представляется целесообразным более четкое разграничение противоправности как нарушения

абсолютного права и как нарушения обязанности должного поведения, что позволит более точно определять основания ответственности.

2) Внедрение дифференцированного подхода к чистым экономическим потерям. Германский опыт разграничения абсолютных и относительных прав и ограничения возмещения чистых экономических потерь заслуживает внимания как способ обеспечения предсказуемости правоприменения и защиты ответчиков от неограниченной ответственности.

3) Совершенствование теории причинно-следственной связи. Имплементация германских разработок в области адекватной и нормативной причинности могла бы повысить качество судебных решений и уменьшить субъективизм в оценке причинных связей.

4) Упорядочение системы специальных деликтов. Российское законодательство могло бы перенять германский опыт ограниченного использования специальных составов при приоритете общих норм с целью критической оценки существующей системы специальных деликтов на предмет ее внутренней согласованности и непротиворечивости.

Германская и российская модели деликтной ответственности, имея общие исторические корни и структурное сходство, демонстрируют существенные различия в степени доктринальной проработанности, системности и предсказуемости правоприменения. Германское право предлагает более стройную и теоретически обоснованную систему, тогда как российское отличается большей эклектичностью и ориентацией на усмотрение судей.

При этом обе модели сталкиваются с общими вызовами: необходимостью адаптации к новым типам деятельности и новым видам вреда, потребностью в защите чистых экономических потерь без неограниченного расширения ответственности, поиском баланса между гибкостью и определенностью правового регулирования.

Российская правовая система могла бы существенно обогатиться за счет восприятия германских доктринальных разработок, особенно в части учения о противоправности, причинной связи и дифференциации защищаемых интересов. Однако такое заимствование должно носить творческий характер, учитывающий специфику отечественного правового порядка и сложившиеся традиции правоприменения.

Литература:

1. Германское гражданское уложение (Bürgerliches Gesetzbuch, BGB) [Электронный ресурс]. — URL: <http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2018/02/1900.pdf> (дата обращения: 21.02.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 20.02.2026).

Вопросы соотношения морали и права

Зубаиров Александр Римович, студент магистратуры

Уральский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Челябинск)

В статье автор исследует вопросы определений морали и права, в частности их формально определенные классические литературные и религиозные источники.

Ключевые слова: социальные нормы, мораль, право, религиозные и литературные источники, философия права.

Социальные нормы являются общими правилами поведения, регулирующими отношения между людьми и их организационными объединениями.

К признакам социальных норм относятся:

- регуляторы общественных отношений;
- общие правила поведения;
- общий характер отношений;
- возникновение в волевом процессе, сознательной деятельности;

— реализация особыми средствами воздействия и др.

К видам социальных норм относятся:

— нормы обычаев — то есть, сложившиеся в историческом развитии общества правила поведения, в дальнейшем, соблюдаемые людьми в силу их привычки;

— нормы традиций — то есть, правила поведения, проявляемые в процедуре проведения значительных, событий в жизни общества, либо государства;

— нормы морали — то есть, правила поведения, утверждаемые в человеческом обществе согласно его с нравственными представлениями о справедливости и несправедливости, добре и зле, чести, достоинстве и др;

— нормы общественных организаций (или корпоративные нормы) — то есть, правила поведения, устанавливаемые общественными организациями для урегулирования своей внутренней деятельности и охраняемые мерами внутреннего общественного воздействия, через уставы этих организаций;

— нормы ритуалов — то есть, правила поведения, признаваемые при совершении определенных обрядов;

— религиозные нормы — то есть, правила поведения, регулирующие отношения верующих к Богу, религиозным объединениям, общинам, церковным организациям и пр.;

— нормы права — то есть, общеобязательные правила поведения, которые устанавливаются и охраняются государством.

Особое внимание постараемся уделить нормам права и моральным нормам, как наиболее значимым и эффективным социальным регуляторам.

Отличие норм права и норм морали состоит в следующем:

— нормы права непосредственно создаются и санкционируются государством;

— нормы морали в свою очередь создаются непосредственно самим обществом, то есть его общественным мнением.

— нормы права закреплены в правовых юридических актах государства;

— нормы морали являются неформальными правилами поведения.

— право как таковое принудительно обеспечивается силой государства;

— мораль опирается только на общественное мнение.

Право регулирует взаимоотношения между субъектами с точки зрения их юридических прав и обязанностей, (правомерного или неправомерного); мораль регулирует взаимоотношения с точки зрения и представления о добре и зле, справедливости происходящего или его несправедливости и т. п.

Характерно отметить, что уровень требований выше у морали, чем у правовых норм общественного поведения. Нарушение норм права влечет за собой юридическую ответственность, применяемую от имени государства, в свою очередь за нарушение норм морали — следует моральное осуждение.

Задачей исследования — является корректировка взаимодействия правовой системы и норм морали таким образом, чтобы все ценностные регуляторы, изложенные в праве, были востребованы гражданским обществом и не противоречили его нравственным (или моральным) приоритетам, всецело поддерживались и дополнялись друг другом.

Мораль формально определяется и присутствует в Гражданском праве (добросовестность поведения или не добросовестность), в Уголовном праве (цинизм поведения, жестокость, корыстные побуждения и др.). Мораль присутствует в праве (когда предметом закона являются бытовые признаки общественных отношений), может отсутствовать в праве (например, когда предметом закона являются экономические отношения).

Если источниками права являются: нормативные акты, обычаи делового оборота, научные доктрины и др., то к формальными источниками морали можно, в частности, отнести религию и литературу.

Религия и литература — это две действенные силы, формирующие общественную мораль, предлагающие обществу этические системы, ценности и примеры поведения, хотя и разными способами: религия через догмы и веру, а литература, в свою очередь, через художественное осмысление человеческого опыта и моральных дилемм, влияя на мировоззрение общества.

В частности, примером может служить: Евангелие от Луки, Глава 18, стихи 1–8: В одном городе был судья, который Бога не боялся и людей не стыдился. В том же городе была одна вдова, и она, приходя к нему, говорила: «защити меня от соперника моего». Но он долгое время не хотел. А после сказал сам в себе: «хотя я и Бога не боюсь и людей не стыжусь. Но, как эта вдова не дает мне покоя, защищу ее, чтобы она не приходила больше ночью, хотя и медлит защищать их? Сказываю вам, что подаст им защиту вскоре [1].

Таким образом, Евангелие прямо признает не только саму возможность, но и сам факт наличия коррупции правосудия, а также морального разложения судейского сообщества. Возможно даже возводя это противоправное проявление в принятие и норму общественных отношений.

Роман «Дубровский» А. С. Пушкина: Пожар в родовом имении главного героя — Кистеневке, описан автором в Главе номер 6. Согласно изложенным событиям в деревню прибывают судейские чиновники, которые должны были ввести помещика Троекурова в права собственности данным имением. Главный герой Владимир поджигает свой дом. Крепостной кузнец Архип запер дверь, и в итоге в доме Дубровского заживо сгорели все судейские служащие, а также полицейский исправник. Кроме того, вместе сгорела и вся деревня Кистенёвка. По замыслу автора А. С. Пушкина, пожар означивал протест Владимира Дубровского против несправедливости правосудия, то есть наличия в его действиях основ моральных общественных норм.

Однако, исходя из правовой позиции, главный герой совершил: особо тяжкое преступление, выраженное в убийстве двух и более лиц, затем разбойное нападение, подлог и пр. Таким образом, нормы общественной морали вошли в прямое противоречие с существующими нормами права [2].

Комедия «Ревизор» Н. В. Гоголя: Часть линии повествования состоит из следующего примера правоотношений и правосудия, когда между двумя помещиками, Чептовичем и Варховинским, возникла судебная тяжба за землю, то судья Ляпкин-Тяпкин безмерно доволен этим событием, так как теперь он имеет возможность охотиться на зайцев на территории обоих указанных фигурантов. В связи с чем он намерено затягивает разбирательство дела, так как ему выгоден этот конфликт: «...Чептович с Варховинским затеяли тяжбу, и теперь мне роскошь: травлю зайцев на землях и у того и у другого» ... (действие 1 явление II) [3]. Данная позиция судьи является противоправной.

Роман «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского: непосредственно затрагивает саму философию

права, исследует природу возникновения и замысла преступления, неотвратимости наказания, морали через рассуждения главного героя Раскольникова о «сверхчеловеке» и «обыкновенных» людях, попытку нарушить общечеловеческие моральные нормы, ради якобы высших целей, что приводит к духовной смерти, отрицая право одного человека решать судьбу другого под любым предлогом [4].

Исходя из изложенного, можно сделать следующий вывод, в том, что: В приведенных религиозных и классических литературных источниках моральных общественных норм — фактически рассматриваются примеры концепции утилитаризма — то есть, общей идеи, сводящей все моральные и правовые явления к понятию собственной пользы и выгоды приобретения.

Литература:

1. Евангелие от Луки, глава 18. — Текст: электронный // azbyka.ru: [сайт]. — URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Lk.18&> (дата обращения: 27.02.2026).
2. Александр, Пушкин Дубровский / Пушкин Александр. — Текст: электронный // azbyka.ru: [сайт]. — URL: <https://azbyka.ru/fiction/dubrovskij-aleksandr-pushkin/> (дата обращения: 27.02.2026).
3. Ревизор. — Текст: электронный // azbyka.ru: [сайт]. — URL: <https://azbyka.ru/fiction/revizor-nikolaj-gogol/> (дата обращения: 27.02.2026).
4. Преступление и наказание. — Текст: электронный // azbyka.ru: [сайт]. — URL: <https://azbyka.ru/fiction/prestuplenie-i-nakazanie/> (дата обращения: 27.02.2026).

История становления и правовые основы образовательной системы Узбекистана

Исомов Алишер Бекмуротович, студент магистратуры
Бухарский инновационный университет (Узбекистан)

В статье рассматривается история становления и развития образовательной системы Узбекистана начиная с до-революционного периода и вплоть до современного этапа. Особое внимание уделено вопросу формирования национальной модели образования, отражающей культурные и исторические особенности страны. Анализируются ключевые законодательные акты, включая Закон «Об образовании» (2020), которые определяют правовые основы функционирования образовательной системы. Подчеркивается роль реформ в обеспечении соответствия национальных образовательных программ современным мировым стандартам, а также значимость интеграции достижений науки, техники и культуры в образовательный процесс.

Ключевые слова: образование, Узбекистан, история становления, правовые основы, национальная модель, реформы, Закон «Об образовании», независимость, образовательная система, модернизация.

History of the establishment and legal foundations of the education system of Uzbekistan

The article examines the history of the formation and development of the education system in Uzbekistan from the pre-revolutionary period to the present day. Particular attention is paid to the formation of a national model of education that reflects the country's cultural and historical characteristics. Key legislative acts, including the Law “On Education” (2020), which define the legal foundations of the educational system, are analyzed. The role of reforms in ensuring the alignment of national educational programs with modern global standards is emphasized, as well as the importance of integration of achievements of science, technology, and culture into the educational process.

Keywords: education, Uzbekistan, historical development, legal foundations, national model, reforms, Law “On Education”, independence, educational system, modernization.

Введение. Развитие образовательной системы Узбекистана отражает сложную историческую траекторию страны и её стремление сочетать традиции с модернизацией. В дореволюционный период образование в основном формировалось религиозными учреждениями и традиционными школами (мектебами и медресе), где обучали грамоте и основам религиозных знаний. Советская эпоха принесла централизованную и светскую модель образования, ориентированную на массовую грамотность, техническую подготовку и идеологическое воспитание. Несмотря на расширение доступа к образованию, эта система зачастую оставляла в стороне сохранение национальной идентичности и культурного наследия.

После обретения независимости в 1991 году перед Узбекистаном встала задача создания национальной образовательной системы, которая одновременно сохраняла бы культурные ценности и отвечала требованиям глобализирующегося мира. Были проведены значительные реформы, включая принятие Закона «Об образовании» и «Национальной программы подготовки кадров», которые заложили правовые и институциональные основы современного школьного обучения. Эти реформы были направлены на приведение учебных программ в соответствие международным стандартам, укрепление высшего образования и интеграцию достижений науки и техники в процесс обучения. Сегодня образовательная система Узбекистана продолжает развиваться, отражая стремление страны к инновациям, конкурентоспособности и культурной преэминентности. Правовая база играет ключевую роль в обеспечении устойчивости реформ, их справедливости и соответствия потребностям общества.

Цель статьи заключается в исследовании исторического процесса становления образовательной системы Узбекистана и выявлении правовых основ её функционирования. Работа направлена на анализ ключевых этапов развития образовательной модели страны, рассмотрение законодательных актов, регулирующих сферу образования, а также оценку влияния реформ на модернизацию и интеграцию национальной системы в международное образовательное пространство.

Обзор литературы. История становления образовательной системы Узбекистана тесно связана с принятием ключевых нормативных актов. Закон «Об образовании» 1997 года стал первой попыткой систематизировать правовые основы в условиях независимости, определив принципы и структуру образовательной политики. Его обновлённая редакция — Закон № ЗРУ-637 от 23 сентября 2020 года — закрепила современные подходы, включая вопросы инклюзивности и цифровизации. Важным стратегическим документом выступает «Концепция развития системы народного образования до 2030 года» (указ Президента № УП-5712 от 2019 г.), где обозначены приори-

тетты модернизации и интеграции в мировое образовательное пространство.

Значительный вклад в изучение вопроса внесли Б. С. Исомов, Н. Г. Дилова, Ф. Ф. Саидкулова и А. Т. Журбаев, которые в монографии «Вопросы совершенствования системы образования» (2021) анализируют проблемы качества образования и предлагают пути оптимизации управления им. А. Ходжаев в работе «История образования в Узбекистане» (2005) прослеживает эволюцию образовательных институтов от дореволюционного периода до современности. Ш. Махмудов (2010) акцентирует внимание на правовых основах реформирования, показывая, как законодательные изменения влияли на практику.

Зарубежные организации также уделяли внимание исследованию узбекской образовательной системы. UNICEF в обзоре 1997 года предложил рекомендации по пересмотру закона «Об образовании», отмечая необходимость большей гибкости и соответствия международным стандартам. UNESCO в отчёте Education for All (2015) выделило достижения в охвате начальным образованием, но указало на проблемы качества и равенства доступа.

Исследователи из Японии и Европы также анализировали ситуацию. А. Исмаев (Nagoya University, 2019) рассматривает вызовы переходного периода в правовом регулировании образования. К. Нукарова (Naruto University, 2022) оценивает участие Узбекистана в международных исследованиях PISA, указывая на необходимость улучшения навыков критического мышления у учащихся. В работах J. C. Weidman и B. Yoder (Boston College, 2010), а также I. Silova (2004) подчёркивается влияние международных организаций на реформы, но отмечаются трудности адаптации западных моделей к национальным условиям.

Таким образом, анализ литературы показывает, что образовательная система Узбекистана прошла путь от базового законодательного оформления к стратегическим реформам, активно взаимодействуя с международными институтами. При этом сохраняют актуальность вызовы, связанные с качеством, равенством доступа и эффективностью правового регулирования.

Результаты исследования. Анализ исторического развития образовательной системы Узбекистана показывает, что она прошла несколько ключевых этапов.

Дореволюционный период характеризовался преобладанием религиозных форм обучения (медресе, мектебы), где основное внимание уделялось изучению богословия и арабской грамоты.

Советский этап принёс коренные изменения: была создана централизованная система народного образования, обеспечившая массовую грамотность и доступ к среднему и высшему образованию.

Период независимости (с 1991 г.) ознаменовался формированием национальной модели образования. При-

нятие Закона «Об образовании» (1997) закрепило принципы образовательной политики: обязательность общего среднего образования, равенство прав граждан и государственный контроль качества.

Современный этап связан с обновлением правовой базы. Новый Закон «Об образовании» (2020) расширил понятие образовательных программ, закрепил нормы государственной аккредитации и подчеркнул приоритет международных договоров.

Правовые основы образовательной системы Узбекистана сегодня включают:

- Конституцию Республики Узбекистан, закрепляющую право каждого гражданина на образование;
- Закон «Об образовании» (2020), определяющий структуру, уровни и формы реализации образовательных программ;
- «Концепцию развития системы народного образования до 2030 года», где обозначены стратегические направления (повышение качества образования, внедрение инновационных технологий, развитие кадрового потенциала и международное сотрудничество).

Исследование показало, что образовательная система Узбекистана развивается в русле глобальных тенденций, но при этом сохраняет национальные особенности. Основные результаты можно сформулировать так:

- Эволюция образовательной системы от традиционных религиозных форм к современной правовой и институциональной модели.
- Законодательное оформление образовательной политики начиная с 1997 года и её обновление в 2020 году.
- Стратегическое планирование до 2030 года, направленное на повышение качества и конкурентоспособности образования.
- Интеграция международных стандартов, что отражает стремление Узбекистана к гармонизации национальной системы с мировыми практиками.

Литература:

1. Закон Республики Узбекистан «Об образовании» (1997). — URL: https://nrm.uz/contentf?doc=5723_zakon_respubliki_uzbekistan_ot_29_08_1997_g_n_464-i_ob_obrazovanii
2. Закон Республики Узбекистан «Об образовании» № ЗРУ-637 от 23 сентября 2020 г. — URL: [https://nrm.uz/contentf?doc=634995_zakon_respubliki_uzbekistan_ot_23_09_2020_g_n_zru-637_ob_obrazovanii_\(prinyat_zakonodatelnoy_palatoy_19_05_2020_g_odobren_senatom_07_08_2020_g_\)&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana](https://nrm.uz/contentf?doc=634995_zakon_respubliki_uzbekistan_ot_23_09_2020_g_n_zru-637_ob_obrazovanii_(prinyat_zakonodatelnoy_palatoy_19_05_2020_g_odobren_senatom_07_08_2020_g_)&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana)
3. Концепция развития системы народного образования Республики Узбекистан до 2030 года (Указ Президента РУз № УП-5712 от 29 апреля 2019 г.). — URL: [https://nrm.uz/contentf?doc=587510_konceptsiya_razvitiya_sistemy_narodnogo_obrazovaniya_respubliki_uzbekistan_do_2030_goda_\(prilojenie_n_1_k_ukazu_prezidenta_ruz_ot_29_04_2019_g_n_up-5712\)&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana](https://nrm.uz/contentf?doc=587510_konceptsiya_razvitiya_sistemy_narodnogo_obrazovaniya_respubliki_uzbekistan_do_2030_goda_(prilojenie_n_1_k_ukazu_prezidenta_ruz_ot_29_04_2019_g_n_up-5712)&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana)
4. UNICEF. Revision of Uzbekistan's Law on Education (1997): A Review and Suggestions. — URL: <https://www.unicef.org/uzbekistan/en/reports/uzbekistans-law-education-1997-review-and-suggestions-revision>
5. Вопросы совершенствования системы образования. Монография / Б. С. Исомов, Н. Г. Дилова, Ф. Ф. Саидкулова, А. Т. Жураев. — Бухара: Дурдона, 2021.
6. Ходжаев, А. История образования в Узбекистане / А. Ходжаев. — Ташкент: Фан, 2005.
7. Махмудов, Ш. Правовые основы реформирования системы образования / Ш. Махмудов. — Ташкент: Юридическая литература, 2010.
8. Azimova, N. E. Modernization Processes in Legal and Normative Basis of the Education System in Uzbekistan / N. E. Azimova // International conference on advance science and technology. — 2024. — Vol. 1. — № 11.

9. Ismatov, A. Legal Education in Uzbekistan: Historical Overview and Challenges of Transition / A. Ismatov. — doi.org/10.18999/CALEDP.18.1.
10. Khaydarova, L. K. The Analysis of Education System in Uzbekistan: Challenges, Solutions and Statistical Analysis / L. K. Khaydarova // European Journal of Life Safety and Stability. — 2021. — № 9.
11. Shadiyeva, D. A. Higher Education in Uzbekistan: Achievements and Shortcomings / D. A. Shadiyeva // International Journal of Research in Social Sciences. — 2021.
12. Nukarova, M. K. The Significance of the Program for International Student Assessment (PISA) in Uzbekistan: Results and Solutions / M. K. Nukarova. — Naruto University of Education, Japan, 2022.
13. UNESCO. Education for All Global Monitoring Report. — Paris: UNESCO, 2015.
14. Weidman, J. C. Higher Education in Central Asia: The Case of Uzbekistan / J. C. Weidman, B. Yoder. — International Higher Education, Boston College, 2010.
15. Silova, I. Education Reforms and International Organizations: The Case of Uzbekistan // I. Silova // European Education. — 2005. — № 36 (2). — P. 6–30.

Проблемы нотариального удостоверения медиативного соглашения

Калюжный Иван Андреевич, студент магистратуры;

Научный руководитель: Лебедев Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуются актуальные проблемы исполнения медиативного соглашения. Анализируется правовая природа медиативного соглашения, актуальные проблемы его исполнения и роли нотариуса в медиации. Выделены проблемы, поднимаемые в связи с введением института нотариального удостоверения медиативных соглашений, прежде всего, связанные с ролью нотариуса как независимого субъекта.

Ключевые слова: медиативное соглашение, примирительные процедуры, нотариат, нотариальное действие.

Понятие медиативного соглашения прямо закреплено в федеральном законе от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» и содержится в статье 2. Медиативное соглашение — соглашение, достигнутое сторонами в результате применения процедуры медиации к спору или спорам, к отдельным разногласиям по спору и заключенное в письменной форме [4].

Исходя из положений ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» можно выделить и основополагающие принципы заключения медиативного соглашения. К таковым можно отнести: добровольность, конфиденциальность, сотрудничество и равноправие сторон, беспристрастность и независимость медиатора. Из чего прямо следует, что медиативное соглашение исполняется сторонами добровольно и не имеют силу исполнительного документа.

Новеллой выступает предоставление нотариусам полномочий по удостоверению медиативных соглашений, закреплённое в ст. 59.1 Федерального закона «Об основах законодательства Российской Федерации о нотариате». Соглашения, достигнутые сторонами после проведения медиации без передачи дела в суд, при условии их нотариального оформления, приобретают силу исполнительного листа. Удостоверение таких соглашений производится исключительно с обязательным присутствием медиатора

(или медиаторов), работающих на профессиональной основе, либо медиатора — представителя организации, занимающейся организацией и проведением медиационной процедуры, согласно соглашению сторон. Подобная норма свидетельствует о позитивной динамике развития медиации в рамках примирительных процедур [4].

Проблема необходимости в закреплении института принудительного исполнения медиативного соглашения ни один раз была предметом обсуждения ученых-юристов. Введение указанного института позволило повысить популярность внесудебного метода разрешения гражданского спора, а также обеспечить защиту прав сторон, выступая гарантом исполнимости решения [1]. Участники договорных взаимоотношений в первую очередь заинтересованы в добросовестности исполнения обязанностей.

Стоит отметить, что законодательства не содержит императивных норм, которые бы обязывали стороны нотариально заверять медиативное соглашение. В таком случае были бы нарушены основополагающие принципы медиативного соглашения — добровольность. Удостоверение медиативного соглашения не нашло отражения в перечне нотариальных действий, но входит в главу X (Удостоверение сделок), то есть, согласно ст. 53 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате», нотариус удостоверяет сделки, для которых не предусмотрена обязательная нотариальная форма, к которым и относится медиативное соглашение [5].

Однако обращение к нотариусу с целью заверения медиативного соглашения обеспечивает безопасность и исполнимость решения. Повышенный интерес к обращению возникает в случае внесудебного разрешения спора, поскольку в случае обращения с иском в суд, стороны могут обратиться с соответствующим ходатайством в суд для утверждения медиативного соглашения в форме мирового.

При проведении процедур медиации обязанности по проверке законности и соблюдения требований к форме и содержанию медиативного соглашения возлагается на медиатора. В случае же обращения к нотариусу для нотариального удостоверения соглашения проверка на соответствие требований законодательства осуществляется им. Законом внесение изменений в соглашение нотариусом не предусмотрена. То есть, если нотариус не может удостоверить соглашение в силу его несоответствия закону, то соглашение должно быть пересмотрено сторонами и самим медиатором.

Логично предположить, что при удостоверении соглашения нотариусом роль медиатора не столь значима и, в чем можно согласиться с Г. С. Шереметовой, не столь невосполнима: «Факт проведения медиации может быть подтвержден документально или иным образом, а условия медиативного соглашения изменять не придется, если они качественно проработаны изначально...» [3].

С появлением новой формы исполнительного документа возникли новые формы недобросовестного использования такого права и исполнения требований без предусмотренных на то законом оснований.

Примером может стать Постановление Арбитражного суда Московского округа от 8 февраля 2022 г. по делу № А40-242687/2020 [6].

Целью заключения медиативного соглашения было создание искусственной задолженности. Отказ же банка в исполнении требований соглашения в соответствии с Федеральным законом «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ правомерен.

То есть медиативное заключение стало способ легализации денежных средств, что противоречит закону. Нотариальное удостоверение такого соглашения обеспечивает принудительный порядок исполнения, что свидетель-

ствует о недостатках института принудительного исполнения вне рамок судебного разбирательства.

Из приведенного примера следует то, что нотариусу по мимо проверки соответствия формы и содержания медиативного соглашения требованиям закона необходимо осуществлять проверку сторон и их намерений.

Нынешняя практика сводит роль нотариуса к формальной проверке, оставляя вне поля зрения фактические обстоятельства, не исследованные медиатором. Это создает опасный прецедент, позволяющий формировать неосновательные права на принудительное исполнение фиктивных требований и служащий инструментом для легализации доходов, полученных преступным путем.

Однако, деятельность по фактическому исследованию обстоятельств заключения соглашения сводит его деятельность к функциям медиатора, что противоречит правовой природе мирового соглашения. Кроме того, можно и отметить, что в таком случае деятельность нотариуса, схожа с деятельностью суда по выяснению спорных обстоятельств и применения нормативно-правовых актов [2].

Ключевая компетенция нотариуса — это способность предвидеть и предотвращать потенциальные риски. Несмотря на то, что нотариус не является медиатором (и его участие в оформлении медиативных соглашений не меняет этого), он играет незаменимую роль в процессе медиации. Именно нотариус придает юридическую силу внесудебным договоренностям сторон, что позволяет им в дальнейшем принудительно исполнить соглашение, если добровольное исполнение не состоялось. Введение нотариального удостоверения медиативных соглашений стало значительным шагом в популяризации альтернативных способов разрешения споров, предлагая сторонам не просто посредника, а инструмент, превращающий их договоренности в исполнительный документ.

Конечно, процедура нова, но, как показывает практика, пользуется спросом не только добросовестных участников правоотношений, но и теми, кто желает узаконить свои противоправные интересы в обход судебных органов. Возможно даже, в первую очередь именно такими участниками. В данной ситуации, конечно, необходимо предусмотреть не просто формальное согласие нотариуса с простой проверкой полномочий медиатора, но и требования, которым должны соответствовать стороны спора, проверять фактические обстоятельства их конфликта в целях недопущения таким послаблением.

Литература:

1. Бусыгина З. И., Фуртак А. А. Некоторые аспекты интеграции медиации в нотариальную практику // Нотариус. 2013. № 8. С. 3–4
2. Воронежский П. М. Некоторые причины непопулярности института медиации в Российской Федерации // Российская юстиция. 2016. № 3. С. 63
3. Самсонов Н. В., Самсонов В. Н. Проблема исполнимости медиативных соглашений // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 2. С. 57–59.
4. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федер. законот 27.07.2010 № 193-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31. Ст. 4162.

5. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462–1 (ред. от 28.12.2022) // Собрание законодательства РФ. — 1993. — № 10. — Ст. 357.
6. Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 8 февраля 2022 г. по делу № А40–242687/2020 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел, URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e70f3469-2926-4184-be2f-16ff5520a8ff/d16d0979-e2e9-4c5f-8b7c-ce285848a3ec/A40-2426872020_20220208_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=Tme (Дата обращения: 20.02.2026)

Обязательные условия медиативного соглашения

Калюжный Иван Андреевич, студент магистратуры;
Научный руководитель: Лебедев Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируются условия юридической силы и устойчивости медиативных соглашений. Рассматриваются распространенные основания оспаривания и предлагаются меры по минимизации рисков, с учетом практики судов.

Ключевые слова: медиативное соглашение, примирительные процедуры, оспаривание, нотариальное удостоверение, судебная практика.

По существу, медиативное соглашение представляет собой итоговый результат проведения медиации. В нем зафиксированы взаимовыгодные условия и обязательства, благодаря достижению которых разрешается правовой спор. Большинство вопросов, касающихся определения понятия «медиативное соглашение», его формы и обязательных условиях регламентированы Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [5].

Целью исследования выступает определение императивных требований к мировому соглашению, а также выявить риски его недействительности.

Несомненным преимуществом процедуры медиации в сравнении с судебным процессом выступает гибкость. Как правило, целью мирового соглашения выступает достижения согласия, а соблюдения требований к форме и содержанию выступают второстепенными для сторон, так как они могут и не обладать должными юридическими знаниями, надеясь на профессионализм медиатора. Однако стоит отметить, что на практике могут возникнуть правовые риски, в случае ненадлежащего оформления документов [3].

Чтобы выявить императивные требования к мировому соглашению необходимо исследовать Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [5].

Первым требованием выступает обязательная письменная форма, предусмотренная частью 1 статьей 12 указанного закона. Несоблюдение указанного условия влечет за собой недействительность заключения такого соглашения. Как показывает практика, даже одновременное проставление подписей сторонами (например, с интервалом в месяц) само по себе не свидетельствует о незакон-

ности процедуры, если воля сторон на заключение соглашения была выражена добросовестно [5].

Требования к содержанию заключаются в отражении сведений о сторонах, предмете спора, проведенной процедуре медиации, медиаторе, а также согласованные сторонами обязательства, условия и сроки их выполнения.

Если рассматривать каждое из них, то сведения о сторонах представляют собой четкую идентификацию. В тексте должны быть указаны полные данные, позволяющие однозначно определить участников. Это требование вытекает из принципа определенности субъектного состава сделки (ст. 160 и ст. 432 ГК РФ) и минимизирует риски последующих споров о полномочиях подписавших лиц. [4]

В мировом соглашении должен быть четко отражен предмет спора. Формулировка предмета не может быть двусмысленной и абстрактной, указывая на источник спора.

Еще одним условием является отражение сведений о проведенной процедуре медиации. Указать на факт того, что соглашение достигнуто в результате процедуры медиации, проведенной с соблюдением ее базовых принципов.

Последнее условие, закрепленное законодателем — отражение условий. Документ должен предусматривать однозначные обязанности участников, установленные сроки выполнения обязательств, определённый алгоритм действий и последствия за невыполнение условий. На практике нередко применяются комплексные положения, включая взаимные зачёты, график погашения долгов, право на выдачу исполнительного листа при задержках, а также процедуры урегулирования потенциальных споров — например, повторную медиацию для пересмотра условий в случае изменений [1].

Особое значение имеет нотариальное удостоверение. Придание соглашению силы исполнительного документа

позволяет обратиться к приставам без судебного решения. Судебная практика подтверждает, что нотариально удостоверенное медиативное соглашение обладает презюмируемой силой исполнительного документа. Согласно ст. 59.1 Основ законодательства о нотариате, удостоверение медиативного соглашения происходит с обязательным участием медиатора, который заверяет соответствие процедуры закону. Однако предусмотренная законом процедура не выступает обязательной и осуществляется исключительно по волеизъявлению сторон [6].

Соблюдение процессуальных формальностей. Как отмечено в комментарии к статье Е. Любоненко и П. Шевчук гибкость медиации позволяет сторонам выбирать оптимальную форму фиксации договоренностей, однако при избрании формы медиативного соглашения необходимо строгое соблюдение установленных законом требований. Современные реалии показывают высокую эффективность медиативных договоренностей, способных охва-

тывать целый ряд взаимосвязанных споров, возникших в результате затяжного корпоративного противостояния, позволяя урегулировать десятки судебных процессов единой сделкой.

Таким образом, устойчивость медиативного соглашения к оспариванию обеспечивается комплексным соблюдением формальных и содержательных требований закона. Для минимизации рисков оспаривания необходимо обеспечивать добросовестность сторон, законность договоренностей, четкое соблюдение процессуальных правил медиации [2].

Касаемо содержания, медиативное соглашение должно отвечать ряду императивных требований законодательства, касающихся предмета, сторон и их волеизъявления. Вместе с тем, как было отмечено выше, его содержание отличается значительной гибкостью, что позволяет сторонам урегулировать возникший спор на взаимоприемлемых условиях

Литература:

1. Исаенкова О. В. Критерии определения соответствия российского законодательства о медиации по гражданским делам международному опыту ее развития // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2013. — № 3 (92). — С. 117.
2. Малюшин К. А. Курс на содействие быстрому урегулированию споров // Российский судья. — 2011. — № 7. — С. 20.
3. Ярков В. В. и Медведев И. Г. Нотариат и медиация // Нотариальный вестник. — 2008. — № 9. — С. 13–21.
4. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система.
5. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федер. закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31. Ст. 4162.
6. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462–1 (ред. от 28.12.2022) // Собрание законодательства РФ. — 1993. — № 10. — Ст. 357.

К вопросу о социальном обслуживании граждан в Российской Федерации

Каткова Валерия Викторовна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье автор исследует теоретические и правовые аспекты социального обслуживания граждан в Российской Федерации как одного из ключевых направлений социальной политики государства. Анализируется сущность социального обслуживания, его значение в обеспечении социальной защиты населения, основные принципы и формы предоставления социальных услуг, а также выявляются основные проблемы правового регулирования.

Ключевые слова: социальное обслуживание, социальная защита населения, социальное государство, социальные услуги, трудная жизненная ситуация, социальная политика, социальная поддержка.

Социальное обслуживание граждан является одной из ключевых форм реализации социальной функции государства и важнейшим инструментом обеспечения достойного уровня жизни населения, так как в условиях социально-экономических трансформаций, демографических изменений и роста социального неравенства значение системы социального обслуживания в Российской Федерации существенно возрастает.

Так, социальное обслуживание представляет собой совокупность мер, направленных на оказание гражданам помощи в преодолении трудных жизненных ситуаций, которые они не могут преодолеть самостоятельно, к которым относятся:

- утрата трудоспособности,
- инвалидность,
- пожилой возраст,

– болезнь,
– безработица,
– сиротство и иные обстоятельства, нарушающие нормальные условия жизнедеятельности человека.

В этом контексте социальное обслуживание выступает не только как форма материальной поддержки, но и как комплексная система социальных услуг, включающая социально-бытовую, социально-медицинскую, социально-психологическую, социально-правовую и иную помощь.

Определение закреплено в Федеральном законе от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», согласно которому, социальное обслуживание включает в себя предоставление социальных услуг, а также организацию социального сопровождения и профилактических мероприятий [1]. В соответствии со статьей 3 названного закона, социальное обслуживание представляет собой часть системы социального обеспечения, направленную на оказание помощи и поддержки тем категориям населения, которые в ней нуждаются.

Особое значение в системе социального обслуживания имеет принцип адресности и индивидуального подхода, поскольку современная модель социальной поддержки ориентирована не на формальное распределение помощи, а на выявление реальных потребностей конкретного человека, что выражается в разработке индивидуальных программ предоставления социальных услуг, которые учитывают состояние здоровья гражданина, его социальный статус, условия проживания и уровень дохода.

Вместе с тем система социального обслуживания в Российской Федерации сталкивается с рядом проблем, где к числу наиболее острых относятся недостаточность финансирования, кадровый дефицит в социальной сфере, высокая нагрузка на социальных работников, а также бюрократизация процедур получения социальной помощи. Кроме того, сохраняются региональные различия в доступности и качестве социальных услуг, что противоречит принципу равенства граждан в реализации социальных прав.

Многие учреждения социального обслуживания испытывают нехватку средств на развитие инфраструктуры и повышение качества услуг, что сказывается на доступности и эффективности социальной помощи. На практике, как отмечает Р. Х. Сулейбанова, часто наблюдаются ситуации, когда разработанные федеральные программы социального

обслуживания реализуются лишь частично, что связано с ограничениями в ресурсах учреждений, недостатком квалифицированных специалистов, высокой стоимостью обслуживания для предоставления специализированных услуг и другими факторами, влияющими на возможность полноценного социального сопровождения инвалидов» [3, с. 7].

Анализируя судебную практику Тюменской области, можно отметить, что в ряде случаев инвалиды сталкиваются с неполучением социальных услуг, на которые они имеют право. Например, встречаются дела, связанные с непредоставлением социального обслуживания на дому или услуг реабилитации, включая помощь специалистов по адаптации и обеспечению условий для самостоятельной жизнедеятельности, а недостаточная организация этих услуг отражает существующие проблемы в обеспечении доступности и качества социального обслуживания инвалидов на местном уровне».

Так, например, определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 5КГ19147 (от 18 ноября 2019 г.) — в котором представлен спор, связанный с незаконным отказом предоставлять социальные услуги по договору социального обслуживания пенсионеру/инвалиду [2].

Отдаленность от медицинских учреждений и сложные бытовые условия особенно остро сказываются на пожилых людях, которые нуждаются в посторонней помощи. В этом контексте Т. В. Тетерина и А. М. Мишарина предлагают внедрить в систему социального обслуживания такую форму поддержки, как «приемная семья» для пожилого человека [4, с. 48]. Согласно их исследованиям, создание подобного института позволит семьям, взявшим на себя заботу о пенсионерах, получать финансовую поддержку, что, по их мнению, обеспечит качественный уход за пожилыми людьми, проживающими в сельской местности, и одновременно снизит нагрузку на стационарные социальные учреждения.

Подводя итог, следует отметить, что социальное обслуживание граждан в Российской Федерации является сложной и многогранной системой, отражающей уровень социальной ответственности государства перед обществом, а эффективное функционирование данной системы возможно при условии комплексного подхода, сочетающего устойчивое финансирование, развитие кадрового потенциала, совершенствование нормативно-правовой базы и активное участие гражданского общества.

Литература:

1. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (с изм. от 19.10.2023 № 503-ФЗ) // СЗ РФ. 2013. № 52 (часть 1). Ст. 7007.
2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.11.2019 № 5-КГ19-147 // Кодексы. URL: https://gkrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-18112019-n-5-kg19-147/?utm_source= (дата обращения: 13.01.2026).
3. Сулейбанова, Р. Х. Проблемы социального обеспечения в РФ / Р. Х. Сулейбанова // Тенденции развития науки и образования. — 2020. — № 62–7. — С. 5–8.
4. Тетерина Т. В., Мишарина А. М. Проблемы социального обслуживания пожилых граждан в сельской местности // Актуальные исследования. 2019. № 3 (3). С. 47–50.

Условия соглашения об отступном

Клименко Софья Александровна, студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева (г. Москва)

Обязательственные правоотношения представляют собой огромный массив совершенно различных на первый взгляд, но обладающих, юридической общностью отношений.

Современные граждане и юридические лица обмениваются разнообразными материальными ценностями, передают друг другу права, компенсируют убытки и причинённый моральный или материальный вред, а также совершают иные действия, предусмотренные законодательством в рамках рассматриваемых правоотношений.

Изучаемая тема является актуальной, поскольку обязательства занимают центральное место в гражданском праве, выступая основой для регулирования многих правоотношений. Данное исследование направлено на изучение такого правового явления как обязательство, в рамках гражданского оборота, а также отступного, как одного из оснований прекращения обязательств.

Обязательство представляет собой «оковы», которыми связаны участники гражданского оборота, эта связь возможна лишь благодаря существованию правовой среды, созданной и поддерживаемой государством, и она представляет собой не абстрактную категорию, а правовое явление, направленное на исполнение требований кредитора должником для достижения их общей, согласованной цели.

Как и любое правовое явление, обязательство имеет свои признаки и характерные черты. Например, О. С. Иоффе [4], рассматривая юридическую природу обязательства, среди признаков выделял следующие:

- 1) обязательство имеет имущественный характер, оно опосредует процесс передачи имущества или результата труда, носящего имущественный характер.
- 2) обязательственное правоотношение носит относительный характер, так как лица в таком отношении всегда определены.
- 3) представление уполномоченному лицу возможности требовать определенного поведения от обязанного лица.

Резюмируя, О. С. Иоффе под обязательством понимал «закрепленное гражданским законом общественное отношение по перемещению имущества или результатов труда, в силу которого одно лицо — кредитор, вправе требовать от другого лица — должника, совершения определённых действий и обусловленного этим воздержания от совершения каких-либо действий».

М. М. Агарков [5] дал схожее определение обязательства: «гражданское правоотношение, в силу которого одно лицо (или несколько лиц) имеет право требовать от другого лица (или нескольких других лиц) совершения определённого действия либо воздержания от совершения какого-либо действия».

Современное законодательство закрепляет определение обязательства в Гражданском Кодексе Российской Федерации [1] (далее — ГК РФ) в ст. 307 — «В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т. п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности».

Статьей 8 ГК РФ предусмотрены основания возникновения обязательств: из договоров и сделок, из актов государственных органов и органов местного самоуправления, из судебных решений, вследствие причинения вреда другому лицу или неосновательного обогащения, а также по иным основаниям.

Основания и способы прекращения обязательств закреплены в главе 26 ГК РФ. Способы прекращения обязательств, согласно российскому законодательству, включают в себя: прекращение обязательства исполнением, отступное, прекращение обязательства зачетом, новацию, а также другие способы.

Отступное — отдельный самостоятельный отличный от других способов прекращения и изменения обязательств.

Необходимость изучения такого способа прекращения обязательств как отступное обусловлена тем, что этот институт гражданского права имеет большое значение для регулирования обязательств и их изменений в условиях современного общества.

Согласно ст. 409 ГК РФ, по соглашению сторон обязательство может быть прекращено предоставлением отступного — уплатой денежных средств или передачей иного имущества.

Таким образом, соглашение об отступном является двусторонним договором, заключение которого регулируется нормами Гражданского Кодекса РФ о договорах, в частности, о предмете и форме договора.

Требования к предмету и форме соглашения об отступном изложены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 N 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» (далее — Постановление) [2].

Согласно разъяснениям в указанном Постановлении, правила об отступном не исключают, что в качестве отступного помимо денежных средств или имущества может быть предоставлено выполнение работы, оказание услуги или осуществлено иное предоставление.

Законом, при этом, не установлен какой-либо перечень или ограничения для согласования сторонами предмета

соглашения. Установлен общий запрет, действующий при заключении сделок, в силу которого недопустимо нарушение прав и законных интересов других лиц и публичных интересов при заключении соглашения об отступном.

Согласно разъяснению Пленума, соглашение об отступном не может быть заключено сторонами до возникновения основного обязательства, но может быть достигнуто до момента возникновения просрочки основного обязательства должником. В этом случае его следует отличать, например, от соглашения о выплате расходов на исполнение обязательства на случай одностороннего отказа от сделки по части 4 ст. 310 ГК РФ.

Соглашением об отступном может быть предусмотрено прекращение, как договорных обязательств, так и обязательств из неосновательного обогащения. При этом по общему правилу обязательство первоначальное прекращается полностью, включая и дополнительные требования об уплате неустойки, процентов и др. если из соглашения об отступном при толковании его по правилам статьи 431 ГК РФ явно не следует, что обязательство прекращено в части.

Согласованный сторонами в соглашении об отступном момент предоставления должником отступного влияет на обязанность кредитора принять исполнение как надлежащее.

Как разъяснено в Постановлении, если стороны не согласовали иное, кредитор не может требовать от должника исполнения основного (первоначального обязательства) до наступления срока предоставления отступного. Если должник допустил просрочку в предоставлении отступного, кредитор вправе отказаться от предоставленного отступного и потребовать исполнения первоначального обязательства с начислением неустойки, процентов и штрафов за весь период просрочки исполнения первоначального обязательства. Требовать от должника предоставления отступного кредитор в этом случае не может.

К соглашению об отступном, согласно разъяснениям в п. 8 Постановления, применяется правила о форме договора, исходя из более строгого требования к форме, если для первоначального договора и соглашения об отступном законом предусмотрены разные формы заключения договора (простая письменная, нотариальная, с государственной регистрацией права).

В п. 6 Постановления установлено, что в случае передачи вещи в качестве отступного ее качество должно соответствовать требованиям, предусмотренным соглашением об отступном либо обычно предъявляемым требованиям к качеству такой вещи. В случае несоответствия таким требованиям, кредитор вправе отказаться от ее получения в качестве отступного.

Из этого следует вывод, что в этом случае кредитор, следуя принципу аналогии права, может потребовать исполнения от должника первоначального обязательства.

Как разъяснено в постановлении, истечение срока исковой давности по первоначальному обязательству не препятствует заключению соглашения об отступном.

Соглашение об отступном, заключенное в письменной форме после истечения срока исковой давности, в зависимости от его содержания может быть квалифицировано в качестве признания долга.

Таким образом, соглашение об отступном должно с ясностью указывать на предмет соглашения (денежные средства, вещи с требованием к ее качеству), которые передаются в качестве отступного, объем прекращаемого первоначального обязательства, момент предоставления отступного. Соглашение об отступном должно быть заключено в более строгой форме к договору, применительно к первоначальному обязательству или соглашению об отступном. Для того чтобы соглашение об отступном, состоявшееся после истечения срока исковой давности по требованиям по первоначальному обязательству, можно было квалифицировать как признание долга и основание для прерывания срока исковой давности, оно (соглашение об отступном) должно быть заключено сторонами в письменной форме.

Из обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2025) [3] следует, что при регистрации перехода права собственности на долю в праве общей долевой собственности на объект недвижимости по соглашению об отступном должны быть представлены доказательства соблюдения права преимущественной покупки других участников долевой собственности.

Среди некоторых проблем, возникающих при применении отступного, можно отметить:

- проблему определения справедливой стоимости предоставления отступного — так, несоответствие рыночной стоимости имущества или услуги их реальной ценности может привести к дополнительным спорам и к нарушению прав и законных интересов участников правоотношений;
- так как предоставлением отступного прекращаются не только договорные обязательства, но и, например, обязательства, которые возникают из неосновательного обогащения, права и интересы третьих лиц, публичные интересы не должны нарушаться;

- отсутствие требований к форме соглашения об отступном — по общему правилу юридические лица совершают сделки между собой и с гражданами в простой письменной форме. Рекомендуется составить договор в виде единого документа, который подписывают обе стороны договора, если только законом или договором не установлена иная форма, заверение соглашения у нотариуса является необязательным, но предпочтительным способом защиты прав и интересов участников правоотношений.

Резюмируя, можно сделать вывод о том, что отступное — это один из нескольких способов прекращения обязательств, предоставленный законодателем, при котором сторона не исполняет свои первоначально установленные обязательства, а передает взамен этого имущество или деньги.

Этот институт обладает значительным потенциалом для урегулирования споров и минимизации финансовых потерь сторон. Дальнейшее подробное изучение отступ-

ного должно помочь выработке конкретных рекомендаций для совершенствования механизма его применения. Разработка четких критериев оценки стоимости отступного, определение допустимых границ его приме-

нения и унификация требований к форме соглашения позволят полноценно раскрыть весь потенциал рассматриваемого института и повысят его эффективность в гражданском обороте.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025)//СПС КонсультантПлюс
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 N 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств»//СПС КонсультантПлюс
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2025)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) (ред. от 19.11.2025)// СПС КонсультантПлюс
4. Иоффе О. С. Советское гражданское право. Л.: Изд. Ленинградского ун-та, 1958. С. 370–371.
5. Агарков, М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву / М. М. Агарков. — Москва: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. — 192 с.

Правовой анализ территориальной схемы обращения с отходами Новосибирской области

Конев Никита Антонович, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье автор рассматривает основные проблемы территориальной схемы обращения с отходами Новосибирской области, в том числе правового характера, проводит анализ соответствия территориальной схемы основным нормативно-правовым актам в сфере обращения с отходами, выводит возможные риски при её реализации.

Ключевые слова: территориальная схема по обращению с отходами, Новосибирская область, система обращения с отходами, проблемы экономическо-правового характера.

Территориальная схема обращения с отходами является стратегическим региональным документом по развитию системы обращения с отходами на территории региона в долгосрочной перспективе. Надлежащее заполнение территориальной схемы обращения с отходами и ее практическое осуществление является одним из инструментов реализации конституционного права на благоприятную окружающую среду на территории субъекта РФ.

Проблематика территориальных схем неоднократно отмечалась в федеральных и региональных документах, например, в Обзоре судебной практики по делам, связанным с обращением с твердыми коммунальными отходами (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13 декабря 2023 г.) отмечены проблемы наполняемости территориальных схем, связанные с неправомерным включением или исключением объектов по обработке, обезвреживанию, утилизации, размещению ТКО в территориальную схему. Подтверждающие положения содержатся в п. 38 и п. 39 Обзора [5].

Региональная проблематика территориальной схемы обращения с отходами, в том числе с твердо-коммунальными, Новосибирской области (далее Территориальная схема НСО) утвержденной Постановлением Правительства Новосибирской области от 26.09.2016 № 292-п (в ред.

Постановления Правительства Новосибирской области 06.11.2024 № 504-п) отображена в отчете аудита Контрольно-счетной палаты Новосибирской области. Результат аудита выявил следующие проблемы [7]:

— несоответствия в территориальной схеме в части объема образования отходов и фактических объемов образования отходов. По отдельным районам отклонения составляют от 40,3 % до 120,6 %;

— нестыковка балансов отходов в территориальной схеме. Отсутствует информация о движении 173,5 тыс.т. остатков отходов после обработки;

— длительный период актуализации территориальной схемы до 9 месяцев.

Для углубленного понимания проблематики Территориальной схемы НСО, оценки степени ее проработанности и учета основных обязательных требований, проведен правовой анализ на соответствие данного документа ключевым нормам действующего законодательства в сфере обращения с отходами. Результат анализа представлен в таблице 1.

Проведенный правовой анализ показал ряд несоответствий Территориальной схемы НСО основным федеральным нормативно-правовым актам в сфере

Таблица 1. Анализ Территориальной схемы НСО на соответствие нормативно-правовым актам в сфере обращения с отходами

Ссылка на НПА с требованиями к территориальной схеме	Отображение в Территориальной схеме Новосибирской области [6]
п. 2 ст. 3 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» [1] — Приоритеты государственной политики в сфере обращения с отходами	Закреплены в IV разделе в виде основных направлений развития сферы обращения с отходами в области. Упущен приоритет по предотвращению образования отходов.
п. 3 ст. 13.3 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» [1] — Обязательные требования к содержанию тер. схемы	В содержании отображены основные требования, указанные п. 3 ст. 13.3 Закона об отходах. Отсутствуют данные о показателях эффективности объектов обработки, обезвреживания, утилизации, захоронения ТКО, обеспечивающих достижение таких целевых показателей (с разбивкой по годам), а также перечень труднодоступных территорий и данные о перегрузочных станциях. Вместо перегрузочных станций применяются площадки временного накопления
п. 5 Указа Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [2] - Целевые показатели и задачи национальной цели «Экологическое благополучие»	В целевых показателях территориальной схемы отображены национальные цели, установленные пп. «а» п. 5 Указа, но показатель «доля населения, охваченная вывозом ТКО» остается на уровне 97,5 % до 2030, что приводит к невыполнению показателя по 100 % сортировке образуемых ТКО. Также отсутствуют прогнозные данные по образованию отходов в тоннах с разбивкой по годам (до 2030г.) и сведения о перспективных объектах утилизации, обеспечивающих реализацию национальных целей
Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 326 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Охрана окружающей среды» [4]	В Территориальной схеме не содержится сведений о строительстве на территории области экотехнопарка, который должен быть одним из 8 объектов в стране для реализации Государственной программы.
Постановление Правительства РФ от 6.06.2024 г. № 775 «О территориальных схемах обращения с отходами производства и потребления» [3] п. 5 — Требования к перечню основных разделов тер. схемы п. 6–12 Содержание разделов тер. схемы	<p>Основные разделы присутствуют, но названия не соответствуют указанным в пп. «а» и «в» п. 5 Постановления.</p> <p>В целевых показателях отсутствует показатель по извлечению из ТКО вторичных ресурсов с разбивкой по годам (п. 6 Постановления).</p> <p>Отсутствуют данные о расчетных величинах образования, обработки, утилизации и (или) обезвреживания, размещения ТКО на текущий год и по годам на весь период действия тер. схемы (п. 7 Постановления).</p> <p>Отсутствуют сведения о перегрузочных станциях и о плановых значениях объектов обработки, показатели утилизации: показатель эффективности производства искусственных грунтов, показатель реализации вторичных ресурсов (п. 8 Постановления).</p> <p>Не обозначены значения плановых показателей эффективности проектируемых и строящихся объектов, обеспечивающих достижение целевых показателей. Нет разделения проектируемых и строящихся объектов (п. 9 Постановления).</p> <p>В схеме потоков отходов отсутствуют: начальные точки маршрута, как наименования муниципальных образований (за начальные точки обозначены муниципальные районы); расчетная протяженность маршрутов в км; расчетная масса транспортируемых ТКО в тыс. тонн; расчетная работа по транспортированию ТКО в тыс. тонн (п. 10 Постановления).</p> <p>В электронной модели тер. схемы отсутствуют: расчетная масса и объем по каждой категории отходообразователей, расчетный коэффициент плотности ТКО кг на куб м., количество контейнеров (бункеров), планируемых к приобретению региональным оператором, потребность в организации новых мест (площадок) накопления (п. 12 Постановления).</p>

обращения с отходами. Основные несоответствия проявляются в отсутствии или недостаточности обозначенным требованиям показателей экономической эффектив-

ности территориальной схемы, например, показатели эффективности существующих и будущих объектов сферы обращения с отходами, прогнозные данные об обра-

зовании отходов в тоннах на весь период действия территориальной схемы, показатели по извлечению и использованию вторичных ресурсов в процессе обработки ТКО и др.

Также в Территориальной схеме НСО отсутствуют подробные сведения об имеющихся в области труднодоступных территориях, указаны только их общее количество — 199 населенных пунктов, но не указано, как оттуда будут вывозиться отходы. Нет детализации о количестве образуемых отходов от каждой группы отходообразователей, подробных описаний маршрутов движения отходов с указанием расстояний в км, перечня построенных и планируемых к строительству объектов утилизации отходов и др.

Данные несоответствия основным правовым нормам превращают Территориальную схему НСО, из документа регламентирующего экономическое развитие системы обращения с отходами на территории Новосибирской области в формальный документ без практического ориентирования. Действие, которого влечет за собой следующие риски:

— невыполнение федеральных целевых показателей в сфере обращения с отходами на территории Новосибирской области;

— отсутствие финансирования на реализацию запланированных мероприятий и реализацию проектов по созданию инфраструктуры по обращению с отходами в регионе;

— ухудшение экологической и санитарно-эпидемиологической обстановки в области из-за отсутствия налаженной циклической системы обращения с ТКО;

— отсутствие прозрачности в отрасли из-за отсутствия расчетных и реальных экономических показателей,

позволяющих контролировать деятельность регионального оператора и иных операторов в сфере обращения с отходами.

Первые три риска, существующие в последней редакции территориальной схемы, также были выделены при проведении SWOT-анализа территориальной схемы Новосибирской области в редакции от 24.05.2021. Данный анализ был проведен в рамках исследовательской работы в 2022г. Помимо актуальных рисков в современной редакции остаются актуальные выделенные при анализе некоторые слабые стороны территориальной схемы, например, ориентация конечного развития отрасли на захоронение и отсутствие приоритета в использовании наилучших доступных технологий [8].

В действующей редакции это закреплено при реализации комбинированной схемы [6] в виде строительства большинства комплексных полигонов с участками размещения отходов и объектами обработки (мобильными сортировочными линиями), без строительства участков/объектов утилизации и обезвреживания отходов, а также развития системы раздельного накопления только в виде установки дополнительных баков, без активного развития дальнейшей инфраструктуры по использованию этих раздельно-собранных отходов.

Таким образом, правовой и сравнительный анализ Территориальной схемы НСО показал необходимость переориентирования подходов по развитию сферы обращения с отходами в регионе в соответствии с требованиями федерального законодательства. Выявленные проблемы могут послужить ориентирами для совершенствования, как отдельно территориальной схемы, так и в целом региональной правовой системы в сфере обращения с отходами на территории Новосибирской области.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. Об отходах производства и потребления: Федеральный закон № 89-ФЗ: [принят Государственной Думой 22 мая 1998 года: одобрен Советом Федерации 10 июня 1988 года] (последняя редакция). — СПС «ГАРАНТ». — Текст электронный;
2. Российская Федерация. Указы Президента РФ. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 № 309. — СПС «ГАРАНТ». — Текст электронный;
3. Российская Федерация. Постановления Правительства РФ. О территориальных схемах обращения с отходами производства и потребления: Постановление Правительства Российской Федерации от 06.06.2024 г. N 775. — СПС «ГАРАНТ». — Текст электронный;
4. Российская Федерация. Постановления Правительства РФ. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Охрана окружающей среды»: Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 г. N 326. — СПС «ГАРАНТ». — Текст электронный;
5. Российская Федерация. Судебная практика ВС РФ. Обзор судебной практики по делам, связанным с обращением с твердыми коммунальными отходами: Президиум Верховного Суда РФ от 13.12.2023. — СПС «ГАРАНТ». — Текст электронный;
6. Российская Федерация. Постановления Правительства Новосибирской области. Территориальная схема обращения с отходами, в том числе с твердо-коммунальными, Новосибирской области: Постановление Правительства Новосибирской области от 26.09.2016 № 292-п (в ред. Постановления Правительства Новосибирской области 06.11.2024 № 504-п). — Текст: электронный // Министерство жилищно-коммунального хозяйства и энергетики Новосибирской области: [сайт]. — URL: <https://mjkh.nso.ru/page/7199> (дата обращения 15.02.2026);

7. КСП Новосибирской области проанализировала меры, направленные на создание устойчивой системы обращения с твердыми коммунальными отходами и формированию экономики замкнутого цикла. — Текст: электронный // Контрольно-счетная палата Новосибирской области [сайт]. — URL: <https://ksp.nso.ru/news/1683> (дата обращения 10.02.2026);
8. Цускман Е. И., Конев Н. А. Территориальная схема по обращению с отходами Новосибирской области: SWOT-анализ / Е. И. Цускман, Н. А. Конев. — Текст: непосредственный // Научные записки НГУЭУ. — 2022. — № 3. — С. 31–33.

Проблемы формирования кадрового резерва на должности судей и председателей судов Алтайского края

Куренных Олеся Николаевна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

Данная работа посвящена исследованию основных трудностей, возникающих при формировании кадрового резерва кандидатов на должности судей в Алтайском крае. Рассматриваются основные факторы, влияющие на эффективность процесса подбора кадров, а также предлагаются меры по улучшению ситуации. В работе использованы статистические данные, публикации специализированных изданий и мнения экспертов отрасли.

Ключевые слова: кадровый резерв судей, проблемы формирования кадрового резерва, квалификационный экзамен на должность судьи.

Введение

Эффективность судебной власти определяется качеством принимаемых решений, которое, в свою очередь, зависит от уровня профессионализма судейского корпуса. Формирование качественного кадрового резерва является важнейшей задачей современного правового государства. Несмотря на принимаемые на региональном уровне меры по развитию кадрового потенциала судебной системы, проблема нехватки компетентных кандидатов на должности судей остается актуальной и обуславливает необходимость детального анализа существующих препятствий и разработки предложений по оптимизации процедуры формирования судейского корпуса.

На сегодняшний день в Алтайском крае наблюдается значительный дефицит судей, особенно в районных судах сельской местности региона. Причинами дефицита являются недостаточный уровень оплаты труда и социальной защищенности, а также высокая служебная нагрузка на судей и работников аппарата суда, отдаленность населенных пунктов и отсутствие возможностей для профессионального развития.

Кроме того, важную роль играет недостаточно эффективная система отбора кандидатов. По мнению Е. З. Васютина, «при формировании судейского корпуса в настоящее время выявились две основные тенденции: длительность назначения на должность судьи и нередко фактическое отсутствие конкурса при выборе кандидатов на должность судьи квалификационными коллегиями судей» [1].

В постановлении Совета судей Алтайского края от 19 декабря 2025 года № 141 указано, что постановлением № 88 от 20 декабря 2019 года было утверждено Положение

о кадровом резерве, устанавливающее порядок и условия формирования кадрового резерва кандидатов на должности судей и руководителей судов [2]. Комиссией по вопросам организационно-кадровой работы была обобщена и систематизирована проводимая в Алтайском крае работа с кадровым резервом, закреплены формы подготовки указанного резерва [3].

Комиссией по вопросам организационно-кадровой работы Совета судей Алтайского края была обобщена и проанализирована информация по исполнению указанного Положения на основании данных, представленных Управлением Судебного департамента в Алтайском крае, Экзаменационной комиссией Алтайского края, а также районными и городскими судами [3].

Отдел государственной службы и кадров Управления Судебного департамента в Алтайском крае два раза в год (к 1 марта и к 1 сентября) запрашивает у районных (городских) судов Алтайского края, а также у Барнаульского гарнизонного военного суда информацию о кандидатах на должности председателей, заместителей председателей судов, судей районных (городских) судов, мировых судей Алтайского края, а также о кандидатах, планирующих сдать квалификационный экзамен на должность судьи (с приложением характеристики, листа изучения кандидата и справки о результатах прохождения стажировки). Данные сведения обобщаются и систематизируются в сводные списки, которые составляют единую информационную базу лиц, включенных в кадровый резерв судов края. По данным Управления Судебного департамента в Алтайском крае, по состоянию на декабрь 2025 года в судах Алтайского края числились вакантными 35 должностей. Из них 10 должностей председателей судов,

2 должности заместителей председателей и 23 должности федеральных судей. В отношении мировых судей вакантными являлись 8 должностей. В целом общее количество вакантных должностей председателей, заместителей председателей и судей в 2025 году снизилось (в 2024 году было 53 вакансии), что свидетельствует о положительной динамике. По данным Управления Судебного департамента в Алтайском крае, в районных (городских) судах сформирован следующий кадровый резерв: на должность председателя — 30 кандидатов; на должность заместителя председателя — 13 кандидатов; на должность судьи районного (городского) суда — 39 кандидатов; на должность мирового судьи — 11 кандидатов; планирующих сдать квалификационный экзамен — 24 кандидата. За период с 1 марта 2024 года по 2 декабря 2025 года из числа кадрового резерва исключены 29 кандидатов в связи с их назначением на должности судей районных (городских) судов и мировых судей Алтайского края. В 22 районных (городских) судах Алтайского края кадровый резерв на должности председателей, заместителей председателей судов, судей районных (городских) судов и мировых судей фактически не сформирован, что составляет 32,84 % от общего количества судов Алтайского края. В 2024 году данный показатель составлял 30,44 %. В настоящее время необходимый кадровый резерв на соответствующие должности судей, как правило, сформирован лишь в многосоставных городских (районных) судах Алтайского края [3].

Формирование кадрового резерва начинается со сдачи квалификационного экзамена на должность судьи. По информации Экзаменационной комиссии Алтайского края, за период с января по декабрь 2025 года квалификационный экзамен на должность судьи сдавали 70 кандидатов, из них 63 — на должность судьи суда общей юрисдикции и 7 — на должность судьи арбитражного суда. В 2024 году экзамен сдавали 93 кандидата. Таким образом, по сравнению с предыдущим годом количество кандидатов уменьшилось почти на 25 %. Из 70 кандидатов экзамен сдали 46, что составило 65,7 %. В 2024 году данный показатель составлял 63,4 % от числа сдававших. Таким образом, процент успешно сдавших экзамен в 2025 году незначительно увеличился. Из 46 кандидатов, сдавших квалификационный экзамен, 27 получили оценку «отлично», 19 — «хорошо». По состоянию на декабрь 2025 года резерв кандидатов на должности судей судов Алтайского края, сдавших квалификационный экзамен, составляет 58 человек (в 2024 году было 63 человека).

По представленным данным можно предположить, что к сдаче квалификационного экзамена на должность судьи чаще готовятся сотрудники судов, в частности помощники судей Алтайского краевого суда и помощники судей районных (городских) судов. Согласно информации комиссии Совета судей, в ряде малосоставных судов Алтайского края в настоящее время отсутствуют кандидаты, планирующие сдавать квалификационный экзамен на должность судьи. В то же время в многосоставных судах Алтайского края при наличии достаточного коли-

чества помощников судей число лиц, планирующих сдачу экзамена в ближайшее время, остается относительно небольшим.

Среди факторов, препятствующих созданию эффективной системы кадрового резерва судей, можно выделить следующие:

Дефицит финансирования. Ограниченный бюджет краевых органов исполнительной власти затрудняет проведение мероприятий по привлечению новых кандидатов, организацию тренингов и повышение квалификации судей. Финансовые ограничения влияют на подготовку молодых специалистов и создают препятствия для стимулирования выпускников юридических факультетов к осуществлению деятельности, связанной с судопроизводством.

Отсутствие прозрачности процедур назначения. Конкурсная процедура нередко становится объектом критики из-за отсутствия открытости и ясности критериев выбора кандидатов. Такое положение снижает привлекательность участия в конкурсной процедуре для наиболее квалифицированных кандидатов, предпочитающих другие виды юридической деятельности.

Высокая загруженность судей. Большая рабочая нагрузка судей зачастую приводит к снижению качества принимаемых решений, сокращению продолжительности профессиональной деятельности и повышению уровня стресса, что отрицательно влияет на желание молодых специалистов строить карьеру в области юстиции.

Неблагоприятные социально-экономические условия проживания. Особенно остро эта проблема проявляется в удаленных районах края, где невысокий уровень оплаты труда, неудовлетворительные жилищные условия и отсутствие развитой инфраструктуры значительно снижают привлекательность судебно-юридической карьеры.

Для улучшения качества кадрового резерва предлагаются следующие рекомендации:

— совершенствование системы оплаты труда судей, улучшение условий труда, предоставление социальных гарантий;

— совершенствование конкурсного отбора путем введения дополнительного этапа собеседования с психологическим тестированием и оценкой мотивации кандидата;

— организация региональных конференций и симпозиумов, направленных на обмен опытом и лучшими практиками среди судей, соискателей и студентов правовых специальностей;

— обеспечение информированности студентов юридических вузов о реальных возможностях и преимуществах профессиональной деятельности в должности судьи;

— создание единой базы данных кандидатов, прошедших первичный отбор, для последующего мониторинга их профессионального роста и включения в кадровый резерв.

Решение проблем формирования кадрового резерва кандидатов на должности судей требует комплексного подхода, включающего повышение привлекательности

профессии, разработку четких критериев отбора, привлечение опытных преподавателей к подготовке кандидатов и оптимизацию образовательного процесса.

Только таким образом можно обеспечить эффективное функционирование судебной системы и укрепить доверие граждан к правосудию.

Литература:

1. Васютин Е. З. О порядке формирования судейского корпуса // Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://vkks.ru/publication/179/> (дата обращения: 03.03.2026).
2. Постановление Совета судей Алтайского края от 20.12.2019 № 88 «О результатах рассмотрения вопроса формирования кадрового резерва председателей районных (городских) судов края, федеральных и мировых судей, кандидатов в судьи».
3. Отчет председателя комиссии по организационно-кадровой работе / С. И. Косых об итогах работы в 2025 году, утвержденный Постановлением Совета судей Алтайского края от 30.01.2026 № 8 «О подведении итогов работы постоянной комиссии по вопросам организационно-кадровой работы в 2025 году».

Уголовное законодательство стран Азии о фальсификации доказательств и его значение для России

Лепехова Евгения Андреевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В рамках изучения возможностей оптимизации УК РФ автор проводит анализ законодательства азиатских стран об ответственности за подделку улик. Исследование охватывает три группы государств: центральноазиатские республики бывшего СССР, ведущие страны Азиатско-Тихоокеанского региона и Монголию.

Ключевые слова: посягательства на правосудие, фальсификация доказательств, уголовное судопроизводство, зарубежное уголовное право, азиатская правовая традиция.

Одним из фундаментальных принципов справедливого правосудия выступает конституционное требование, закрепленное в ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, запрещающее использование улик, добытых с нарушением процессуального закона. Гарантией защиты прав личности в уголовном процессе служит недопустимость применения искаженных или подложных материалов. В связи с этим противодействие посягательствам на достоверность доказательственной базы приобретает особую значимость.

В частях 2 и 3 ст. 303 УК РФ предусмотрена ответственность для представителей стороны обвинения (прокуроров, следователей, дознавателей), а также защитников за подделку улик по уголовному делу. Однако правоприменительная деятельность сопряжена с рядом трудностей, о чем свидетельствуют противоречия в разъяснениях Верховного Суда РФ. Корень проблем, по мнению специалистов, кроется в несовершенстве законодательных формулировок, что создает препятствия для точной квалификации деяний.

В этой связи изучение зарубежного опыта привлечения к ответственности за искажение доказательств представляет значительный интерес для определения ориентиров совершенствования отечественного законодательства. Компаративистский подход способствует не только обо-

гащению научных знаний о правовых системах мира, но и гармонизации национальных норм [1, с. 3–4].

Как справедливо отмечал Б. В. Волженкин, при взаимодействии важно избегать двух крайностей: бездумного копирования без учета российских реалий и полного игнорирования успешных мировых практик [2, с. 246]. Поддерживая позицию А. И. Коробеева, стоит подчеркнуть, что российская уголовно-правовая наука долгое время ориентировалась преимущественно на западные образцы, тогда как эволюция права в восточном направлении исследована гораздо слабее, несмотря на евразийскую сущность России [3, с. 434].

Границы понятия «Азия» размыты и имеют скорее историко-культурное, чем географическое содержание [4, с. 34–35; 5, с. 3–4]. В рамках данной работы автор сосредоточил внимание на двух блоках государств, традиционно относимых к Азии: центральноазиатские республики бывшего СССР (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан) и ведущие страны АТР (Китай, Япония, Республика Корея) в совокупности с Монголией.

Среди постсоветских государств ЦА лишь в Уголовном кодексе Туркменистана отсутствует отдельная норма, посвященная фальсификации доказательств. В остальных странах прослеживается влияние Модельного УК СНГ 1996 года [6, с. 89]. Так, ст. 336 Модельного кодекса прак-

тически дословно воспроизведена в ст. 303 УК РФ и ст. 359 УК Таджикистана.

Вместе с тем, уголовные законы Казахстана, Киргизии и Узбекистана демонстрируют более оригинальные и детализированные подходы. Например, в ст. 416 УК РК и ст. 361 УК КР речь идет о фальсификации не просто «по делу», а «в ходе уголовного судопроизводства», что некоторые авторы считают терминологически более точным [7, с. 193; 8, с. 17]. Предмет преступления расширен за счет включения протоколов следственных действий (ст. 361 УК КР) или материалов доследственных проверок (ст. 2301 УК РУ).

Узбекский законодатель предпринял попытку раскрыть содержание термина «фальсификация», определяя ее как подделку, внесение ложных сведений и иные искажения (ст. 2301 УК РУ). В этой же норме конкретизирована субъективная сторона через указание на корыстные или иные низменные побуждения.

Существенно расширен и круг субъектов преступления. Помимо должностных лиц, ведущих процесс, ответственность могут нести «специалисты, участвующие в процессуальных действиях» (Казахстан, Киргизия), а также «лица, привлекаемые к доказыванию» (Узбекистан). Данный подход отражает актуальную для России дискуссию о необходимости расширения субъектного состава ст. 303 УК РФ [7, с. 202–203; 9, с. 222–223; 10, с. 160–161; 11, с. 48].

Центральноазиатские кодексы предлагают интересные варианты дифференциации ответственности. В качестве квалифицирующих признаков выступают: наступление тяжких последствий в виде вынесения неправоудного приговора (ч. 5 ст. 461 УК РК) или незаконного задержания / осуждения (п. «б» ч. 2 ст. 2301 УК РУ); особый предмет посягательства — дела о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних (ч. 6 ст. 461 УК РК); совершение деяния в соучастии (п. «а» ч. 2 ст. 2301 УК РУ).

В праве стран АТР наблюдаются иные законодательные конструкции. В УК КНР нормы о подделке улик рассредоточены по разным главам. Специальный субъект (адвокат, представитель) фигурирует в ст. 306, а ответственность за фальсификацию протокола секретарем заседания вытекает из ст. 305 УК КНР («лжесвидетельство») [12, с. 156–160]. Для сотрудников юстиции, виновных в искажении фактов, предусмотрена специальная норма ст. 399 УК КНР [13, с. 45], а общий субъект может быть привлечен по ст. 243 УК КНР за заведомо ложный донос с целью привлечения кого-либо к уголовной ответственности [12, с. 130].

Япония и Республика Корея демонстрируют сходные модели. В УК Японии (гл. 7) и УК Республики Корея (гл. X) установлена ответственность за уничтожение, подделку, видоизменение доказательств, а также за использование подложных улик [14, с. 210; 15, с. 117]. Важной особенностью является признание субъектом преступления любого лица. В связи с этим законодатель предусматривает возможность освобождения от наказания близких

родственников обвиняемого (ст. 105 УК Японии, п. 4 ст. 155 УК Республики Корея), что отражает традиционное отношение к семейным узам.

Показательна эволюция монгольского законодательства. Если УК Монголии 2002 года практически копировал ст. 303 УК РФ, то редакция 2015 года подверглась существенной модернизации [16, с. 96–97]. В ч. 1 ст. 21.1 нового УК объединены различные формы посягательств на доказательства: от уничтожения до предоставления ложных сведений. При этом ч. 2 той же статьи выделяет в качестве особо квалифицированного состава деяния, совершенные должностными лицами (следователями, прокурорами, судьями) и теми, на кого возложена обязанность по хранению улик.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд предложений, потенциально полезных для совершенствования ст. 303 УК РФ.

Во-первых, расширение объективной стороны. Целесообразно рассмотреть вопрос о криминализации не только подделки (фальсификации в узком смысле), но и таких деяний, как умышленное уничтожение, повреждение, сокрытие или незаконная передача доказательственных материалов, а также использование заведомо подложных улик.

Во-вторых, пересмотр круга субъектов. Ввиду того, что доступ к доказательствам имеют не только следователь и защитник, но и специалисты, переводчики, понятые, а также секретари судебных заседаний, представляется обоснованным либо расширить перечень специальных субъектов, либо установить ответственность общего субъекта за определенные формы этого деяния (по аналогии с Японией, Кореей или Китаем).

В-третьих, детализация квалифицирующих признаков. Азиатский опыт демонстрирует возможность более гибкой дифференциации наказания. В российскую статью можно было бы добавить такие отягчающие обстоятельства, как совершение преступления группой лиц, либо наступление конкретных тяжких последствий (например, вынесение незаконного приговора или применение меры пресечения в виде заключения под стражу в результате подделки улик).

Подводя итог сравнительно-правовому анализу, следует отметить, что законодательство азиатских государств демонстрирует достаточно интересные и во многом самостоятельные подходы к регламентации ответственности за фальсификацию доказательств. Разумеется, прямое копирование зарубежных норм в российскую правовую систему было бы ошибкой, однако их изучение позволяет иначе взглянуть на некоторые устоявшиеся конструкции отечественного уголовного права.

Обращает на себя внимание тот факт, что в странах Азии (за исключением государств постсоветского пространства, ориентированных на модель СНГ) состав фальсификации доказательств сконструирован преимущественно как деяние общего субъекта. Это, на наш взгляд, снимает ряд сложностей, связанных с доказыва-

нием специального статуса лица, совершившего преступление. В России же, как показывает судебная практика, именно установление признаков специального субъекта нередко вызывает затруднения.

Кроме того, заслуживает внимания и более широкий подход к определению объективной стороны. В рассмотренных уголовных кодексах фальсификация не ограничивается подделкой или фабрикацией улик, а охватывает также их умышленное уничтожение, сокрытие или видоизменение. Представляется, что подобная трактовка в большей степени соответствует реальным потребностям правоприменительной деятельности, поскольку способы искажения доказательственной базы на практике могут быть весьма разнообразными.

Нельзя обойти вниманием и вопрос дифференциации ответственности. В некоторых азиатских юрисдикциях законодатель счел необходимым выделить такие квалифицирующие признаки, как совершение деяния группой лиц

либо наступление конкретных последствий в виде вынесения незаконного приговора. В российской же ст. 303 УК РФ этот аспект проработан менее детально, что порождает дискуссии среди теоретиков и практиков о пределах судебного усмотрения.

Таким образом, полагаем, что опыт стран Азии может быть полезен при дальнейшем совершенствовании отечественного уголовного законодательства. Однако любые законодательные изменения должны проводиться взвешенно, с учетом сложившихся в российской правовой системе традиций, особенностей правоприменительной практики и реальных потребностей борьбы с преступностью. Важно сохранить баланс между необходимостью усиления ответственности за посягательства на интересы правосудия и соблюдением прав участников уголовного процесса. Дальнейшие научные исследования в этом направлении представляются вполне оправданными и своевременными.

Литература:

1. Есаков Г. А. Основы сравнительного уголовного права. Москва, 2007.
2. Волженкин Б. В. Экономические преступления. Санкт-Петербург, 1999.
3. Российское уголовное право: курс лекций. В 8 т. Т. 2. Наказание / под ред. А. И. Коробеева. Владивосток, 1999.
4. Горкин А. П. Как, наконец, проходит граница между Европой и Азией? // География. 2010. № 10.
5. Горохов С. А. Современная Азия // География. 2010. № 11.
6. Волженкин Б. В. Пояснительная записка к Модельному Уголовному кодексу для государств — участников СНГ // Правоведение. 1996. № 1.
7. Емеева Н. Р. Уголовная ответственность за преступления против правосудия, совершаемые судьями и должностными лицами правоохранительных органов. Казань, 2008.
8. Скибинский А. В. Определение признаков фальсификации доказательств // Уголовный процесс. 2006. № 12.
9. Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. Санкт-Петербург, 2005.
10. Кулешов Ю. И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения. Владивосток, 2007.
11. Чучаев А., Дворянсков И. Фальсификация доказательств // Уголовное право. 2001. № 2.
12. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общ. ред. А. И. Чучаева, А. И. Коробеева; пер. с китайского Хуан Даосю. Москва, 2021.
13. Кулешов Ю. И. Особенности систематизации преступлений против правосудия в некоторых странах АТР: Японии, Республике Корея, Китайской Народной Республике // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2012. № 3.
14. Уголовный кодекс Японии / науч. ред. А. И. Коробеев; пер. В. Н. Еремин. Санкт-Петербург, 2002.
15. Уголовный кодекс Республики Корея / науч. ред. А. И. Коробеев; пер. В. В. Верхоляка. Санкт-Петербург, 2004.
16. Уголовный кодекс Монголии / перевод Галбадрах Батболд, Вандан-Иш Амарсанаа; под ред. М. В. Бавсун, А. А. Нечепуренко. Омск, 2020.

Договор продажи недвижимости: раздел о расчетах с продавцом-должником по просроченным кредитам

Макарова Наталья Владимировна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье рассмотрена схема проведения расчетов при приобретении объекта недвижимости, являющегося предметом залога, при наличии у продавца просроченной задолженности как по ипотеке, так и по иным обязательствам,

в том числе при наличии исполнительных производств и запрета регистрационных действий в отношении объекта недвижимости, являющегося предметом договора.

Ключевые слова: договор купли-продажи, просроченная задолженность, исполнительное производство, запрет регистрационных действий, зачёт встречных однородных требований.

Согласно данным Центрального банка Российской Федерации, накопленная просроченная задолженность по ипотечным кредитам на 01.01.2026 года достигла 205 377,09 млрд руб. [5]. Объем просроченных долгов по ипотечным жилищным кредитам за год вырос на 76,6 %. Об этом пишет 31.01.2026 и РБК, ссылаясь на информацию бюро кредитных историй «Скоринг Бюро». [6].

С другой стороны, не вызывает дискуссии утверждение, что заёмщики стараются максимально долго сохранять залоговое жильё, потому что в нём проживают, и если возникла просрочка по ипотеке, то это означает, что платежи по иным кредитам и кредитным картам уже не осуществляются, у такого заёмщика-ипотечника с большой вероятностью есть задолженность по налогам, коммунальным услугам и штрафам. Взыскание по просроченной задолженности по потребительским кредитам, кредитным картам, коммунальным платежам и штрафам производится Федеральной службой судебных приставов, которая в рамках исполнительного производства арестовывает счета должника и выносит постановления о запрете регистрационных действий в отношении принадлежащих должнику объектах недвижимого имущества.

В то же время, по оценке Росстата, на начало 2026 года на покупку продовольственных товаров уже уходило 39 % всех трат россиян [7], доходов на покрытие кредитных, в том числе ипотечных платежей не хватает. Объем просроченной задолженности будет неизбежно расти, такой прогноз делают и эксперты ЦБ РФ [8]. У ипотечного заёмщика, имеющего длящиеся просрочки по ипотеке, есть альтернатива — ждать судебного взыскания и реализации залоговой квартиры во исполнение решения суда или продать залоговую квартиру самостоятельно — такую возможность включили в Закон об ипотеке (залоге недвижимости) 28 мая 2024 года [2]. Безусловно, часть заёмщиков своим правом на самостоятельную реализацию предмета залога воспользуются, а в ближайший год-полтора количество залоговых объектов от продавцов с просроченной задолженностью предлагаться к продаже только больше.

Продажа квартиры, которая является предметом залога по ипотечному кредиту без просроченной задолженности, на сегодняшний день не является сложным процессом. Существует несколько способов расчета с продавцом квартиры: под контролем банка-кредитора с открытием двух аккредитивов, на один из которых размещаются средства для погашения кредита, а на второй — сумма превышения задолженности по кредиту; с погашением задолженности в день подписания договора продажи залоговой квартиры; с размещением средств на аккредитив и дальнейшей трансферацией аккредитива

в сумме размера задолженности по ипотечному кредиту на день раскрытия аккредитива.

Но так ли просто продать квартиру, когда она и в залоге у банка, и с запретом на регистрационные действия, а собственник — с арестованными счетами?

Кажется, что самый простой способ — это погасить имеющиеся задолженности, в отношении которых имеется исполнительное производство, тогда запрет регистрационных действий будет снят. Но для покупателя такое действие означает произвести оплату части стоимости квартиры до подписания договора продажи квартиры, что в значительной степени повышает риски покупателя лишиться собственных денег в случае отказа продавца заключать договор продажи недвижимости либо в случае, если продавец умрет до подписания договора.

Есть еще один нюанс: покупателям при осуществлении сделок приобретения недвижимости в целях подтверждения критериев добросовестности крайне важно иметь так называемый «цифровой след» осуществленных расчетов. Если у продавца арестованы счета, то безналичный перевод от покупателя продавцу для погашения задолженности по исполнительным производствам становится бессмысленным — деньги поступят на счет продавца и останутся на счете. Передача наличных денег продавцу с составлением расписки не гарантирует исполнение продавцом-должником обязательств по исполнительным производствам и не оставляет никаких цифровых следов, поэтому как вариант оплаты рассматриваться не может.

Помимо невозможности регистрации перехода права к покупателю у такого продавца ненулевая вероятность банкротства в будущем, что, в свою очередь, создает перспективу оспаривания сделки продажи квартиры в рамках банкротной процедуры либо как сделки с предпочтением, либо как сделки, совершенной в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов.

Ситуация видится как замкнутый круг: надо передать деньги для погашения задолженности, но в то же время, деньги передавать нельзя; без получения денег продавец квартиры задолженность не погасит — у него для этого просто нет финансовой возможности. Актуальность поиска решения проблемы очевидна уже сейчас, а с течением времени только возрастёт.

Выходом из подобной ситуации будет особая схема расчетов с продавцом, когда погашение задолженностей продавца осуществляется покупателем в день подписания договора продажи недвижимости, минуя счета продавца-должника. Этот порядок расчетов подробно описывается в договоре продажи недвижимости. Но до составления договора с такой схемой расчетов нужно будет совершить несколько действий, по итогам которых станет понятна

реальность безопасной для покупателя и приемлемой для продавца сделки продажи недвижимости.

Как было указано выше, продавцы недвижимости помимо действующего ипотечного кредита могут иметь задолженности по потребительским кредитам, кредитным картам, займам в микрофинансовых организациях, задолженности по коммунальным платежам, налогам и штрафам. В современной России вся информация о долгах фиксируется (исключение составляют частные займы): кредиторы формируют кредитную историю, для чего передают данные в бюро кредитных историй в течение 2-х дней после наступления любого события по кредиту [3]. Служба судебных приставов формирует банк данных, содержащий сведения, необходимые для осу-

ществления задач по принудительному исполнению судебных актов, актов других органов и должностных лиц [4]. Данные о налоговой задолженности отображаются в Личном кабинете налогоплательщика для физических лиц или его мобильной версии — приложении «Налоги ФЛ». На этапе подготовки к проведению сделки необходимо установить суммы задолженностей и лиц, перед которыми имеются задолженности, а также выяснить и зафиксировать реквизиты для перечисления для погашения. Безусловно, это возможно лишь при активном содействии продавца.

Примерный перечень возможных задолженностей и источников информации для подтверждения приведен в таблице 1.

Таблица 1. Источники информации о задолженности

Вид информации	Источники информации
Данные центрального каталога кредитных историй (ЦККИ)	Госуслуги
Сведения из кредитных отчетов	Сайты НБКИ, ОКБ, Скоринг бюро, Русский стандарт, иные сайты, указанные в ЦККИ
Коммунальные платежи, взнос за кап ремонт	Лицевой счет или акты сверок по коммунальным услугам, полученные в Управляющей компании, сайты ресурсоснабжающих организаций
Задолженность у приставов	Сайт ФССП
Остатки задолженностей и реквизиты для погашения	Банки, микрофинансовые организации (МФО)
Налоговые задолженности	Личный кабинет налогоплательщика (ИФНС)

Источник: исследование автора.

После получения всей информации о задолженностях необходимо удостовериться, что общий объем задолженности менее цены приобретаемой недвижимости. В случае если сумма всех долгов больше стоимости объекта недвижимости по договору, целесообразно от приобретения объекта недвижимости отказаться.

Процедура проведения сделки следующая: покупатель и продавец заключают договор продажи недвижимости, и после подписания договора покупатель производит оплату задолженностей продавца по ранее полученным реквизитам. В договоре продажи недвижимости указывается: «Обязательства Покупателя по уплате Продавцу денежных средств в размере ... (...) рублей... копеек (здесь будет общая сумма оплачиваемых покупателем задолженностей) считаются погашенными зачетом встречных однородных требований Покупателя к Продавцу, согласно ст. 313 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с исполнением Покупателем обязательств Продавца: (здесь будет перечень задолженностей с указанием сумм, наименования кредитора, номера договора или лицевого счета должника либо номер исполнительного производства).

Подписанием Сторонами настоящего договора все указанные обязательства считаются прекращенными надлежащим исполнением, при этом любое счетное или расчетное сопоставление и/или перераспределение денежных

(стоимостных) оценок в правах, обязанностях и обязательствах Сторон, связанное прямо или косвенно с проведением указанного зачета, признаётся Сторонами соразмерным и не требующим каких-либо дополнительных имущественных перерасчетов».

Часть стоимости объекта недвижимости, превышающая объем задолженностей, передается с использованием безотзывного покрытого аккредитива, номинального счета или счета эскроу.

Ниже приведена выдержка из реально заключенного договора:

«2. Цена Договора и порядок расчетов.

2.1. Стоимость Объекта составляет 3400 000,00 (Три миллиона четыреста тысяч) рублей 00 копеек. Цена является окончательной и изменению не подлежит. Оплата стоимости Объекта производится Покупателем за счет собственных средств.

2.2. Обязательства Покупателя по уплате Продавцу по настоящему договору денежных средств в размере 3 122 634,79 (Три миллиона сто двадцать две тысячи шестьсот тридцать четыре) рубля 79 копеек считаются погашенными зачетом встречных однородных требований Покупателя к Продавцу, согласно ст. 313 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с исполнением Покупателем обязательств Продавца:

— оплата задолженности по Кредитному договору № __ от 11.06.2021, заключенному между Продавцом и Банк ВТБ (публичное акционерное общество), ИНН: 7702070139 в размере 2 973 291,93 (Два миллиона девятьсот семьдесят три тысячи двести девяносто один) рубль 93 копейки;

— оплата задолженности по исполнительному производству № ____ - ИП от 03.10.2023 в отношении ФИО в размере 8296,77 (Восемь тысяч двести девяносто шесть) рублей 77 копеек;

— оплата исполнительского сбора в рамках исполнительного производства № ____ - ИП от 03.10.2023 в отношении ФИО в размере 1 000,00 (Одна тысяча) рублей 00 копеек...

— ...оплата задолженности перед Фондом модернизации и развития жилищно-коммунального хозяйства муниципальных образований Новосибирской области ИНН 5406562465 по л/счету № ____ в размере 24 287,46 (Двадцать четыре тысячи двести восемьдесят семь) рублей 46 копеек;

— оплата задолженности перед ЗАО «Управляющая компания «СПАС-Дом» ИНН 5405311268 по л/счету № ____ в размере 26 166,13 (Двадцать шесть тысяч сто шестьдесят шесть) рублей 13 копеек...

— ...оплата задолженности перед ООО «НТСК» ИНН 5406833429 по л/счету № 4180802121 в размере 25 168, 16 (Двадцать пять тысяч сто шестьдесят восемь) рублей 16 копеек.

Подписанием Сторонами настоящего договора все указанные обязательства считаются прекращенными надлежащим исполнением, при этом любое счетное или расчетное сопоставление и/или перераспределение денежных (стоимостных) оценок в правах, обязанностях и обязательствах Сторон, связанное прямо или косвенно с проведением указанного зачета, признаётся Сторонами со-

размерным и не требующим каких-либо дополнительных имущественных перерасчетов.

2.3. Часть стоимости Объекта в размере 227 365,21 (Двести двадцать семь тысяч триста шестьдесят пять) рублей 21 копейка оплачивается с использованием безотзывного покрытого аккредитива, открытого в ПАО Сбербанк на следующих условиях:»

Сроки прохождения платежей по исполнительным производствам составляют 3–5 дней, срок снятия запрета на регистрационные действия в отношении объектов недвижимости после закрытия исполнительных производств не превышает 14 дней. Как правило, в пределах этих сроков происходит и снятие обременения (погашение регистрационной записи об ипотеке) с объекта со стороны банка-кредитора.

Безусловно, срок до момента регистрации перехода права к покупателю будет несколько больше, чем при обычных сделках купли-продажи недвижимости, однако такая схема осуществления расчетов во-первых позволит в принципе провести сделку, во-вторых, практически сведет к нулю риск банкротства продавца (неисполненные обязательства к моменту регистрации перехода права собственности к покупателю отсутствуют, а учитывая качество кредитной истории, продавец какое-то время практически не имеет возможности получить новые кредиты), в-третьих, расчеты будут проведены полностью в безналичном порядке.

Необходимо отметить, что подобная организация сделки будет возможна лишь при оплате приобретаемого объекта за счет собственных средств покупателя, без привлечения ипотечного кредита, хотя в текущих реалиях высоких ставок по ипотеке доля сделок на вторичном рынке недвижимости с привлечением ипотечных кредитов и так является небольшой.

Литература:

1. Федеральный закон от 16 июля 1998 года № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, N 29, ст. 3400; 2015, N 1, ст. 52)
2. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 12.06.2024 № 140-ФЗ: [принят Государственной Думой 28 мая 2024 года: Одобрен Советом Федерации 5 июня 2024 года]. — Текст: электронный // Консультант: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_478536/
3. Федеральный закон «О кредитных историях» от 30.12.2004 № 218-ФЗ: [принят Государственной Думой 22 декабря 2004 года: Одобрен Советом Федерации 24 декабря 2004 года]. — Текст: электронный // Консультант: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51043/
4. Приказ ФССП России от 12.05.2012 N 248 (ред. от 04.03.2025) «Об утверждении Порядка создания и ведения банка данных в исполнительном производстве Федеральной службы судебных приставов в электронном виде» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.06.2012 N 24625). — Текст: электронный // Консультант: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131537/
5. Интерактивное представление актуальных статистических данных. — Текст: электронный // Банк России: [сайт]. — URL: <https://www.cbr.ru/statistics/pdco/Mortgage/ML/>
6. Как просрочка по ипотеке в России выросла рекордными темпами. Инфографика. — Текст: электронный // РБК: [сайт]. — URL: <https://www.rbc.ru/finances/31/01/2026/697b66bb9a7947131a2da30d>
7. Росстат: россияне впервые за 16 лет стали тратить на еду почти 40 % доходов. — Текст: электронный // BFM.ru: [сайт]. — URL: <https://www.bfm.ru/news/598354>

8. ЦБ назвал агрессивной динамику просрочки по кредитным платежам в ИЖС. — Текст: электронный // Интерфакс: [сайт]. — URL: <https://www.interfax-russia.ru/realty/news/cb-nazval-agressivnoy-dinamiku-prosrochki-po-kreditnym-platezham-v-izhs>

Правовое регулирование социального сиротства в Российской Федерации

Микушова Алина Витальевна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В статье автор анализирует перечень основополагающих нормативных правовых актов Российской Федерации, которые затрагивают вопрос социального сиротства, а также федеральные органы государственной власти и организации, которые осуществляют и реализуют полномочия, а также регулируют вопросы, связанные с анализируемым социально-правовым явлением.

Ключевые слова: нормативные правовые акты РФ, социальное сиротство, государственная политика, федеральные органы исполнительной власти РФ, правовая защита.

Несмотря на попытки усиления государственного контроля по защите социального сиротства, все равно наблюдается устойчивое повышение количества социальных сирот, которое обусловлено как экономическими, так и социальными факторами. Дети, лишенные семейного окружения, подвержены повышенному риску дезадаптации, правонарушений и зависимостей. Существующие программы поддержки демонстрируют недостаточную эффективность, не всегда предотвращая попадание детей в благоприятные условия. Кроме того, проблема сиротства усугубляет общие демографические проблемы.

Следовательно, всестороннее изучение причин, последствий, условий и разработка стратегий по преодолению социального сиротства являются неотложными задачами в целях защиты прав детей и формирования здорового будущего поколения. Борьба с социальным сиротством в РФ осуществляется посредством совершения комплекса мероприятий, подкрепленных изданием нормативных правовых актов, разрабатываемых и издаваемых различными государственными органами, обладающие правом законодательной инициативы.

Основополагающим нормативным правовым актом в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина в РФ является Конституция Российской Федерации. Положение ч. 1 ст. 7 Конституции РФ провозглашает РФ социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Норма, указанная в ч. 2 ст. 7 Конституции РФ, устанавливает меры и гарантии защиты и поддержки в отношении семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты. В том числе, под объектом государственной защиты здесь понимаются дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей [1].

Государственная поддержка всех указанных объектов обеспечивается Федеральным законом РФ от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации», который определяет систему социальных служб, принципы, на которых основывается предоставление социальных услуг, требования к объемам и качеству социальных услуг и порядку их предоставления [2].

Нормативный правовой акт, определяющий политику в области защиты социального сиротства, является Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». Этот нормативный правовой акт устанавливает дополнительные гарантии для детей-сирот в сферах жилья, здравоохранения, образования и труда. Указанный Федеральный закон регулирует общественные отношения, возникающие в связи с предоставлением и обеспечением органами государственной власти дополнительных гарантий по социальной защите прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из их числа в возрасте до 23 лет [3].

В указанном Федеральном законе содержится важное положение, согласно которому дополнительные гарантии по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, предоставляемые в соответствии с действующим законодательством, обеспечиваются и охраняются государством. Меры по предоставлению дополнительных гарантий социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, основываются на государственных минимальных социальных стандартах для определения финансовых затрат по их осуществлению.

Гражданский кодекс РФ, в свою очередь, устанавливает и содержит общие нормы права в отношении опеки и попечительства (ст.ст. 31–40) [4].

Глава 22 Семейного Кодекса РФ посвящена устройству детей, оставшихся без попечения родителей, в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (ст. ст. 155.1–155.3) [5].

Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» устанавливает положения о правах, обязанностях и ответственности опекунов и попечителей применяются к организациям, в которые помещены под надзор недееспособные или не полностью дееспособные граждане, в том числе к организациям для детей-сирот, определяет полномочия органов опеки и попечительства, закрепляет правовой статус опекунов и попечителей, упорядочивает процедуры установления и прекращения опеки и попечительства [6].

Постановление Правительства РФ от 24.05.2014 № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей», регламентирующее устанавливает перечень осуществляемых видов деятельности и оказываемых услуг организациями для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, порядок устройства детей (включая порядок и условия взаимодействия субъектов РФ и их уполномоченных органов исполнительной власти при принятии решения по устройству ребенка, оставшегося без попечения родителей), основания принятия решений по устройству детей-сирот, а также требования к условиям пребывания в организациях для детей-сирот [11].

Указ Президента РФ от 17.05.2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» [8], является документом стратегического планирования, определяющим угрозы безопасности детей, а также цели, основные направления, задачи и механизмы реализации государственной политики РФ в сфере обеспечения безопасности детей. Указанный нормативный правовой акт корреспондирует и дополняет национальные интересы РФ, указанные в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [9].

Отдельного внимания заслуживают особые программы и инициативы, нацеленные на решение проблемы социального сиротства. К числу государственных программ относится, например, **Стратегическая программа «Дети в семье»**, которая направлена на внедрение семейно-берегающих технологий и сокращение числа детей в учреждениях. Она включает проекты «Профилактика социального сиротства среди детей в возрасте до 4 лет» и «Вызов» [15].

Проект «Профилактика социального сиротства среди детей в возрасте до 4 лет» направлен на повышение устойчивости семей с детьми до 4 лет в преодолении трудной жизненной ситуации, в том числе ситуации, создающей риски помещения детей под надзор в учреждения стационарного типа.

Специальный проект «Вызов» направлен на внедрение семейно-ориентированного подхода, комплексной

работы с семьями и сокращение к концу 2026 года числа детей в учреждениях на 25 %. Реализуется в 14 регионах: Алтайском, Забайкальском, Красноярском, Пермском, Приморском, Хабаровском краях, Архангельской, Иркутской, Кемеровской, Оренбургской, Самарской, Свердловской, Тверской, Челябинской областях.

К числу инициатив относится, например, **инициатива создания Всероссийской службы помощи семье**. Главная задача — сократить число детей, изъятых из семей и находящихся в детских домах. В рамках реформы планируется создать в регионах сеть реабилитационных и кризисных центров, которые будут помогать сохранять семьи без помещения ребёнка в специальные учреждения и лишения родительских прав.

Некоммерческие организации также занимаются решением следующих проблем социального сиротства:

Превенция социального сиротства: фонды помогают детям и родителям сохранить кровные связи, работают со взрослыми, чтобы они могли выйти из кризиса и вернуть детей домой.

Семейное устройство: специалисты фондов помогают найти детям замещающие семьи. **Помощь выпускникам детских домов в адаптации к самостоятельной жизни** через наставнические и профориентационные проекты.

Сопровождение замещающих семей. Как правило, осуществляется в сотрудничестве с государственными органами власти — на базе учреждений социальной защиты, организаций для детей-сирот (детских домов). Работа включает подготовку замещающих родителей и детей, а также сопровождение воспитательного процесса (правовая, консультативная, психолого-педагогическая поддержка) [7].

Далее следует перечислить некоторые федеральные органы государственной власти, входящие в структуру, утвержденную Указом Президента РФ от 11.05.2024 № 326 «О структуре федеральных органов исполнительной власти», которые координируют вопросы, связанные с социальным сиротством [10].

Одним из ведомств, входящих в структуру органов исполнительной власти в РФ, является Министерство просвещения РФ, руководство за деятельностью которого осуществляет Правительство РФ. Министерство просвещения РФ проводит работу по организации системной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Главные направления этой работы — выработка и реализация решений, направленных на развитие и совершенствование деятельности по оказанию социальной, правовой и другой необходимой помощи детям-сиротам и выпускникам организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Кроме того, оно занимается организацией мероприятий по профилактике социального сиротства, участвует в подготовке нормативных актов и методических рекомендаций, касающихся защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [12].

Ещё одним государственным органом, осуществляющим контроль в сфере социального сиротства является Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор), контроль за деятельностью которой также осуществляет Правительство РФ. В соответствии с пунктом 5.9 Положения о Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки, утвержденного постановлением Правительства РФ от 28 июля 2018 г. № 885, Рособрнадзор осуществляет контроль за деятельностью органов опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан [13].

Кроме того, в соответствии с пунктом 1 Общих положений Постановления Правительства РФ от 02.06.2008 № 420 «О Федеральной службе государственной статистики», Федеральной служба государственной статистики (далее — Росстат) является федеральным органом исполнительной власти, подотчетный Правительству РФ, который осуществляет функции по формированию официальной статистической информации о социальных, экономических, демографических, экологических и других общественных процессах в РФ, а также в порядке и случаях, установленных

законодательством РФ, по контролю в сфере официального статистического учета. Росстат осуществляет федеральное статистическое наблюдение, собирает и обрабатывает данные о количестве детей-сирот, их распределении по различным категориям и другим критическим параметрам и публикует сведения на официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [14].

Указанные нормативные правовые акты составляют базу для достижения основной цели детерминируемой проблемы — существенного снижения числа социальных сирот, путём укрепления институтов семьи и увеличения заинтересованности в приёме детей на воспитание. Для оказания более эффективной системы защиты прав детей, лишенных родительского попечения, необходимо постоянно совершенствовать российское законодательство с учетом возникновения новых общественных отношений и появления вызовов, с которыми будут сталкиваться государство в лице ее государственных органов, осуществляющих контроль и надзор в области социального сиротства и защиты прав, свобод и законных интересов детей-сирот.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — Текст: электронный // pravo.gov.ru: [сайт]. — URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 20.02.2026).
2. Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации: федеральный закон от 10.12.1995 № 195-ФЗ // СЗ РФ, 1995. — № 50. — Ст. 4872.
3. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ // СЗ РФ, 1996. — № 52. — Ст. 5880.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ, 1994. — № 32. — Ст. 3301.
5. Семейный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ, 1996. — № 1. — Ст. 16.
6. Об опеке и попечительстве: федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ // СЗ РФ, 2008. — № 17. — Ст. 1755.
7. О некоммерческих организациях: федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ // СЗ РФ, 1996. — № 3. — Ст. 145
8. О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 17.05.2023 г. № 358 // СЗ РФ, 2023. — № 21. — Ст. 3696.
9. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // СЗ РФ», 2021. — № 27 (часть II). — Ст. 5351.
10. О структуре федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 11.05.2024 № 326 // СЗ РФ, 2024. — № 20. — Ст. 2590.
11. О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей: постановление Правительства РФ от 24.05.2014 № 481 // СЗ РФ, 2014. — № 22. — Ст. 2887.
12. Об утверждении Положения о Министерстве просвещения Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 28.07.2018 № 884 // СЗ РФ, 2018. — № 32 (Часть II). — Ст. 5343.
13. Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 28.07.2018 № 885 // СЗ РФ, 2018. — № 32 (Часть II). — Ст. 5344.
14. О Федеральной службе государственной статистики: постановление Правительства РФ от 02.06.2008 № 420 // СЗ РФ, 2008. — № 23. — Ст. 2710.
15. Официальный сайт уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. — Текст: электронный // deti.gov.ru: [сайт]. — URL: <https://deti.gov.ru/Deyatelnost/program/11> (дата обращения: 20.02.2026).

Дополнительные гарантии прав детей-социальных сирот в Российской Федерации

Микушова Алина Витальевна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В статье автор анализирует актуальные проблемы социальной защиты детей-сирот, акцентируя особое внимание на вопросе предоставления жилья для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также приводит в пример практику судов общей юрисдикции, включая решения судов Ивановской области. Также автор рассматривает положения федерального и регионального законодательства (на примере Ивановской области), касающихся предоставления дополнительных гарантий по социальной поддержке лицам, обладающим правом на их получение, в частности это касается сферы образования и жилищного вопроса.

Ключевые слова: дополнительные гарантии, социальное сиротство, социальная поддержка, социальные права, социальные выплаты, федеральный закон, законы субъекта РФ.

Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (далее — Федеральный закон № 159-ФЗ) устанавливает ряд мер социальной защиты социальных сирот в сфере образования, медицинского обеспечения, жилья и имущества, труда и социальной защиты от безработицы, судебной защиты. Согласно ст. 5 Федерального закона № 159-ФЗ предусмотренные дополнительные гарантии для детей, оставшихся без попечения родителей (за исключением детей, обучающихся в федеральных государственных образовательных организациях), являются расходными обязательствами субъектов Российской Федерации. [1].

Особую значимость для сферы социального сиротства представляют дополнительные гарантии социальных сирот в жилищной и образовательной сфере, поскольку, как показывает правоприменительная практика, в настоящее время, возникают сложности в обеспечении реализации прав данной категорий граждан в указанных сферах.

Дополнительные гарантии прав социальных сирот на образование закреплены в ст. 6 Федерального закона № 159-ФЗ:

— право на обучение на подготовительных отделениях образовательных организаций высшего образования;

— право на зачисление на обучение по программам бакалавриата и программам специалитета за счет средств соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации в пределах установленной квоты в порядке, установленном Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [2].

— право на получение второго среднего профессионального образования по программе подготовки квалифицированных рабочих, служащих по очной форме обучения;

— право на однократное прохождение профессионального обучения по программам профессиональной подготовки по профессиям рабочих, должностям служащих по очной форме обучения за счет средств бюджетов субъектов РФ. При этом данное право сохраняется за указанными лицами, если они прошли профессиональное об-

учение в рамках освоения образовательных программ среднего общего либо среднего профессионального образования;

— право на государственное обеспечение в период обучения по очной форме по основным профессиональным образовательным программам, а также программам профессиональной подготовки по профессиям рабочих, должностям служащих, бесплатное питание, бесплатный комплект одежды, обуви, предоставления общежития и медицинского обслуживания или возмещение их полной стоимости;

— сохранение их права на получение полного государственного обеспечения по достижении ими возраста 23 лет вплоть до окончания обучения в соответствующем учебном заведении;

— социальной стипендии за счет средств за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета и субъекта РФ;

— право на получение ежегодного пособия на приобретение учебной литературы и письменных принадлежностей в размере в размере 3-месячной государственной социальной стипендии; [3]

— по решению органов управления образовательной организации выпускники организаций детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, приезжающие в каникулярное время, выходные и праздничные дни, могут зачисляться на бесплатное питание и проживание на период своего пребывания в них;

— на период академического отпуска по медицинским показаниям, отпуска по беременности и родам, отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет сохраняется полное государственное обеспечение и выплачивается государственная социальная стипендия;

— бесплатный проезд на городском, пригородном транспорте, в сельской местности — на внутрирайонном транспорте (кроме такси), также один раз в год к месту жительства и обратно к месту учебы.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что в российском законодательстве закреплен большой объем мер социальной поддержки социальных сирот в области образования, которые создают необхо-

димые социально-экономические в целях реализации прав детей-сирот в данной сфере.

Среди недостатков необходимо отметить низкий уровень социальных выплат в сфере образования. Например, Постановлением Правительства РФ от 17.12.2016 г. № 1390 утверждены нормативы для формирования стипендиального фонда за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета: для государственной социальной стипендии студентам, обучающимся по образовательным программам среднего профессионального образования и высшего образования норматив составляет не менее 809 и 2227 рублей соответственно [4].

Законом Ивановской области «Об образовании в Ивановской области» определены нормативы для формирования стипендиального фонда за счет бюджетных ассигнований бюджета Ивановской области. Для государственной социальной стипендии студентам, обучающимся по образовательным программам среднего профессионального образования, а также обучающимся по программам профессионального обучения, норматив составляет не менее 694,5 рубля в месяц [5].

Безусловно, образовательные организации вправе самостоятельно устанавливать дополнительные меры поддержки, в том числе увеличивать размеры социальных стипендий. Так, Согласно Приказу ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» от 23.01.2023 № 3/10 размер государственной социальной стипендии для студентов очной формы обучения составляет 3 150 рублей [6].

Очевидно, что вышеуказанные минимальные нормативы для формирования стипендиального фонда невелики, принимая во внимание, что данная категория граждан лишена материальной поддержки со стороны семьи, а совмещение учебы и работы особенно на первых курсах не всегда возможно. В связи с этим считаем возможным установить ежемесячные выплаты указанной категории граждан не ниже прожиточного минимума в регионе с учетом единовременных выплат на одежду, мягкий инвентарь, письменные принадлежности и учебную литературу.

Следует отметить, что не все образовательные организации осуществляют социальные выплаты своевременно и в полном объеме ввиду недостаточного финансирования. Однако суды приходят к выводу, что отсутствие надлежащего финансирования на социальные выплаты, не может служить основанием отказа в получении указанной категории граждан социальных выплат, поскольку полное государственное обеспечение и дополнительные гарантии по социальной защите предоставляются детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из числа детей-сирот и детей, оставшимся без попечения родителей с момента возникновения права на их получение, не может быть поставлено в зависимость от каких-либо условий, в том числе от недостаточности бюджетных средств [7].

Дополнительные гарантии прав на имущество и жилое помещение закреплены в ст. 8 Федерального закона № 159-ФЗ.

Дети, оставшиеся без попечения родителей, которые не являются нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений, а также которые являются нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений, в случае, если их проживание в ранее занимаемых жилых помещениях признается невозможным, органом исполнительной власти субъекта РФ, на территории которого находится место жительства указанных лиц, в порядке, установленном законодательством этого субъекта РФ, однократно предоставляются благоустроенные жилые помещения специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений.

Так, в Ивановской области действует Закон Ивановской области от 14.03.1997 № 7-ОЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Ивановской области», регулирующий вопросы предоставления жилья данной категории граждан [8].

Жилые помещения предоставляются лицам по их заявлению в письменной форме по достижении ими возраста 18 лет, а также в случае приобретения ими полной дееспособности до достижения совершеннолетия.

Право на обеспечение жилыми помещениями из указанного специализированного жилищного фонда сохраняется за лицами, которые относились к категории детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и достигли возраста 23 лет, до фактического обеспечения их жилыми помещениями.

В настоящее время порядок предоставления жилых помещений детям-сиротам и лицам из их числа по договору найма специализированного жилого помещения регулируется разделом IV Жилищного кодекса Российской Федерации (см. п. 8 ч. 1 ст. 92, ст. 98.1, ч. 5 ст. 103, ст. 109.1 и др.) [9].

В соответствии с ч. 1 п. 8 ст. 92 ЖК РФ в число видов жилых помещений специализированного жилищного фонда включен такой вид, как жилые помещения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а положение ч. 5 ст. 103 ЖК РФ устанавливает запрет на выселение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из специализированных жилых помещений без предоставления других благоустроенных жилых помещений, которые должны находиться в границах соответствующего населенного пункта.

Решение о предоставлении жилого помещения по договору найма специализированного жилого помещения может быть принято только в отношении граждан, включенных в список детей-сирот и лиц из их числа субъекта РФ.

Срок действия договора найма предоставляемого специализированного жилого помещения составляет в общем случае 5 лет. Данный срок может один раз продлеваться (договор заключается на новый пятилетний срок) при наличии обстоятельств, свидетельствующих о необходимости оказания лицам, с которыми заключен данный договор, содействия в преодолении трудной жизненной ситуации.

В качестве жилых помещений специализированного жилищного фонда для детей-сирот и лиц из их числа могут использоваться только жилые дома и квартиры, благоустроенные применительно к условиям соответствующего населенного пункта. Федеральное законодательство определяет минимальный размер предоставляемого жилого помещения, а именно не ниже установленных социальных норм (п. 2 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ).

Законодательством субъектов РФ могут быть установлены дополнительные гарантии прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на жилое помещение. За счет собственного финансирования допускается установление, помимо предусмотренной федеральной гарантии решения жилищной проблемы, дополнительных гарантий. Так, например, субъекты РФ могут предоставлять большие по площади жилые помещения, чем установлено для предоставления из специализированного жилищного фонда. Также на уровне субъектов РФ может быть решен вопрос о предоставлении льгот (субсидий) на оплату жилого помещения и коммунальных услуг или проведение ремонта жилого помещения и т. д.

Например, Постановлением Правительства Ивановской области от 22.02.2022 года № 75-п предусмотрено оказание социальной поддержки лицам, которые относились к категории детей, оставшихся без попечения родителей, достигли возраста 23 лет и подлежат обеспечению жилыми помещениями, в форме однократного предоставления единовременной социальной выплаты на приобретение жилого помещения [10].

Размер единовременной социальной выплаты устанавливается в размере стоимости приобретаемого жилого помещения, предусмотренной договором купли-продажи либо договором участия в долевом строительстве, но не может превышать суммы, рассчитываемой исходя из общей площади приобретаемого жилого помещения, но не более чем 33 кв. м, и показателя средней рыночной стоимости 1 кв. м общей площади жилого помещения по Ивановской области, утвержденного Минстроем России на дату принятия решения о предоставлении единовременной социальной выплаты.

Стоит отметить, что на сегодняшний день существует множество судебных споров по вопросу предоставления жилых помещений детям, оставшихся без попечения родителей [11], где органы местного самоуправления часто выступают ответчиками [12]. Отметим, что предоставление жилых помещений по договорам найма специализированных жилых помещений детям, оставшихся без попечения родителей, осуществляется не только в соответствии

с законодательством Российской Федерации, но и законодательством субъектов РФ (ч. 1 ст. 109.1 ЖК РФ), ввиду чего судебная практика может складываться не единообразно.

Все многообразие рассматриваемых судебных споров можно разделить на категории, встречающиеся чаще остальных.

1. Отказ в предоставлении жилого помещения по причине смена места жительства.

Однако согласно позиции Верховного Суда РФ предоставление жилых помещений детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, проживающим на территории субъекта Российской Федерации, должно осуществляться на одинаковых условиях, без каких-либо предпочтений, исключений либо ограничений дискриминационного характера для отдельных групп из их числа по месту проживания (или временного пребывания) [13].

2. Отказ в предоставлении жилого помещения по причине наличия возможности проживания в жилом помещении, собственником которого они не являются, а также имущественного положения.

Так, А. отказано во включении в список детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые подлежат обеспечению жилыми помещениями, на том основании, что он обеспечен жилой площадью, поскольку имеет равное с собственником право на пользование жилым помещением общей площадью 31,1 кв. м и на каждого члена семьи приходится по 15,5 кв. м общей площади, что превышает размер учетной нормы. Кроме того, мать А. являлась собственником земельного участка площадью 893 кв. м, отец — собственником земельного участка площадью 500 кв. м, из чего Администрация сделала вывод о том, что А. имеет возможность наследовать указанное имущество.

Суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что А. является обеспеченным жилым помещением и оснований для предоставления истцу жилого помещения из специализированного жилищного фонда не имеется, поскольку истец вселен в квартиру в качестве члена семьи собственника (своей сестры) и имеет равное с ней право пользования квартирой на неопределенный срок; на истца приходится общей площади жилого помещения более учетной нормы, установленной в городе Ростове-на-Дону и равной 10 кв. м; обстоятельств, свидетельствующих о невозможности проживания истца в указанном жилом помещении судом не установлено. Кроме того, суд апелляционной инстанции указал на право А. наследовать земельные участки после смерти своих родителей.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ отменила судебный акт апелляционной инстанции и указала, что при определении права детей-сирот и лиц из числа детей-сирот на обеспечение жилым помещением, предоставляемом по договору найма специализированного жилого помещения, возможность проживания указанных лиц в жилом помещении, собственником которого они не являются, а также их имущественное положение правового значения не имеет [14].

3. Предоставление жилых помещений, не отвечающих требованиям, предъявляемым к ним действующим законодательством.

Так, удовлетворяя требования прокурора в интересах К., С. и Ю., судом установлено, что заключением межведомственной комиссии дом, в котором расположены квартиры истцов, признан аварийным, помещения не отвечали требованиям, предъявляемым санитарными и техническими нормами, не были пригодными для проживания. Судебные инстанции пришли к обоснованному выводу о том, что ответчиками не была исполнена предусмотренная действующим законодательством обязанность по предоставлению истцам по договорам найма специализированных жилых помещений специализированного жилищного фонда жилых помещений, пригодных для проживания, отвечающих требованиям законодательства, в результате чего право К., С. и Ю. на обеспечение жилым помещением не реализовано и подлежит судебной защите [15].

Удовлетворяя иски о расторжении договора найма специализированного жилого помещения, предоставлении иного жилого помещения по договору найма специализированного жилого помещения, суд исходил из того, что на момент предоставления жилого помещения Ч. по договору найма специализированных жилых помещений данное жилое помещение не отвечало требованиям, предъявляемым санитарными и техническими нормами, не было пригодными для проживания [16].

Удовлетворяя иски о признании недействительным распоряжения в части, расторжении договора найма специализированного жилищного фонда, обязанности предоставить жилое помещение специализированного жилищного фонда, суд пришел к выводу, что ранее предоставленное жилое помещение не пригодно для проживания по причинам несоответствия, в частности, требованиям санитарно-технических, санитарно-гигиенических норм и правил, действующих на территории Российской Федерации [17].

4. Несвоевременное предоставление жилого помещения, ввиду отсутствия свободных объектов недвижимости и недостаточного финансирования.

Основной причиной несвоевременного удовлетворения потребностей детей-сирот в жилье является отсутствие достаточного финансирования этого направления социального обеспечения из региональных бюджетов. Субсидии, которые выделяются регионам из федерального бюджета, незначительны по сравнению с возникшими потребностями.

Литература:

1. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»: федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ // СЗ РФ, 1996. — № 52. — Ст. 5880.
2. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // СЗ РФ, 2012. — № 53 (ч. 1). — Ст. 7598.
3. Об утверждении Правил выплаты ежегодного пособия на приобретение учебной литературы и письменных принадлежностей детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из числа детей-сирот

Анализ судебных решений показал, что в ходе судебного разбирательства ответчиками — органами исполнительной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления нередко приводятся доводы о том, что в связи с отсутствием у них свободного жилья, строительства нового жилищного фонда, денежных средств на приобретение жилых помещений требования закона изначально неисполнимы [18].

Вместе с тем Верховный Суд РФ еще в 2008 году указал, что правильной является позиция тех судов, которые, удовлетворяя заявления прокуроров в защиту жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в своих решениях о предоставлении жилого помещения по договору социального найма исходили из того, что обеспечение вне очереди жилым помещением таких детей не может быть поставлено в зависимость от каких-либо условий, а вышеприведенные доводы ответчиков признавались не основывались законе [19].

Практически по каждому судебному решению региональные и муниципальные власти просят отсрочку, иногда достаточно долговременную. Суды общей юрисдикции, как правило, стоят на стороне интересов сирот, вынося решения об отказе в предоставлении отсрочки на предоставление жилых помещений детям, оставшимся без попечения родителей [20].

Необходимо отметить, что соблюдение жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, имеет приоритетное значение для государства и общества в целом, поскольку лица этой категории по достижении 18 лет либо по окончании учебного заведения, не имея места для проживания, оказываются на улице и нередко становятся частью маргинальных слоев населения.

Несмотря на законодательное закрепление прав сирот на получение жилья, до настоящего времени даже судебный акт о предоставлении жилья не решает проблемы. Сложный механизм выделения средств из региональных бюджетов органам муниципальной власти для реализации государственных полномочий по обеспечению жильем граждан рассматриваемой категории существенным образом затрудняет исполнение судебных решений.

Практика показывает, что порядок исполнения судебных решений рассматриваемой категории не является достаточно эффективным и требует скорейшего совершенствования, что в первую очередь связано с необходимостью более четкого определения соответствующих функций и обязанностей всех органов власти, участвующих в процессе исполнения судебных актов, на региональном и местном уровнях.

- и детей, оставшихся без попечения родителей, лицам, потерявшим в период обучения обоих родителей или единственного родителя, обучающимся по очной форме обучения по основным профессиональным образовательным программам за счет средств федерального бюджета: постановление Правительства РФ от 18.09.2017 № 1116 // СЗ РФ, 2017. – № 39. – Ст. 5697.
4. О формировании стипендиального фонда (вместе с Правилами формирования стипендиального фонда за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, Нормативами для формирования стипендиального фонда за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета): постановление Правительства РФ от 17.12.2016 № 1390 // СЗ РФ, 2021. – № 27 (ч. III). – Ст. 5415.
 5. Об образовании в Ивановской области: закон Ивановской области от 05.07.2013 № 66-ОЗ // СЗ Ивановской области, 2013. – № 28(647); СЗ Ивановской области; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
 6. Об установлении размеров стипендий с 1 января 2023 года в ИвГУ и Шуйском филиале ИвГУ: Приказ ФГБОУ ВО «ИвГУ» от 23.01.2023 № 3/10 // Официальный сайт ФГБОУ ВО «ИвГУ». Раздел «Сведения об образовательной организации». Подраздел «Стипендии и иные виды материальной поддержки». 2023. URL: https://ivanovo.ac.ru/upload/medialibrary/205/Prikaz_o_st_23.01.2023.pdf (дата обращения 20.02.2026).
 7. См., например: Решение Советского районного суда города Орла от 26.02.2019 по делу № 2–21/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Верховного суда республики Бурятия от 25.11. 2019 по делу № 33–4231 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Орловского областного суда от 10.07.2019 по делу № 33–1874/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
 8. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Ивановской области: закон Ивановской области от 14.03.1997 № 7-ОЗ // СЗ Ивановской области, 1997. – № 5(71); Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
 9. Жилищный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2004 № 188-ФЗ // СЗ РФ, 2005. – № 1 (часть 1). – Ст. 14.
 10. Об утверждении Порядка предоставления единовременной социальной выплаты на приобретение жилого помещения и внесении изменения в постановление Правительства Ивановской области от 27.06.2008 № 170-п «Об утверждении Перечня государственных услуг (работ), предоставляемых (выполняемых) исполнительными органами государственной власти Ивановской области и подведомственными им учреждениями»: постановление Правительства Ивановской области от 22.02.2022 № 75-п // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3700202202220002>.
 11. Бойкова Т. Анализ судов по теме сирот и жилья // Жилищное право. 2021. – № 11. – С. 31–37.
 12. Шакирова Э. Жилье детям-сиротам — актуальные споры // Жилищное право. 2022. № 2. С. 95–102.
 13. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11.08.2020 № 4-КГ20–25-К1 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
 14. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 02.10.2018 № 41-КГ18–36 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
 15. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с обеспечением детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми помещениями (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
 16. Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 28.09.2021 по делу № 2–627/2021 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
 17. Решение Центрального районного суда города Прокопьевска от 09.02.2023 № 2–418/2023 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
 18. См., например: Решение Шуйского городского суда Ивановской области от 23.12.2021 по делу № 2–1790/2021 // Архив Шуйского городского суда Ивановской области за 2021 г.; Решение Шуйского городского суда Ивановской области от 25.07.2022 по делу № 2–1278/2022 // Архив Шуйского городского суда Ивановской области за 2022 г.
 19. Обзор практики рассмотрения судами дел по заявлениям прокуроров в защиту жилищных прав несовершеннолетних детей, подпадающих под категорию лиц, которые имеют право на дополнительную социальную защиту в соответствии со ст. 1 ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 10.
 20. Определение Шуйского городского суда Ивановской области от 19.10.2022 по делу № 13–660/2022 // Архив Шуйского городского суда Ивановской области за 2022 г.; Определение Шуйского городского суда Ивановской области от 19.10.2022 по делу № 13–661/2022 // Архив Шуйского городского суда Ивановской области за 2022 г.; Определение Шуйского городского суда Ивановской области от 30.01.2023 по делу № 13–59/2023 // Архив Шуйского городского суда Ивановской области за 2023 г.

Противоречия и пробелы в законодательстве о Центральном банке Российской Федерации

Морозова Наталья Алексеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются актуальные противоречия и пробелы в правовом регулировании статуса и деятельности Центрального банка Российской Федерации. Рассматриваются вопросы конституционно-правовой природы Банка России, соотношения его независимости и подотчётности органам государственной власти, проблематика нормативных полномочий, ответственности и судебного контроля.

Ключевые слова: Центральный банк Российской Федерации, Банк России, независимость Центрального банка, банковское право, финансовое право, нормативные акты, конституционный статус, судебный контроль.

Правовой статус Центральный банк Российской Федерации (Банка России) закреплён в Конституция Российской Федерации, которая в статье 75 устанавливает его исключительную функцию по защите и обеспечению устойчивости рубля. Вместе с тем Основной закон не относит Банк России ни к одной из ветвей власти, что обусловило формирование в правоприменительной практике концепции «особого публично-правового института». В Постановлении Конституционного Суда РФ от 12.04.2001 № 7-П было указано, что Банк России обладает публично-властными полномочиями, но не входит в систему органов исполнительной власти, что подчёркивает его уникальную правовую природу. Однако данное толкование не устранило системную неопределённость: статус Банка России остаётся вне чёткой классификации в системе органов государственной власти.

Развитие конституционных положений осуществляется в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» № 86-ФЗ. Закон закрепляет право Банка России издавать нормативные акты, обязательные для кредитных организаций, небанковских финансовых институтов и иных участников финансового рынка. В судебной практике неоднократно рассматривались дела об оспаривании таких актов. Верховный Суд РФ указывал, что нормативные акты Банка России подлежат проверке на соответствие федеральному законодательству, однако оценка их экономической целесообразности выходит за пределы судебного контроля. Таким образом, судебная защита ограничивается проверкой законности процедуры и формального соответствия, что свидетельствует о широком объёме дискреции регулятора.

Значительный пласт судебной практики связан с отзывом лицензий у кредитных организаций. В делах по заявлениям ПАО «Татфондбанк» и ПАО «Банк Югра» (2017 г.) Верховный Суд РФ подтвердил законность решений Банка России, указав, что оценка финансовой устойчивости банков относится к исключительной компетенции регулятора. Суды подчеркнули, что вмешательство возможно лишь при наличии явных нарушений процедуры или превышения полномочий. Данная позиция демонстрирует, что судебный контроль носит ограниченный характер и не затрагивает экономическое усмотрение Банка России.

Отдельного анализа заслуживает практика санации банков через Фонд консолидации банковского сектора, созданный Банком России в 2017 году. В рамках процедур финансового оздоровления регулятор приобретал акции санлируемых банков, становясь их временным собственником. В судебных спорах о банкротстве и корпоративном управлении возникал вопрос о правомерности совмещения регуляторных и имущественных функций. Суды признавали допустимость такой модели в силу прямого указания закона, однако в научной среде отмечалось, что законодательство не содержит достаточных гарантий предотвращения конфликта интересов, когда надзорный орган одновременно выступает участником рынка.

Дополнительные коллизии проявились в сфере валютного регулирования в 2022 году, когда Банк России ввёл временные ограничения на валютные операции, установил особый порядок продажи экспортной выручки и ограничения на переводы средств за рубеж. Оспаривая данные меры, заявители ссылались на ограничение права собственности и свободы предпринимательской деятельности. Суды, рассматривавшие подобные споры, исходили из приоритета публичных интересов обеспечения финансовой стабильности и признавали действия Банка России соответствующими его компетенции. Тем самым судебная практика подтвердила приоритет макроэкономической стабильности над частными интересами в условиях кризиса.

Дополнительным аспектом является проблема имущественного статуса Банка России. Закон устанавливает, что его имущество является федеральной собственностью, но распоряжение осуществляется самостоятельно. Конституционный Суд РФ в своих определениях отмечал, что такая модель направлена на обеспечение независимости регулятора. Однако в делах, связанных с имущественными требованиями к Банку России, возникал вопрос о пределах его имущественной ответственности. Суды исходят из того, что государство не отвечает по обязательствам Банка России и наоборот, если иное прямо не предусмотрено законом, что подтверждает правовую автономию регулятора, но одновременно создаёт сложность в вопросах распределения рисков.

Особое значение имеет практика по делам о привлечении Банка России к ответственности за действия вре-

менной администрации банков. В ряде споров вкладчики пытались взыскать убытки, ссылаясь на ненадлежащий надзор. Суды, как правило, отказывали в удовлетворении требований, указывая, что надзорная деятельность Банка России носит публично-правовой характер и не предполагает гражданско-правовой ответственности за экономические последствия банкротства кредитной организации при отсутствии прямого нарушения закона. Это подтверждает существование пробела в механизмах компенсации вреда, причинённого недостаточностью надзорных мер.

Кроме того, в последние годы активно развивается правовое регулирование цифрового рубля. Банк России выступает одновременно разработчиком концепции и регулятором её внедрения. Возникает вопрос о пределах его нормотворческой инициативы в сфере финансовых инноваций, поскольку значительная часть регулирования осуществляется подзаконными актами самого Банка России. Это усиливает значение проблемы делегированного нор-

мотворчества и вновь поднимает вопрос о соотношении независимости и публичной ответственности.

Таким образом, анализ законодательства и судебной практики показывает, что противоречия и пробелы в регулировании деятельности Центрального банка Российской Федерации проявляются в неопределённости его конституционного статуса, широте дискреционных полномочий при ограниченном судебном контроле, совмещении регуляторных и имущественных функций в процессе санации банков, отсутствии чётких механизмов гражданско-правовой ответственности и недостаточной детализации процедур управления международными резервами и цифровыми финансовыми инструментами. Устранение данных противоречий возможно посредством конституционного уточнения статуса Банка России, законодательного закрепления более прозрачных критериев реализации надзорных полномочий и развития механизмов публичной подотчётности при сохранении институциональной независимости регулятора.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации.
2. Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 № 86-ФЗ.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.04.2001 № 7-П.
4. Определения и решения Верховного Суда РФ по делам об отзыве лицензий у ПАО «Татфондбанк», ПАО «Банк Югра» (2017 г.).
5. Материалы судебной практики по спорам, связанным с санацией банков через Фонд консолидации банковского сектора (2017–2020 гг.).
6. Ежегодные отчёты Банка России о развитии банковского сектора и денежно-кредитной политике (2014–2024 гг.).
7. Судебная практика Верховного Суда РФ по делам об отзыве лицензий у ПАО «Татфондбанк», ПАО «Банк Югра» (2017 г.).

Основания и порядок применения наказания в виде лишения специального права

Панкевич Виктория Вячеславовна, студент

Научный руководитель: Иванов Анатолий Михайлович, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена анализу административного наказания в виде лишения специального права, предусмотренного Кодексом РФ об административных правонарушениях. В работе рассматриваются правовые основания применения этого вида наказания, его особенности, а также процедурные аспекты исполнения.

Ключевые слова: административное правонарушение, административное наказание, лишение специального права, назначение наказания, право управления транспортными средствами, исчисление срока лишения специального права.

Grounds and procedure of application of punishment in the form of deprivation of special right

The article is devoted to the analysis of the administrative punishment in the form of deprivation of a special right, provided for by the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. The paper examines the legal grounds for applying this type of punishment, its features, and procedural aspects of its implementation.

Keywords: *administrative offense, administrative punishment, deprivation of a special right, imposition of punishment, right to drive vehicles, calculation of the period of deprivation of a special right.*

В современном обществе, где многие виды деятельности требуют наличия определенных разрешений или лицензий, административное право предусматривает ряд мер воздействия на нарушителей. Одной из таких мер является лишение специального права, которое применяется в случаях, когда гражданин или организация злоупотребляют предоставленными им правами или нарушают установленные правила.

Административное наказание в виде лишения специального права является одной из мер воздействия на правонарушителей в Российской Федерации. Оно предусмотрено статьёй 3.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) и применяется за грубые или систематические нарушения порядка пользования специальным правом. Лишение физического лица ранее предоставленного ему специального права устанавливается также за уклонение от исполнения иного административного наказания, назначенного за нарушение порядка пользования этим правом, в случаях, предусмотренных статьями Особенной части КоАП РФ, за нарушение установленного в соответствии с законодательством об исполнительном производстве временного ограничения на пользование специальным правом. Лишение специального права назначается исключительно судьёй [1].

Лишение специального права не является произвольной мерой. Оно применяется только при наличии законных оснований, предусмотренных КоАП РФ и другими федеральными законами. К наиболее распространённым основаниям относятся:

Грубое нарушение правил, установленных для осуществления данного специального права: например, управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, превышение установленной скорости движения более чем на 60 км/ч, нарушение правил перевозки опасных грузов.

Систематическое нарушение правил: неоднократное совершение правонарушений, даже если они не являются грубыми, может привести к лишению специального права.

Нарушение, создающее угрозу общественной безопасности или здоровью граждан: например, незаконное хранение или ношение оружия, нарушение правил пожарной безопасности при осуществлении лицензируемой деятельности.

Несоблюдение условий, на которых было предоставлено специальное право: например, нарушение требований, установленных для осуществления лицензируемой деятельности [5].

Процедура назначения лишения специального права строго формализована и содержит множество гарантий для лица, привлекаемого к административной ответственности, что призвано обеспечить законность и обоснованность применения этого серьёзного вида наказания.

Процесс лишения специального права строго регламентирован КоАП РФ и включает в себя несколько этапов:

Выявление правонарушения: Сотрудники уполномоченных органов (ГИБДД, Росприроднадзор, Роспотребнадзор, МВД и др.) фиксируют факт нарушения.

Составление протокола об административном правонарушении: в протоколе указываются все обстоятельства дела, данные нарушителя, статья КоАП РФ, предусматривающая ответственность, и доказательства вины.

Рассмотрение дела об административном правонарушении: дело рассматривается уполномоченным органом. Нарушителю предоставляется возможность дать объяснения, представить доказательства и воспользоваться помощью защитника.

Вынесение постановления о лишении специального права: если вина нарушителя доказана, выносится постановление о лишении специального права. В постановлении указывается срок лишения, который может варьироваться от нескольких месяцев до нескольких лет, в зависимости от тяжести правонарушения. Срок лишения специального права не может быть менее одного месяца и более трех лет.

Исполнение постановления: после вступления постановления в законную силу, оно подлежит исполнению. Например, водительское удостоверение изымается, а право на охоту или ношение оружия аннулируется. Постановление вступает в законную силу через 10 дней после его вынесения, если не было обжаловано.

Возврат специального права: по истечении срока лишения, нарушитель может обратиться за возвратом специального права. В некоторых случаях для этого требуется пройти дополнительные проверки или сдать экзамены.

Лишение специального права в виде права управления транспортным средством не может применяться к лицу, которое пользуется транспортным средством в связи с инвалидностью, за исключением случаев совершения административных правонарушений, предусмотренных частями 1 и 2 статьи 12.8, частью 7 статьи 12.9, частью 3 статьи 12.10, частью 5 статьи 12.15, частью 3.1 статьи 12.16, статьёй 12.24, частью 1 статьи 12.26, частями 2 и 3 статьи 12.27 КоАП РФ.

Лишение специального права также применяется к лишению права осуществлять охоту. Формулировка лишения права на охоту содержится в Федеральном законе «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Назначение административного наказания в виде лишения права на охоту имеет исключение: лишение права осуществлять охоту не распространяется на лиц, для которых она является основным законным источ-

ником средств к существованию, за исключением случаев, предусмотренных частью 1.2 статьи 8.37 КоАП РФ [2].

Исполнение данного наказания осуществляется путем аннулирования охотничьего билета. Ранее было предусмотрено, что суть исполнительного производств заключается в изъятии охотничьего билета. С учетом того, что охотничьи билеты ранее выдавались не только государственными органами, но и общественными охотничьими организациями, одно и то же лицо могло одновременно иметь несколько таких билетов. Такое положение, существовавшее на протяжении длительного периода времени, объективно требовало кардинальных изменений, на что неоднократно обращалось внимание [4].

Охотничий билет выдается органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации и признается действующим со дня внесения сведений о нем в государственный охотхозяйственный реестр. Этот документ аннулируется тем же органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Порядок его выдачи

и аннулирования устанавливается уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. Данный документ признается аннулированным со дня внесения сведений о его аннулировании в государственный охотхозяйственный реестр и подлежит возврату в выдавший его уполномоченный орган в течение месяца со дня получения уведомления об аннулировании охотничьего билета [3].

Лишение специального права является серьезной мерой административной ответственности, направленной на обеспечение безопасности и порядка в обществе. Важно помнить, что данная мера применяется только при наличии законных оснований и с соблюдением установленного порядка. Применение указанной санкции связано с ограничением правовой сферы виновного лица, с лишением его на время определенного субъективного права, и отвечает задачам законодательства об административных правонарушениях. Соблюдение правил и законов — лучший способ избежать подобных последствий.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ / [Электронный ресурс] // Контур.Норматив: [сайт]. — URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=501027> (дата обращения: 26.02.2026).
2. Федеральный закон от 24.07.2009 N 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» / [Электронный ресурс] // Контур.Норматив: [сайт]. — URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=501589> (дата обращения: 26.02.2026).
3. Приказ Минприроды РФ от 07.04.2025 N 178 (ред. от 07.04.2025) «Об утверждении Порядка оформления и выдачи разрешений на добычу охотничьих ресурсов, порядка подачи заявок и заявлений, необходимых для выдачи таких разрешений, и форм бланков разрешений на добычу копытных животных, медведей, пушных животных, птиц» / [Электронный ресурс] // Контур.Норматив [сайт] URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=4944877/> (дата обращения: 26.02.2026).
4. Комментарий к Кодексу об административных правонарушениях / под общ. ред. Н. Г. Салицовой (автор комментария к ст. 32.6 — Якимов А. Ю.). 6-е изд., перераб. и доп. М., 2017 / [Электронный ресурс] // Stud.Files: [сайт]. — URL: <https://studfile.net/preview/6724711/page:37/> (дата обращения: 26.02.2026).
5. Баев К. В. Лишение специального права как вид административного наказания // Вестник МФЮА. 2014. № 2. Текст: электронный // <https://cyberleninka.ru/article/n/lishenie-spetsialnogo-prava-kak-vid-administrativnogo-nakazaniya> (дата обращения: 26.02.2026).

Понятие специального права и порядок его получения гражданином

Панкевич Виктория Вячеславовна, студент

Научный руководитель: Иванов Анатолий Михайлович, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается понятие специального права как юридической категории, отражающей необходимость получения специальных разрешений для осуществления определённых видов деятельности гражданином. Обосновывается правовая природа специального права, анализируются законодательные нормы и порядок его получения, включая лицензирование.

Ключевые слова: административное правонарушение, административное наказание, получение специального права, лишение специального права, общественные интересы.

The concept of a special right and the procedure for obtaining it by a citizen

The article examines the concept of special rights as a legal category that reflects the need to obtain special permits for certain types of activities by a citizen. The legal nature of special rights is substantiated, and the legal norms and procedures for obtaining them, including licensing, are analyzed.

Keywords: *administrative offense, administrative punishment, obtaining a special right, deprivation of a special right.*

Специальное право в административном законодательстве представляет собой установленную законом возможность гражданина осуществлять определённую деятельность, требующую предварительного получения разрешения или квалификации. В отличие от общих прав, специальные права связаны с повышенными требованиями к субъекту, обусловленными необходимостью обеспечения общественной безопасности, правопорядка и охраны здоровья. К таким правам относятся, например, управление транспортными средствами, ношение оружия, осуществление охоты и рыболовства. Законодательство чётко регламентирует условия и порядок их оформления, а также оговаривает меры, направленные на пресечение злоупотреблений и недопущение угроз общественным интересам.

Юридическая сущность специального права заключается в том, что оно формирует особый административно-правовой режим, регулирующий поведение лица в определённой сфере деятельности. При этом право выступает не только как возможность, но и как инструмент государственного контроля, поскольку предоставляется и ограничивается с целью защиты общественных интересов и безопасности. Например, право управления транспортным средством является специальным правом, так как гражданин получает его на основании экзаменов и медицинских осмотров, что подтверждает его способность безопасно управлять автомобилем.

Для получения специального права гражданин должен выполнить ряд обязательных условий, включающих соответствие квалификационным требованиям, подготовку и предоставление установленных документов, а также соблюдение установленного законом порядка подачи заявлений и прохождения соответствующих процедур. Эти условия формируют основу правомерного допуска к определённым видам деятельности, требующим специального разрешения со стороны государства [1].

Правильная процедура получения специальных прав имеет ключевое значение для легитимности их использования и обеспечения безопасности общества. Только при строгом соблюдении предписанных законодательством механизмов оформления таких прав создаётся правовая основа для их беспрепятственного функционирования в управленческой системе. Отказ в выдаче специального права из-за несоответствия требованиям или нарушение порядка его получения подрывают доверие к институту в целом и повышают риски административных и социальных конфликтов.

В случае получения разрешения на охоту порядок оформления базируется на требованиях Федерального

закон от 24.07.2009 N 209-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и сопровождающих нормативных актах. Согласно части 3 статьи 8 указанного закона, право на добычу охотничьих ресурсов возникает с момента выдачи разрешения на их добычу, если иное не предусмотрено настоящим Федеральным законом [2]. Порядок оформления этого документа регламентирован приказом Минприроды России № 178 от 07.04.2025, который устанавливает перечень документов, форму заявления, а также условия допуска к добыче охотничьих ресурсов. Отдельно предусмотрены особенности при охоте в закреплённых и общедоступных охотничьих угодьях: для спортивной и любительской охоты, в первых помимо разрешения необходимо оформление путёвки, а во вторых — точно предъявления разрешения [2] [3].

Региональные власти вправе на законодательном уровне устанавливать порядок распределения разрешений между охотниками в общедоступных угодьях, что подчёркивает децентрализацию процесса и адаптацию требований к местным условиям и особенностям. Такая практика направлена на предотвращение чрезмерного вылова и сохранение охотничьих ресурсов, что в совокупности поддерживает принципы устойчивого природопользования и законности. Заявителю при оформлении разрешения необходимо учитывать не только федеральные, но и региональные нормативы, а также придерживаться правил охоты, установленных законодательством [2].

Что касается водительских прав, их получение регулируется иными нормами, закреплёнными в административном и транспортном законодательстве. Процедура предполагает прохождение обучения в аккредитованных организациях, успешную сдачу теоретического и практического экзаменов в Госавтоинспекции, а также подтверждение медицинской пригодности к управлению транспортным средством. Все эти элементы направлены на подтверждение компетентности и способности гражданина безопасно использовать специальное право, избегая угроз безопасности дорожного движения [4].

Обязательность соблюдения установленных процедур при получении специальных прав обусловлена необходимостью гарантировать квалифицированность и ответственность субъектов права. Это препятствует незаконному или необоснованному использованию прав и служит профилактикой административных нарушений. В случае несоблюдения требований — например, при во-

ждении без удостоверения или охоте без разрешения — наступает административная ответственность, включая штрафы, предупреждения и в ряде случаев лишение данного специального права. Данная система контроля способствует укреплению правопорядка и защите общественных интересов.

Прежде всего, квалификация заявителя является фундаментальным критерием. Она подтверждает наличие профессиональных знаний, навыков и опыта, необходимых для выполнения работ или услуг, регулируемых специальным правом. Квалификационные требования могут быть зафиксированы в нормативных документах, включать наличие профильного образования, прохождение специальных курсов, стаж работы в соответствующей области. Например, получение лицензии на приобретение и хранение оружия требует отсутствия медицинских противопоказаний, что подтверждается медицинскими заключениями об отсутствии психических расстройств и зависимости от наркотических или психотропных веществ [1].

В соответствии со статьей 3.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях РФ физическое лицо, совершившее административное правонарушение может быть лишено, ранее предоставленного ему специального права в случаях, предусмотренных статьями Особенной части данного Кодекса [6].

Лишение специального права назначается только судьей.

Назначение данного вида административного наказания возможно только лицам, имеющим право управления транспортным средством, либо лишенным его в установленном законом порядке. Указанное положение не может применяться к лицу, которое пользуется транспортным средством в связи с инвалидностью.

Литература:

1. Федеральный закон от 04.05.2011 N 99-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Контур.Норматив // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=501646> (Дата обращения 17.02.2026);
2. Федеральный закон от 24.07.2009 N 209-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Контур.Норматив // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=501589> (Дата обращения 17.02.2026);
3. Приказ Минприроды РФ от 07.04.2025 N 178 (ред. от 07.04.2025) «Об утверждении Порядка оформления и выдачи разрешений на добычу охотничьих ресурсов, порядка подачи заявок и заявлений, необходимых для выдачи таких разрешений, и форм бланков разрешений на добычу копытных животных, медведей, пушных животных, птиц» / [Электронный ресурс] // Контур.Норматив [сайт] URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=4944877/> (дата обращения: 17.02.2026).
4. Постановление Правительства РФ от 24.10.2014 N 1097 «О допуске к управлению транспортными средствами» / [Электронный ресурс] // Контур.Норматив: [сайт]. — URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=487736> (дата обращения: 17.02.2026).
5. Федеральный закон от 10.12.95 N 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» / [Электронный ресурс] // Контур.Норматив: [сайт]. — URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=501027> (дата обращения: 17.02.2026).
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ / [Электронный ресурс] // Контур.Норматив: [сайт]. — URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=501027> (дата обращения: 17.02.2026).

Конкретные составы правонарушений законодательно закреплены в Главе 12 КоАП РФ. В целом все правонарушения подразделяются на следующие основные подвиды:

- за управление транспортным средством в состоянии алкогольного или иного опьянения отказ от прохождения медицинского освидетельствования;
- осуществление выезда на встречную полосу движения;
- управление транспортным средством без водительского удостоверения;
- завершение маневра «обгон» с пересечением «сплошной» линии;
- несоблюдение дорожных знаков;
- нарушение правил эксплуатации транспортных средств.

В соответствии со ст. 32.6 КоАП РФ исполнение постановления суда о лишении права управления транспортным средством осуществляется путем изъятия и хранения в течение всего срока соответствующего водительского удостоверения.

По истечении срока лишения специального права документы, изъятые у лица, подвергнутого данному виду административного наказания, подлежат возврату.

Таким образом, юридическая фиксация порядка получения и лишения специальных прав в административном законодательстве является гарантией законного использования таких прав и предотвращения злоупотреблений, что составляет переход к вопросам ответственности за нарушения, связанными с неправильным использованием данных полномочий. Выполнение процессуальных требований создаёт основу для справедливого и эффективного применения административных мер, обеспечивающих баланс интересов личности и общества.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 9 (612) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 11.03.2026. Дата выхода в свет: 18.03.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.